

Космос

8
АВГУСТ
1972

Колтёр

8

АВГУСТ

1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

**ОН БЫЛ ТВОИМ
РОВЕСНИКОМ**

14

**Продолжается
повесть
об индейцах**

24

**РАЗНОЦВЕТНАЯ
„ОЛЕНЬКА“**

38

**ПЕТЯ И
ОЛИВЕР—
ГОСТИ
КИНОКЛУБА**

42

**О ЧЕМ РАССУЖДАЮТ
ОЛИМПИЙЦЫ**

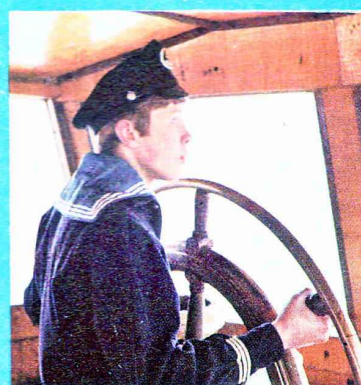
50

**Кукарекать
запрещено**

64

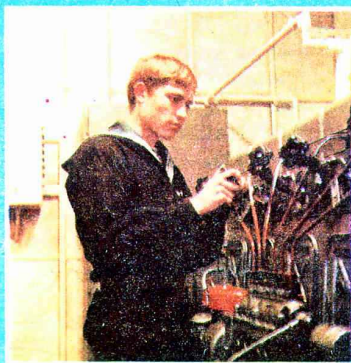
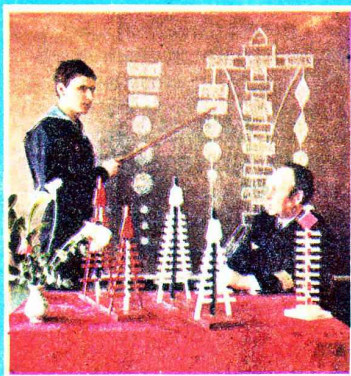

Ленинград,
Уральская ул., дом 2-а

В синем море, где не видно берегов, и на реке, в шумный день или тихой ночью — везде и всегда звучат в эфире сигналы. Это суда сообщают друг другу:

**Я ИДУ...
И
ПРИБЫЛ...**

Точки и тире сложились в буквы QRД. Радистка Валя Лисакова знает: это международный радиотелеграфный код.

— QRД — Куда и откуда вы идете?

— Я иду в Осло, — отвечает Валя, — и прибыл из Ленинграда.

Очень интересно в пути! Со встречаемыми судами поговоришь, пошлешь радиogramму в родной порт. Вчера приняла из Ленинграда сообщение, что у помощника капитана родилась дочка. То-то было радости у экипажа!

Скоро придут в Осло. При мысли об этом Вале делается страшновато. Все распоряжения диспетчера порта пойдут на корабль через Валу. Надо все понять, быстро и точно передать капитану, четко ответить на все вопросы диспетчера.

В 64-м Ленинградском профессионально-техническом училище, которое Валя окончила, радистов готовит Тамара Михайловна Хлескина. Она сама плавала и говорит: «Главное для радиста — самообладание».

Сейчас вечер. Дежурят в машинном отделении Гена Воронков и Валера Губарев. У руля стоит Глеб Юрин. Они тоже учились вместе с Валею в ПТУ-64. Преподаватель предмета «двигатели внутреннего сгорания» капитан III ранга в отставке Владлен Митрофанович Четвериков считал их лучшими курсантами среди рулевых-мотористов.

В училище было просто: на стене разноцветная движущаяся схема работы двигателей. Зеленый цвет — всасывание, желтый — сжатие, красный — сгорание. Рядом опытный наставник.

Говорят, хороший моторист по шуму двигателя скажет, как тот работает. Но это — опытный моторист. А тут — первый рейс..

На камбузе Слава Морозов и Юлия Кузина заканчивают приготовление ужина. Чем сегодня угостят экипаж? Салатом, треской, запеченной в тесте, киселем.

В плавании — не на суше. В магазин за продуктами не бегаешь. Поэтому коки умеют делать все сами. Хлеб, например, в плавании сами пекут.

Вдруг в разноголосице эфира Валя уловила тревожные сигналы. Она схватила ручку, стала быстро записывать. Вышло: на судне пожар... наши координаты...

Валя прибежала к вахтенному помощнику капитана. Протянула радиogramму.

— Тревога! Тревога! Тревога! — завывала корабельная сирена.

Корабль изменил курс и пошел к месту с координатами, принятыми Валею, потому что советские моряки никогда никого не оставляют в беде.

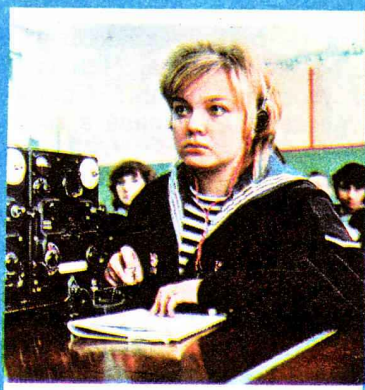
Рассказывает директор Ленинградского профтехучилища № 64 Сергей Петрович Васильев:

ОТКРОЮ ВАМ СЕКРЕТ

Эти фотографии были сделаны весной на занятиях нашего училища. Валя Лисакова отстукивала: «Я иду... и прибыл...» не на корабле, а среди своих подружек, на уроке у Тамары Михайловны Хлескиной.

Глеб Юрин, Валера Губарев и Гена Воронков отлично сдали экзамен по двигателям внутреннего сгорания. Присутствовавший на экзамене капитан-механик Северо-Западного речного пароходства Леонтий Петрович Опарин особо отметил ответы ребят и решил, что Глебу Юрину, как самому способному, доверит сложную работу.

Юлия Кузина готовила ужин не на камбузе, а в лаборатории кулинарии.

РАСПИСАНИЕ ЭКЗАМЕНОВ ВЫПУСКНОЙ ГРУППЫ

*Политэкономика
Обществоведение
Устройство судов*

*Судовые двигатели
Судовождение
Лоция*

Сейчас некоторые из этих ребят уже плавают. Другие — по-прежнему курсанты ПТУ-64. Но всех их ждут трудные и увлекательные рейсы.

РЕКА — МОРЕ

Раньше мы готовили в училище плавсостав для речных судов. Теперь наши выпускники ходят и по рекам, и по морям. Почему теперь так? Это экономически выгоднее. Ну, например, строили автозавод в Тольятти. Из Италии шли в нашу страну различные грузы. Везли их на морских судах до Одессы. Там выгружали на железнодорожные платформы. И везли до Тольятти. Получалось довольно дорого. Новые суда через моря и реки идут до самого пункта назначения.

КОГО ПРИНИМАЕМ В УЧИЛИЩЕ

В первую очередь людей с железным здоровьем. С зоркими глазами. Зрение обоих глаз в сумме должно быть не менее полутора единиц, причем, один глаз должен быть хотя бы 0,9 единицы. Если зрение 0,8 и 0,7, — в сумме это тоже будет 1,5 единицы, — такого человека не принимают. Таковы требования работы на судне.

В СЕНТЯБРЕ

Учебный год у нас начинается, как в школе, первого сентября. Только не в аудиториях, а в лагере на Карельском перешейке. Там целый месяц первокурсники учатся плавать,

проходят шлюпочную практику и каждое утро бегают кросс пять километров.

КОГО В УЧИЛИЩЕ ГОТОВЯТ

Специальности у нас такие: рулевые-мотористы (их больше всего, две трети от всех курсантов), радисты-операторы, матросы первого класса, коки.

Принимаем ребят, которым исполнилось шестнадцать лет. Они у нас получают специальность и заканчивают десятилетку.

Радистами и коками могут стать и юноши, и девушки, а вот мотористами только юноши.

ИЗ ПРАВИЛ БЫВАЮТ ИСКЛЮЧЕНИЯ

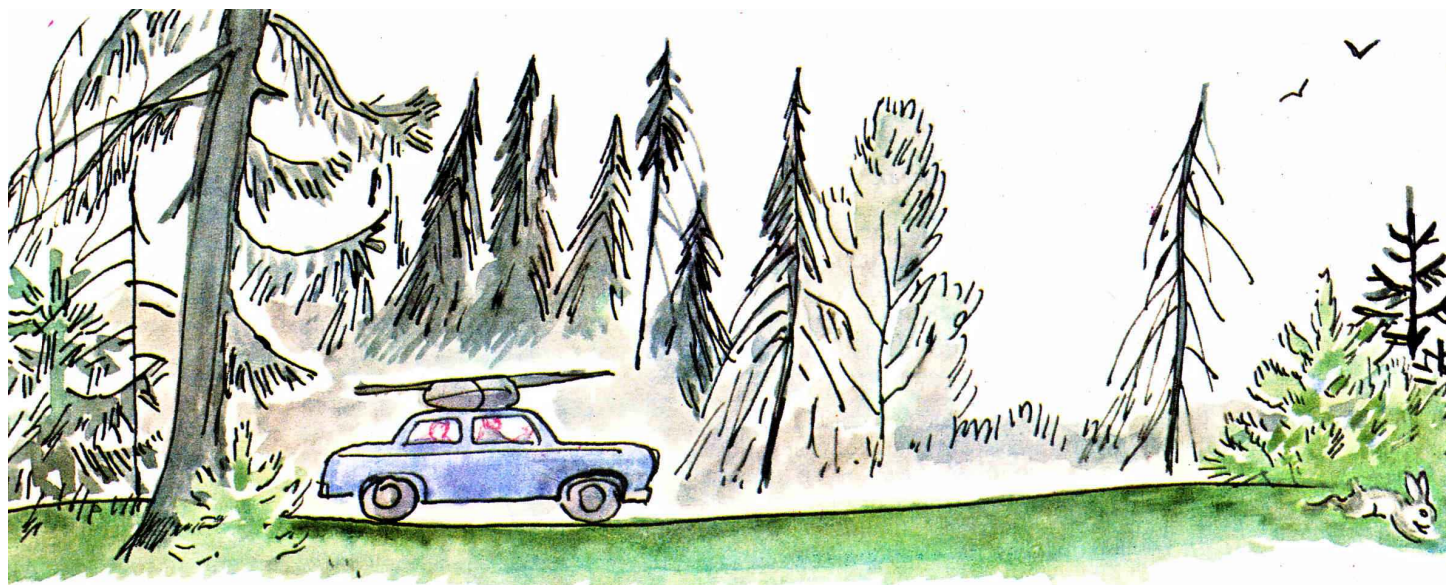
После первой практики пришла курсантка-радистка Таня Юпина и попросила, чтобы я перевел ее на отделение рулевых-мотористов. «Но ведь там учатся только парни, для девушек это слишком тяжело!»

Отговаривал Таню, как умел, она — ни в какую. Решил в виде исключения перевести ее на это отделение.

И что же вы думаете? Ребята выбрали Таню старостой группы. Все экзамены она сдавала на отлично.

Сейчас Таня Юпина работает в Ленинградском порту, учится на третьем курсе мореходного училища. Говорят, собирается капитаном статьи!

*Оформление В. Прошкина
Фото Е. Синявера*

МОЙ ДРУГ ОХОТНИК

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Вильям Козлов

Рисунки Л. Подляеской

Заяц на дороге

Петя еще с вечера знал, что в субботу рано утром папа и мама уедут на два дня за город. Уедут на маленьком «Запорожце», который совсем недавно появился у них, а он, Петя, будет жить у соседки тети Даши и ждать их с загородной прогулки.

Родители встали чуть свет, потихоньку оделись, попили чаю и, захватив мешки, рюкзаки, рыбацкие снасти, собрались было уходить, как распахнулась дверь спальни и перед ними появился одетый, причесанный, с игрушечным ружьем в руке Петя.

Папа и мама переглянулись и одновременно спросили:

— Куда это ты, Петушок-золотой гребешок, собрался?

Папа и мама иногда так Петю называли, потому что волосы у него всегда стояли на макушке торчком.

— Я не хочу сидеть с тетей Дашей дома, — сказал Петя. — Я хочу с вами за город.

Папа и мама стали говорить, что за городом дремучий лес, в котором можно заблудиться, а в лесу разные дикие звери. За городом озера, в которых можно утонуть, болота, которые глотают маленьких детей, как крокодилы. В лесу ночью холодно и кусают комары.

Выслушав все это, Петя сказал:

— Ну, чего же мы ждем? Поехали!

Папа с мамой снова переглянулись и, вздохнув, сказали:

— Поехали, но ты учти, в лесу мы не будем с тобой нянчиться. Мы будем рыбу ловить, а ты — сидеть на берегу.

...Хорошо в машине ехать по гладкому шоссе! Петя сидит рядом с папой, а мама сзади. Чтобы все было видно, на сиденье положили диванную подушку. И Петя все видит: и что прямо перед машиной, и что по бокам. Стекла опущены, и ветер шумит на разные голоса: то забормочет, будто на кого-то рассердился, то наоборот весело засвистит, то начинает нашептывать что-то — уж не сказку ли?..

Где-то далеко позади остались большие городские дома. Кругом поля и одинаковые белые березы по сторонам, а когда кончаются березы, начинается кустарник. Зеленый, ровный, будто его специально постригли. Асфальт перед самым радиатором гладкий и серый, а чуть дальше — темный и будто влажный.

День теплый, солнечный. Солнце нагрело крышу, и понемногу начинает клонить в сон. Да и ветер за окном поет колыбельную песню. И когда Петины ресницы ни с того ни с сего стали слипаться, он вдруг увидел зайца. Сон сразу слетел, Петя захлопал в ладоши, закричал:

— Смотрите, заяц дорогу перебежал! Настоящий живой заяц! Папа, ты видел зайца?

— По-моему, это кошка, — сказала мама.

— Какая кошка! Заяц! У него длинные уши и белый хвост. Я сто раз таких зайцев на картинках видел!

— Да нет, это щенок, — сказал папа.

— Какой щенок! — возмутился Петя. — Это заяц!

— Почему же он не прыгал? — спросила мама.

— Прыгал! Прыгал! — закричал Петя. — Папа, скажи, ты видел, как он один раз прыгнул?

— Заяц так заяц, — сказал отец.

— Настоящий живой заяц на дороге! — ликовал Петя.

Когда шоссе обступили высокие сосны и ели, а над ними розово засветились облака, папа свернул на узкую лесную дорожку. Машину сразу стало подбрасывать, и он поехал тише. Иногда длинные ветви с дырявыми листьями пытались схватить машину, остановить, но маленький юркий «Запорожец» смело пробирался вперед. Уже и неба не стало видно — один лес. Меж толстых красноватых стволов солнечные полянки. На полянках росли маленькие пушистые елки и какие-то яркие желтые цветы. Сразу за крутым поворотом Петя увидел большую рябую птицу. Она подняла маленькую головку с красным гребешком и посмотрела на них. Потом присела на тонких ногах и, хлопая крыльями, перебежала дорогу. Наверное, дуреха, со страху забыла, что умеет летать.

— Тетерев, — сказал отец.

Тетерев не произвел на Петю никакого впечатления. Тетерев не заяц. Птица и птица. Заяца Петя в детском саду сам нарисовал и раскрасил разными карандашами. Заяц получился наполовину синий, наполовину зеленый, а уши красные.

Сосновый бор кончился, и машина поплыла, будто лодка, по золотистому пшеничному полю. Слышно было, как тугие колосья хлестали по бортам, шелестели у самых окон. Когда снова поднялись на пригорок, папа спросил:

— Ничего не видишь?

Внизу, где кончалось поле, виднелся перелесок, а сразу за ним на холме блестели на солнце сосновые стволы. Между перелеском и соснами ярко засинела неширокая полоска. Над деревьями парила маленькая белая чайка.

— Озеро! — догадался Петя.

Наш дом

Папа с мамой натянули палатку, накачали резиновую лодку, нарубили сухих сучьев и даже сделали рогульки для костра. Положат на рогульки палку, подвешат котелок, разожгут костер, и будет обед вариться. А на обед обещана уха. Правда, пока еще ни одной рыбки не поймано. Рыбка плавает в озере, а папа топорливо собирает удочки. Когда в прибрежных камышах всплескивает, он поднимает го-

лову и смотрит на воду, по которой расходятся большие круги.

— Ну вот, теперь здесь наш дом, — сказала мама, засучивая брючины. Мама тоже любит рыбу ловить и поплывет вместе с папой на надутой резиновой лодке.

— Ты остаешься за хозяина, — улыбнулся папа.

— Один-один? — спросил Петя.

— Я ведь говорила, что здесь не курорт, — сказала мама.

— Ты не отчаивайся, — улыбнулся папа. — Этот лес тихий, и никто тебя не съест.

— А что мне делать? Сидеть на берегу и ждать вас?

— Собирай шишки и сучья для костра, — сказал папа.

— Дыши воздухом, — прибавила мама. — И не уходи далеко от машины. Мы будем вон за теми камышами.

— Скучно станет — крикни, — сказал папа. — Мы приплывем.

— Только попусту не кричи, — предупредила мама. — А то всю рыбалку нам испортишь.

— Не испорчу, — пробурчал Петя.

Спасите, волк!

Три полных корзины еловых шишек набрал Петя. Их много валялось под деревьями. Шишки были сухие, и когда он клал их в корзину, они шуршали там, как большие серые жуки.

Возле машины собирать шишки надоело. Наверное, там, дальше, они лучше и крупнее. Да и сосны и ели там выше и толще. Ступая в сандалиях по жесткому хрустящему мху, Петя отправился в бор. Вокруг каждого дерева полным-полно желтых иголок. Рядом с большими деревьями растут маленькие, ярко-зеленые. Иголки на маленьких елках мягкие и совсем не колючие. Они прилипают к пальцам, оставляя белые смолистые следы. На некоторых елках поблескивают тонкие нити паутины. Издали паутину видно, а подойдешь ближе — куда-то пропадает.

Шишек под ногами много, но они такие же, как и те, что возле машины. Большие, наверное, еще дальше.

...Машины уже давно не видно и озера тоже, а бор все гуще, темнее. И слышно, как торжественно шумят деревья. Петя задирает голову и смотрит на вершины. Это они шумят. Немного раскачиваются и шумят. Скоро заломило шею, Петя лег на мох и стал смотреть на небо. Он и не знал, что так интересно смотреть в лесу на небо. Ровные прямые стволы, сужаясь, уходят вверх. Внизу они толстые, облепленные серыми твердыми лепешками, а ближе к макушке — красные, гладкие. И небо совсем не небо, а круглое голубое окно. На это окно снежным сугробом медленно наплывает лохматое облако. Вот оно будто пышной белой шторой задернуло окно, а потом снова потихоньку приоткрыло...

Когда Петя поднялся, он совсем не знал, в какой стороне машина. Деревья вокруг стояли одинаковые и молчаливые. Между собой-то они негромко разговаривали, там, высоко вверх.

За спиной треснул сучок и послышалось частое дыхание. Петя оглянулся и замер: прямо перед ним стоял серый волк. Кровожадная пасть с белыми клыками раскрыта, из нее вывалился длинный красный язык, а с языка капает слюна. Бока у волка ходят часто-часто, мокрый черный нос лоснится, большие клыки угрожающе блестят. Смотрит серый волк на мальчика и радуется, дескать, сейчас отдышусь и съем тебя, Петя, вместе с сандалиями.

Проглотив в горле комок, Петя прошептал: — Спасите, волк!

Встреча у сосны

Услышав эти слова, волк, клацнув зубами, захлопнул пасть и по-собачьи гавкнул. И тут же за спиной послышался залистый смех. Петя скосил глаза — ему не хотелось поворачиваться к волку спиной — и никого не увидел. Только большие деревья кругом. Вершины раскачиваются, негромко шумят.

— Руки вверх! — раздался вдруг строгий окрик. — Кто такой и что в моем лесу делаешь?

Руки Петя поднимать не стал: у него была корзинка.

— А ты кто такой? — спросил он и оглянулся.

— Я охотник! — ответил голос, и из-за сосны вышел босоногий белоголовый мальчишка в черных сатиновых штанах, закатанных до колен. Наперевес он держал ружье. Самое настоящее охотничье ружье.

«Волк» подошел к Пете и обнюхал его. И тут Петя вспомнил, что в кармане шоколадная конфета «Белочка». Он достал ее, развернул и протянул собаке. Он уже догадался, что это никакой не волк, а обыкновенная собака. Однако пес конфету не взял. Отвернул нос и стал смотреть на мальчишку, который был, по-видимому, его хозяином.

— Возьми, Бублик, — разрешил тот.

Пес по имени Бублик осторожно взял из рук конфету и, не разжевывая, проглотил. Даже, наверное, и вкуса не почувствовал.

— Чего у тебя в корзинке? — не так сурово спросил мальчишка, опуская одностволку. — Грибы?

Петя опрокинул корзинку, и оттуда в мох посыпались шишки.

— Зачем тебе этот мусор? — удивился мальчишка.

— Костер разжигать.

— Мало в лесу хвороста?

— Где? — завертел головой Петя, и увидел под елкой желтый гриб. — Я гриб нашел! — обрадовался он.

— Какой же это гриб? — усмехнулся мальчишка. — Поганка. Тут грибов нет. Вот в Беличем бору попадают.

Петя с сожалением выбросил гриб и взглянул на охотника.

— А где твоя дичь? — спросил он.

— Я не стреляю молодняк, — сказал охотник. — Сейчас не сезон.

— Дичи нет, а — «охотник»!

— Охотник я, — упрямо заявил мальчишка. — Меня тут все зовут охотником... А ты откуда?

Петя завертел головой и показал рукой наугад.

— Оттуда... Нет, оттуда.

— Оттуда — не оттуда... — передразнил Охотник. — Не с неба же ты свалился? Не из космоса?

— Из города я, — сказал Петя. — В какой стороне озеро?

— Вон там, — показал Охотник.

— Мы на машине приехали, — сказал Петя. — А жить будем в палатке.

— Живите, — разрешил Охотник. — Только с огнем поосторожнее... Лес сухой, долго ли до беды.

— Что мы, вредители какие-нибудь? — сказал Петя. — Покажи лучше, где тут грибы растут.

— Ладно, — подумав, сказал Охотник. — Айда в Беличий бор!

Первый гриб

Первый белый гриб нашел Охотник. Он вытащил из кармана нож и аккуратно срезал его под самый корень. Гриб был небольшой, толстенький, с матовой коричневой шляпкой. Очистив его от земли и приставшей к белой ножке хвои, мальчишка бросил гриб в корзинку.

— Осторожнее! — испугался Петя. — Сломаешь.

Он любовно поднес гриб к носу и понюхал. Гриб пах мокрой прелью и прошлогодними листьями.

— Чего нюхаешь? — спросил мальчишка. — Гриб он и пахнет грибом.

Когда Охотник нашел второй гриб и сразу же третий, Петя вконец расстроился: ему грибы почему-то не попадались.

— Ты не глазей по сторонам, — учил Охотник. — Под ноги гляди... — и, нагнувшись, из-под самого Петиного носа срезал еще один боровик.

Наконец лес сжалился и подарил Пете сразу два белых гриба. Упав на колени в мох, он долго разглядывал их, гладил, а потом попросил нож и аккуратно срезал, точь-в-точь так, как это делал Охотник.

— Какой красивый гриб! — восторгался Петя. — Его даже есть жалко.

— Гриб как гриб! — сказал Охотник. — Их тут прорва... Рыбу удить куда интереснее... У меня лодка вон в тех камышах стоит. И две удочки. И место окуневое я знаю.

Петя не слушал его, он ползал под каждой елью и сосной. Теперь грибы мерещились ему кругом. Он бросался то к одному дереву, то к другому, но чаще всего там оказывались не грибы, а сосновая шишка или кусок красноватой коры, прикинувшейся боровиком. Охотник не сутился и попусту не нагибался. Уж если нагнется, то обязательно срежет гриб. Если бы не он, Петя никогда сам не набрал бы полную корзинку. Боровики были все один к одному — толстенькие, крепкие, с бархатными бурыми шляпками.

Два Пети

Неожиданно сосны и ели расступились, и они увидели озеро. Большое, синее, с далекими и близкими островами. Мальчики подошли к самой воде. Здесь берег был песчаный, а чуть дальше шелестел камыш. Коричневые шишки прятались в длинных скрученных листьях. Меж камышами сновали маленькие блестящие букашки. Они бегали на длинных ножках по воде, как посуху. Тоненькие синие стрекозки-палочки отдыхали на кувшинках, какие-то крошечные черные жучки копошились в белых распутившихся лилиях. А вот на большой, с тарелку, плавучий лист села длинная полосатая стрекоза с вытаращенными глазами и стала макать в воду свое дугой изогнувшееся туловище.

Охотник, раздвигая руками камыши, зашел в воду по колено и подтащил за цепь к самому берегу длинную узкую лодку с положенными на дно веслами.

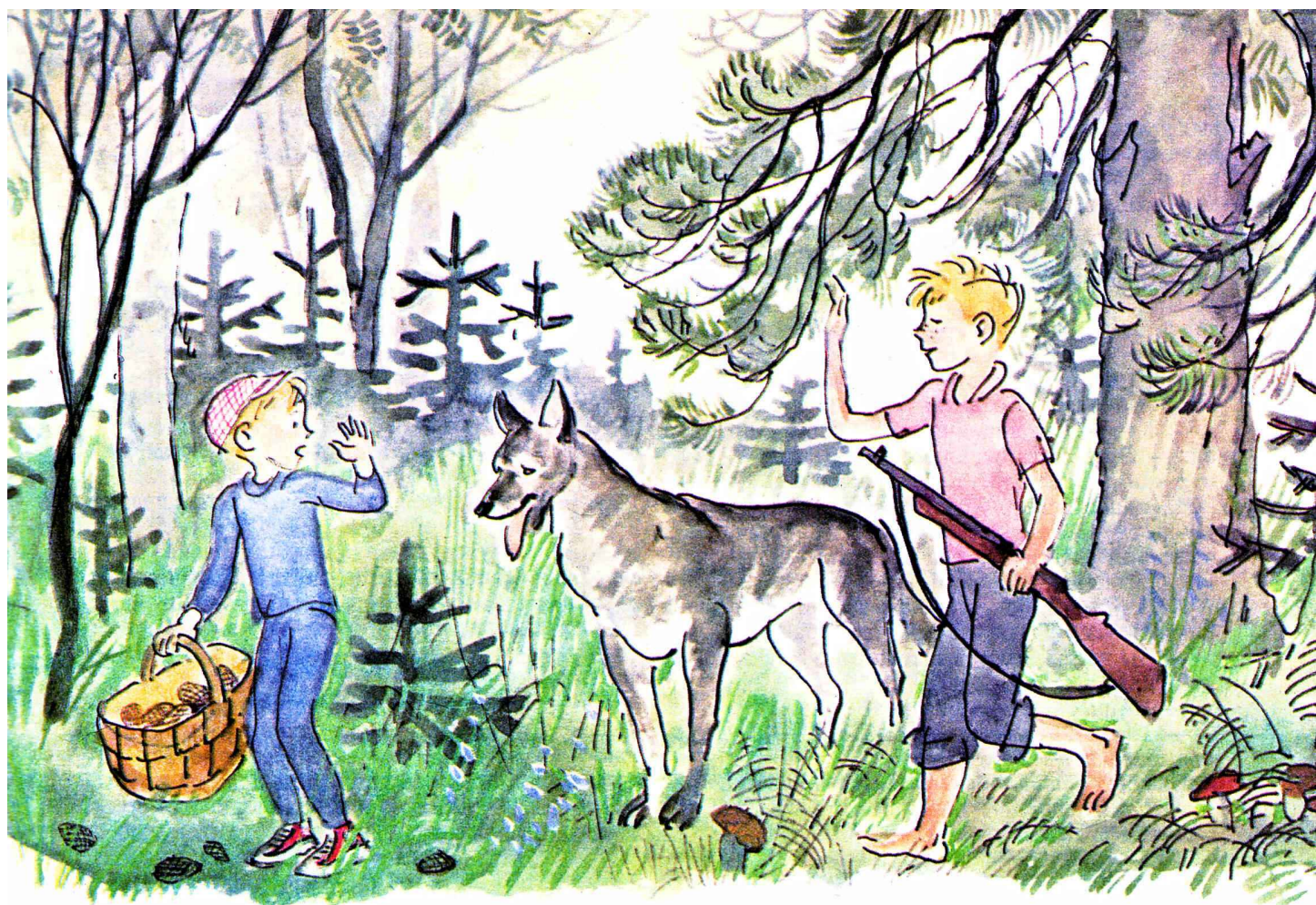
— Разувайся, — сказал он.

Петя быстро разулся, засучил штаны и храбро ступил в воду. Холодная! — и он отпрянул назад. А Охотник как ни в чем не было шлепал вокруг лодки по воде.

— А чем мы будем рыбу ловить? — спросил Петя, не видя в лодке удочек.

— Будем, — сказал Охотник и сел за весла.

Бублик покрутился на берегу и, видя, что

его не приглашают в лодку, обиженно гавкнул и убежал в лес.

— На лодке всю рыбу распугает, — сказал Охотник, поймав вопросительный Петин взгляд.

Отплыв от берега, Охотник опустил весла, достал со дна два кирпича, связанные вместе веревкой, и опустил за борт. Веревка со скрипом побежала вниз и наконец ослабла.

— Глубоко? — спросил Петя, заглянув через борт.

— Метров шесть. Тут крупный окунь ходит и плотва.

Петя перегнулся через борт и долго смотрел в темную колышущуюся воду.

— Не видно, — сказал он.

— Сейчас увидишь! — Охотник стал разматывать леску с короткой, всего-то с руку, удочки. Петя с интересом следил за ним.

Вот Охотник бросил червя с грузилом в воду, и сверкающая леска быстро побежала вниз, а на воде, совсем рядом с лодкой, закачался белый пенопластовый поплавок. Качался он недолго. Вздрыгнул и юркнул под воду. Охотник взмахнул короткой удочкой:

— Сидит, голубчик!

Петя никак не мог понять, откуда он знает, что на крючке сидит «голубчик». Ведь ничего не видно. Однако мальчишка, быстро перебирая руками, вытащил леску, на конце которой держался небольшой окунь.

— Я тоже хочу поймать рыбку! — загорелся Петя.

Охотник вытащил из-под сидения еще одну коротенькую удочку и протянул Пете.

— Гляди не напугай жилку, — предупредил он.

Петя, конечно, напугал. Не только жилку, но и сам запутался в ней. Жилка сверкала на солнце и шевелилась, будто живая. А мальчишка тем временем поймал еще одного окуня, на этот раз побольше.

— Чего ты там сопишь? — спросил он, взглянув на Петю. — Кто же так жилку распускает? Сначала надо червя на крючок нацепить, потом помаленьку стравливать в воду...

Он хотел помочь, но Петя упрямо качнул головой:

— Я сам!

Когда он наконец все распутал и жилка с червяком, извиваясь, ушла под воду, Охотник

выдернул уже пятого окуня. Рыба всплескивала в ведерке. Один бойкий окушок выпрыгнул и шлепнулся Пете на колени. Он схватил его и снова бросил в ведро и только тогда почувствовал, что уколол палец. По привычке сунул палец в рот. Охотник посмотрел на Петю и улыбнулся:

— И совсем не больно, — сказал Петя, хотя на самом деле палец саднило все больше.

Вдруг Охотник резко задергал удочкой, потом бросил ее на дно лодки и обеими руками стал выбирать туго натянувшуюся леску.

— Кто-то сел приличный... — приговаривал он. — Лещ или окунище за полкило... Ну, иди-иди, миленький! Сейчас я тебя... У-у! — Мальчишка швырнул спутавшуюся леску. — Ну и осел же ты, Петька! — чуть не плача, заорал он. — Осел, козел и косолапый мишка! Надо было подсачником!

Петя удивленно уставился на него: его еще никто так не ругал. И за что, спрашивается?

— Ты чего... это обзываешься? — запинаясь от обиды, выговорил он.

— Не рыбак ты, а раззява!

— Перестань! — крикнул Петя. — Будешь обзываться, я тебя... стукну!

Охотник исподлобья взглянул на Петю.

— Стукнешь? — удивился он. — За что?

— Не обзывай меня так.

— Я не тебя.

— Кого же? — недоверчиво взглянул на него Петя.

— Себя, — мальчишка для большей убедительности потыкал пальцем в грудь, — такого окуня упустил!

— погоди... — начал соображать Петя. — Тебя как звать?

— Петром... А что?

— И меня... Петей!

Охотник вмиг забыл про окуня, уставился на Петю.

— Я Петя и ты Петя, — удивился он. — Два Пети на одной лодке!

— В нашем доме четыре Пети и то ничего.

— В одном доме?

— А Таня у нас три. Одна этажом ниже живет. Таня Лапникова. Мы с ней в один детсад ходили.

Охотник запустил руку в густые белые волосы. Веснушчатое лицо у него стало озадаченным.

— Сколько же комнат в вашем доме?

— Сто, а может, и больше.

— Что же это за дом? Небось до неба?

— Если поставить три сосны друг на дружку, то и до крыши нашего дома не достанут. А есть дома еще выше.

— А вот и врешь! — сказал Охотник. — Как же люди наверх поднимаются?

— На лифте.

— А что это такое?

— Зайдешь в кабину, ну, будка такая, нажмешь пальцем на кнопку — дверь закроется и вжи-ик! Тебя на любой этаж поднимет.

Охотник хмуро сматывал на удочку леску.

— А я на вертолете летал, — вспомнил он. — С летчиками. Они к нам рыбачить приезжают.

— А я на самолете, — сказал Петя. — На «ИЛ-18» и на «ТУ».

— На самолете не летал, — вздохнул Охотник. — А на этом лифте можно кататься сколько хочешь?

— Хоть весь день.

— А метро у вас есть?

— Напротив нашего дома как раз станция. Опустись в автомат пятачок, встанешь на эскалатор — это лестница, которая сама вверх и вниз бежит, — спустишься под землю и сядешь в любой поезд. Куда хочешь привезет.

— И маленьких в метро пускают?

— Всех пускают. За пятачок можно весь день кататься, пока не надоест.

— Мне бы не надоело, — сказал Охотник.

— Я не люблю на метро — на автобусе лучше. Все видно из окна.

— Сматывай удочку, — сказал Охотник. И, вытащив якорь, сел за весла.

Когда лодка тронулась с места, Петя закричал:

— Стой! У меня кто-то дергает!

— Подсекай, — скомандовал мальчишка. — Теперь тащи... Да не дергай удочкой-то — оборвешь леску.

Петя обеими руками выбрал из воды леску и вытащил юркого зеленого окуня с черными полосами по зеленому туловищу. Окунь был небольшой, но Петя и такому был рад. Ведь это первая рыбка, которую он сам поймал.

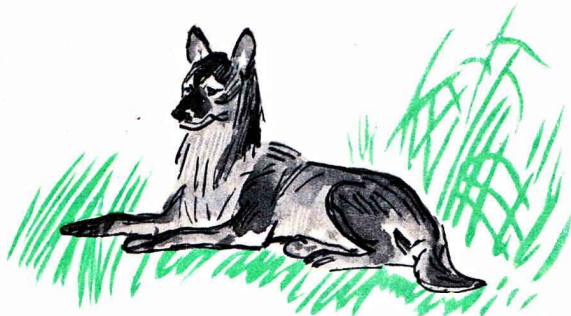
— Где ведро? — суетился Петя, снимая окуня с крючка.

Но Охотник не слушал его, он греб к берегу и сосредоточенно смотрел на белое облако, повисшее над зеленым островом. Когда лодка ткнулась в камыши и они вылезли на берег, Охотник, взглянув на стоявшую на отшибе старую сосну, предложил:

— Давай на дерево заберемся? Оттуда все кругом видно.

Петя посмотрел на огромную сосну. Казалось, ее остроконечная макушка упирается в облака. Даже в бору он не видел таких высоких деревьев. Ствол был толстый, а самый нижний сук торчал так высоко, что если четырех Петей поставить друг на дружку — и то до него не дотянешься.

— Я на деревья никогда не забирался, — сказал Петя.

Кто дальше

Сосна была такая толстая! А если задрать голову и посмотреть вверх!.. Просто удивительно, почему облака не цепляются за макушку. Наверное, сверху действительно все видно: машину, палатку, резиновую лодку с папой и мамой. Интересно, много они поймали рыбы?

— Ты первый полезешь? — спросил Охотник.

— Лестницу бы сюда, — вздохнул Петя.

— Лестницу? — рассмеялся мальчишка. — А может, тебе сюда лифт подать? Вж-жик! И на сосне!

Поплевав на ладошки, Охотник обнял шершавый ствол и, шурша рубахой, полез вверх. Руками и ногами он цеплялся за твердую растрескавшуюся кору. Когда ствол стал сужаться, мальчишка обхватил его руками и ногами и ловко, как обезьяна, заскользил выше. Вот он выбросил руку вперед и ухватился за первый сук. Еще некоторое время маячили среди ветвей его черные штаны с заплатой, а потом ничего стало не видно. Сверху струйкой сыпалась коричневая труха, растопырившись, падали иголки. Колючие ветки задвигались у самой макушки, и послышался далекий голос:

— Вот благодать-то! Давай, тезка, лезь!

Петя взглянул на колючки, тускло мерцавшие темной зеленью ветви, тоже поплевал на ладони и ухватился за бугристую кору. Он и на метр не поднялся по стволу, как пальцы разжались. Ободрав коленку, шлепнулся на землю.

— Ястреба вижу! — сообщил Охотник. — У него в клюве рыбина.

Закусив губу, Петя снова полез. На этот раз он поднялся повыше и снова сорвался. В руке твердая лепешка коры.

После третьей неудачной попытки Петя уселся на землю и стал слизывать с оцарапанной ладошки кровь.

— Видишь резиновую лодку? — крикнул он, задрав голову вверх.

— Вижу-у! В лодке дядька в шляпе и тетка какая-то... Рыбу ловят.

— Дядька, тетка!.. Это мои папа и мама!
Петя с тоской взглянул вверх. Ему очень хотелось оттуда посмотреть на озеро, на папу и маму...

— Ястреб сел на сухой сук и рыбу ест, — обрадовался мальчишка.

Пете стало скучно одному под сосной и он крикнул:

— Слезай!

На том берегу тоже кто-то крикнул: «...зай!» Петя долго вертел головой, пока сообразил, что это эхо.

Сверху прямо на голову посыпались сухие иголки, а немного погодя довольный Охотник уже стоял на земле. На его ногах и руках появились свежие царапины, одна штанина треснула. Петя хотел было показать ему свои раны, но раздумал. Охотник шмыгнул носом, поддернул штаны и, запустив пятерню в волосы, выгреб оттуда сосновые иголки.

— Я там вот чего наверху придумал, — сказал он. — Раз мы оба Пети, давай друг друга называть так: я — Петя Первый, а ты — Петя Второй.

— Чего это я вдруг второй?

— Потому что я... первый.

— Это еще неизвестно, — сказал Петя.

— Ты и на деревья-то не умеешь забираться.

— А ты сможешь улицу перейти, если по ней туда-сюда мчатся машины?

Мальчишка наклонил голову, соображая. На загорелом лбу появилась складка.

— Я в городе не был, — сказал он. — А ты медведя видел?

— Зайца видел. На дороге.

— Подумаешь, заяц! А я — медведя. Он из кучи муравьиной яйца доставал. Увидел меня, обсосал муравьев с лапы и ушел в чащобу.

— А тигра видел?

— Не.

— Я всех зверей видел в зоопарке, — сказал Петя. — Вот так близко, как тебя.

— Ну, ладно, — подумав, предложил мальчишка. — Кто быстрее доплывет вон до того острова, тот и будет Петей Первым.

— Я не умею плавать.

Охотник почесал затылок, постриг бровями.

— Кто самый большой гриб найдет...

— Ты найдешь, — сказал Петя. — Я в лесу-то первый раз.

— Ну, кто камень дальше кинет в воду, тот и будет...

— Давай, — согласился Петя.

Они выбрали по одинаковой гальке, стали рядом и по команде разом швырнули. Охотник забросил дальше. Причем его камень не зарылся сразу в воду, как Петин, а, едва коснувшись ее, подпрыгнул раз, второй и третий.

— Выходит, ты первый, — вздохнул Петя. Петя Первый так и расцвел.

— Вторым тоже не плохо... Вот если бы ты был пятым или шестым... Пошли, научу тебя на деревья забираться!

Приключение на Птичьем острове

— Совсем забыл! Мамка велела кролям молочая нарвать, да и жерлицы надо проверить... — вспомнил Петя Первый. — Поплыли на Птичий остров?

— Там птиц много?

— Увидишь.

— Сначала на сосну заберусь, посмотрю, как там папа с мамой, — сказал Петя.

Петя Первый научил его забираться на деревья.

Это оказалось не так уж трудно, нужно обхватывать ствол ногами и руками, подтягиваться и перехватывать. Главное — крепче держаться за ствол и не смотреть вниз, а то голова может закружиться.

Чем выше лезешь, тем легче. Мохнатые колючие ветви одна над другой, как ступеньки. Усевшись на толстый сук и обхватив руками совсем тонкий ствол, Петя огляделся. Далеко внизу белела рубашка Пети Первого. На три стороны света раскинулся бор, а прямо перед глазами огромное озеро, Птичий остров, дальний берег и желто-зеленое хлебное поле. По полю медленно ползли неровные тени от облаков. Самих облаков не видно: зеленые ветви загородили небо. Кора у вершины желтая и тонкая, как папиросная бумага. Так и хочется прислониться к ней щекой...

Папа и мама на месте. Удочки их то одна, то другая поднимались вверх и снова опускались в воду. Даже видно, как поблескивает жилка. Хотелось Пете крикнуть сверху своим родителям, что он тут, на сосне, и хорошо видит их. Он бы и крикнул, да неудобно было перед Петей Первым. Еще скажет: хвастается...

Когда Петя слез, они забрались в лодку и поплыли. И все время, пока Охотник греб, Петя видел в камышах папину соломенную шляпу и длинную бамбуковую удочку. Шляпа желто сияла на солнце.

...На Птичьем острове тихо. Над цветами трепыхаются белые, желтые и пестрые бабочки, гудят пчелы, а птиц что-то не слышно.

— Где же птицы? — спросил Петя.

— Увидели нас — замолчали. Сейчас запоют!

И действительно, когда они стали рвать молочай, сначала пискнула одна птица, потом вторая, и скоро весь остров зазвенел от птичь-

их голосов. Белый сок брызгал на руки. Петя лизнул для пробы одну капельку и сморщился, заплевался. От горечи даже слезы на глазах выступили.

Нарвав целую корзинку сочной травы, они отправились в глубь острова. Деревья здесь росли не густо. Под ногами блестел брусничник, качались на тонких стеблях желтые, красные и сиреневые цветы. В них копошились пчелы. У трухлявых пней ярко краснели длинноногие веснушчатые мухоморы.

На большой залитой солнцем полянке росла земляника. Ярко-красные ягоды посверкивали из-под разлапистых с острыми краями листьев. Ягоды были крупные, сочные. Они так и таяли во рту. Мальчишки срывали их и запихивали в рот. От сока пальцы и губы стали липкими.

Петя Первый стал срывать ягоды с веточками.

— Мамке гостинец, — пояснил он.

— И моя мама любит землянику, — сказал Петя и тоже стал срывать ягоды со стебельками. Крупные душистые земляничины дрожали на тонкой веточке, но не срывались. Нагнувшись за большой влажной ягодой, спрятавшейся за кружевным листом, Петя увидел в траве два круглых глаза, доверчиво глядевших на него. А затем разглядел птенца. Нахохлившись, птенец смотрел снизу вверх — тоненькие розоватые ножки его подгибались. Коротким хвостом он упирался в землю.

— Здравствуй, — шепотом сказал Петя.

Птенец пискнул и, растопырив слабые крылья, неуверенно запрыгал прочь. Петя — за ним. Он крался за птенцом, ничего не замечая вокруг. Ему так хотелось поддержать его в руках! Птенец перепрыгнул через сухую ветку и юркнул в куст. Не раздумывая, Петя бросился за ним, и вдруг куст затрещал, взмахнул ветвями, а мальчишка с отвесного берега полетел в воду.

Холодная вода обожгла, свет померк, и Петя пошел ко дну. Какие-то зеленые и желтые круги замельтешили перед глазами, заломило в ушах. Петя хлебнул воды и яростно заработал руками и ногами. И пробкой вылетел на поверхность.

Услышав крик и громкий всплеск, Охотник бросил корзинку и, не мешкая, прыгнул в озеро. Он схватил барахтающегося Петю за рубашку. Петя отплевывался и тарачил ошалелые глаза. Белая панамка плавала рядом.

— Держись за шею, — сказал Охотник. — Да не так сильно — я задохнусь... А другой рукой помогай, гребь, гребь!

Выбравшись на берег, они оба долго не могли отдышаться. Смотрели друг на друга и хлюпали носами. Не плакали, нет — просто вода попала и в рот, и в нос, и в уши.

— А птеник? — вдруг вспомнил Петя. — Утонул?

Он встал и, оставляя за собой мокрый след, подошел к кусту, который так предательски подвел его. Птенец забился между ветвями и оттуда поглядывал на них блестящими бусинками.

— Гляди-ка, маленький дрозд! — сказал Охотник. — Выпал из гнезда.

Протянул руку и вытащил птенца. Задрал кудлатую голову, долго всматривался в ветви ближайших деревьев. К щеке прилипла зеленая тина. Рубашка лопнула на плече. Глаза у него сейчас были такого же цвета, как озерная вода.

— Вон оно, гнездо-то! В развилке! — сказал Охотник. Раскрыл птенцу клюв и пустил немного слюны. Птенец проглотил и зашевелился. Положив его за пазуху, Охотник полез на дерево.

— Их тут еще три штуки! — крикнул он.

Птенцы громко запищали.

— Глупыши... Хватают за палец, думают, что я их мамка.

С пронзительным криком совсем низко пролетела черная птица. Немного поменьше голубя. К ней присоединилась еще одна. Птицы стали кружиться над деревом, громко и пронзительно крича.

— Папка с мамкой прилетели, — сказал Петя Первый, спускаясь с дерева. Со штанов его стекала вода.

Мальчишки отошли в сторону, и птицы сразу успокоились. Еще немножко покружившись, они друг за другом нырнули в гущу ветвей и тотчас послышался громкий писк.

— А теперь давай сушиться, — сказал Охотник и первым стал стаскивать облепившую плечи рубашку.

Друг мой Петька!

Оба Пети сидят на берегу и смотрят на озеро. У берегов оно тихое, без единой морщины, а там дальше, за камышами, немного рябит. Сосны и облака отчетливо отражаются в воде. Солнце стоит над Птичьим островом, и от деревьев протянулись длинные тени. Негромко шумит бор. Рядом на траве растянулся Бублик. Проверив, все ли в порядке в доме лесника, верный пес вернулся к ребятам. Он лежит на боку, прижмурив глаза и оттопырив ухо. Когда муха или слепень садится на него, шкура пса вздрагивает в том самом месте, и насекомое улетает. Правда, тут же снова садится.

В высоких камышах что-то зачмокало, захлопало. Зашевелились метелки, просыпав в черную воду свою пыльцу. На плесе раздался один громкий всплеск, другой, третий... И пошли по озеру гулять большие и малые круги.

— Шука жирует, — сказал Охотник. — А вон там, за камышами, окунь малька гоняет.

Петя взглянул на камыши и не увидел удочек. Может, папа и мама уже вернулись на берег?

И тут послышался протяжный мамин крик: «Пе-е-тя-а!» Эхо ответило: «...тя-а!»

— Я здесь! — поднявшись с травы, крикнул Петя. И снова откликнулось эхо.

Над камышами опять показалась длинная бамбуковая удочка, сверкнула леска.

— Надо на глубине ловить, — сказал Охотник. — А они у тебя все у берега шастают.

— Я сегодня чуть не заблудился, — вспомнил Петя. — Хорошо, что тебя встретил и Бублик.

Услышав свою кличку, пес поднял голову и посмотрел на Петю коричневыми умными глазами.

— В лесу не заблудишься, — сказал Охотник. — Мы с батяней весь лес исходили вдоль и поперек. Это в городе можно заблудиться. Моя мамка была в городе, так говорит, ужас как там страшно... Машины, трамваи — мчатся прямо на людей. Тебя не боюсь мамка за ручку водит?

— Что я, маленький? Мама рядом идет. Я за ручку не люблю.

— И на метро сам едешь?

— Сам.

— А ежели эта лестница, которая сама двигается, убежит из-под ног, тогда как? Все падают, да?

— Никуда она не убегает, и никто никогда не падает.

— А лифт? Идет-идет, а потом бах! И вдребезги!

— Лифты не падают, — сказал Петя. — Вот застрять между этажами — это могут. Я один раз застрял.

— Страшно? — поинтересовался Охотник.

— Чего тут страшного-то? Нажал красную кнопку: мастер пришел и выпустил меня.

— Я ни разу в городе не был, — вздохнул Петя Первый.

— Послушай, Охотник, приезжай ко мне в гости, а? — сказал Петя. — Я тебе город покажу. В музеи будем ходить, в кино... Покатаемся на лифте, поедем в метро. На каждой станции будем выходить и смотреть. Знаешь, как там красиво? А потом в парк пойдем.

В парке самолет-блеха есть. Сядешь, привяжут тебя ремнями и — вверх! А потом вниз.

— А парашютная вышка есть?

— Есть.

— Вот с вышки бы я махнул!

— Поехали с нами? Места в машине хватит.

— Сейчас нельзя, — со вздохом сказал Петя Первый. — А кто за кроликами будет смотреть? И покос на носу. Батя уже косы отбил. Весь день батя с мамкой на делянках работают, а я за хозяина. И за лесом надо глядеть. Сушь-то какая! Одна спичка — и пожар!

— Ты и тушить будешь?

— У нас тут дела хватит. И тушить, и косить, и сено ворошить, и стога метать... В прошлом году меня чуть змея не укусила. Начал подгребать сено, а она как зашипит — и на меня... Хорошо, Бублик рядом был. Прогнал.

— Петя, давай с тобой дружить? — предложил Петя. — Я буду к тебе приезжать, а ты ко мне... После этого... покоса?

— А чего? — подумав, согласился Охотник. — Можно.

Из камышей выплыла резиновая лодка. Папа медленно взмахивал веслами, и лодка неслышно скользила по воде. Широкий блестящий след потянулся за ней. Мама сидела, подогнув ноги и обхватив колени. Тесно им вдвоем в резиновой лодке, не то что в деревянной.

— К берегу гребут, — сказал Петя. — Надо идти.

Охотник достал из кустов корзинку, полную белых грибов, и протянул новому другу.

— Небось забыл?

— Пошли к нам! — пригласил Петя. — Я тебя с папой и мамой познакомлю.

Охотник отрицательно затряс головой.

— Мне надо идти, — сказал он. — Мамка с батяней должны из леса заявиться, а я еще рыбу не почистил...

— На одну минутку, ну, пожалуйста, — уговаривал Петя.

— Петя-а! Где ты-ы? — одновременно крикнули папа и мама. И в голосах их была тревога.

— Не хочешь идти — я сам их сюда приведу. — Петя поставил корзинку с грибами на мох. — Подожди здесь, ладно? Я сейчас!

Дым над озером

Папа уже вытащил резиновую лодку на берег и сматывал леску. Мама сидела на корточках у костра и дула на тлеющие сучья. Волосы падали на лицо, и она то и дело отводила их рукой. На расстеленном брезенте в беспорядке были свалены котелки, чашки, ложки, кружки. В проволочном садке лежало десятка два рыбин. Окунь и плотва. Рыбешка была некрупная.

Мама подняла от костра покрасневшее лицо

и взглянула на сына. На щеке у нее черное пятно от сажи.

— Где же это ты пропадаешь, Петушок-золотой гребешок? — спросила она.

— Я вас с дерева видел. Там, где вы удили, мелочь берет. Крупная рыба на плесе гуляет.

— Смотрите, какой специалист! — усмехнулся папа. — Ты слышишь, мать, что он говорит?

— Скучал тут без нас? — спросила мама.

— Некогда мне скучать было, — сказал Петя, оглядываясь на лес, где ждал его друг Охотник. — Я грибы собирал, рыбачил... Пойдемте покажу. Ну, скорее, а то он уйдет... — сказал Петя и потащил маму за руку в лес.

Она пожала плечами и пошла вслед за сыном.

— Кто уйдет? — спросил папа, догоняя их.

— Мой друг, Охотник. Это он научил меня на деревьях забираться... Грибы собирать и рыбу ловить...

Петя остановился на берегу, у толстой сосны, где они беседовали, и стал озиаться.

— Где же он, этот таинственный Охотник? — спросил папа.

— Ушел... — прошептал Петя. — И даже не попрощался.

Под деревом рядом с ней лежал рюкзак Охотника. Рот и оттопыренные пальцы.

— Я не верю, поднимая шкуру.

— Ты посмотри, кликнула мама.

Но Петя негромко, он закричал.

— Охотник! Вый!.. Приходи.

Приходи-и-и! И на глазах

Боря слушал эту простую и добрую женщину и уже не удивлялся тому, что Боря Новиков и на войне оставался добрым и сердечным мальчиком, которому нужны были сказки.

Потому он и был отчаянно храбрым, что крепко любил свою мать. Любил комиссара, любил всех, кто воевал рядом с ним. И делал все, что мог, для Родины. Выводил из боя раненых, выносил оружие, под огнем передавал распоряжения командира. А потом прыгнул на броню танка...

Боря был сыном полка. Он был и сыном народа. А у нашего народа доброе сердце.

И если бы не рыбинские следопыты, то о Боре Новикове знали только те, с кем он был рядом в бою. Открывать же имена таких героев — дело благородное и прекрасное.

Честь и хвала красным следопытам!

В. Тихонов

НАГРАДНОЙ ЛИСТ			
1. Фамилия, имя и отчество	НОВИКОВ Борис Михайлович		
2. Звание	воин-танкист	3. Должность, часть	санитар 3-го б-на 380 стрелкового полка
Представляется к награде "За отвагу"			
4. Год рождения	1930	5. Национальность	русский
6. Партизанность		пионер	
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда)			
СССР с 7 мая 1942 г. 380 сп			
8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне			
не имеет			
9. С какого времени в Красной Армии		5.1942 г.	
10. Каким РВК призван		доброволец	
11. Чем раньше награжден (за какие отличия)		не награждался	
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи			
гор. Ленинград, ул. Изергинского, д. 40, кв. 10. Звонков - гор. Рыбинск Ярославской области.			

ОН БЫЛ ТВОИМ РОВЕСНИКОМ

ся прямо на людей. — бось мамка за ручку водит?

— Что я, маленький? Мама рядом идет. Я за ручку не люблю.

— И на метро сам едешь?

— Сам.

— А ежели эта лестница, которая сама двигается, убежит из-под ног, тогда как? Все падают, да?

— Никуда она не убегает, и никто никогда не падает.

— А лифт? Идет-идет, а потом бах! И вдребезги!

— Лифты не падают, — сказал Петя. — Вот застрять между этажами — это могут. Я один раз застрял.

— Страшно? — поинтересовался Охотник.

— Чего тут страшного-то? Нажал красную кнопку: мастер пришел и выпустил меня.

— Я ни разу в городе не был, — вздохнул Петя Первый.

— Послушай, Охотник, приезжай ко мне в гости, а? — сказал Петя. — Я тебе город покажу. В музеи будем ходить, в кино... Покатаемся на лифте, поедем в метро. На каждой станции будем выходить и смотреть. Знаешь, как там красиво? А потом в парк пойдем.

О ленинградском пионере Боре Новикове, сыне полка

В девятнадцатой школе города Рыбинска хранится альбом. В нем собрано все, что узнали красные следопыты школы о Борисе Новикове — ленинградском пионере. Перелистываем письма фронтовиков, знавших Бору во время войны.

Офицер запаса С. И. Лебедев пишет:

«Как-то легче стало мне теперь вздохнуть. Первая моя радость — я написал письмо родным Бориса, до этого не знал адреса. Вторая — та, что Бориса помнят и воздадут должное.

Впервые я увидел этого мальчика при разгрузке нашего эшелона на станции Любница. Вторично — в деревне Семеновщина. Смотрю, идут командир батальона, его заместитель, комиссар и с ним мальчуган.

В третий раз увидел его в первый день боя, в мае 1942 года, с санитарной сумкой. Кого перевяжет, кому поможет уйти в укрытие.

Я обратил внимание на детский крик: «Дядя, помоги!» Вижу, мальчонка подполз к убитому солдату (видно, он полагал, что тот ранен). И вот, чтобы перевернуть этого солдата, а возможно, командира (это было от меня

метрах в тридцати-сорока справа) и взять документы в кармане гимнастерки, у него не хватило сил, и он попросил помочь перевернуть убитого.

Каким я помню Бориса? Маленький, коренастый крепыш, рыжеватый, с редкими веснушками. Глаза бледно-карие».

А вот наградной лист. В этом документе кратко и точно рассказывается о боевых делах Бори.

«Борис Новиков добровольно уехал из Рыбинска на фронт. На станции Бологое присоединился к полку. В боях 7—8 мая, 21—22 мая и 6 июня пробирался на передовую и оказывал помощь раненым. Вывел 18 раненых с оружием на медицинский пункт, перевязал 26 человек, вынес 12 винтовок, 3 ручных пулемета, 2 автомата и доставил много документов убитых фашистов.

Храбро и быстро выполняет поручения как связной и санитар, является любимцем полка, вечно весел, не боится огня противника...

Двенадцатилетний защитник Ленинграда зрело, как взрослый, решил не возвращаться домой, пока не будут изгнаны немецко-фашистские оккупанты с Советской земли. Свое решение Борис Новиков активно выполняет. До-

стоин правительственной награды — медали «За отвагу».

Но даже в таком строгом документе командир, вымотанный тяжелыми боями, написал необычные, душевные слова: «Любимцем полка... вечно весел...»

Боря Новиков и в самом деле был храбрым мальчиком. Об этом пишет и подполковник запаса Л. Н. Парфенов. В те дни он командовал стрелковой ротой.

«Ему постоянно угрожала опасность быть убитым или раненым, но удержать его было просто невозможно. Мне запомнился один из эпизодов. Шло длительное и большое наступление. Я из окопчика управлял боем роты. Смотрю, Борис идет, не торопясь, прямо по открытой местности, хорошо наблюдаемой и обстреливаемой огнем противника. На нем две медицинские сумки. Я ему кричу: «Ложись!» А он, так же не спеша, подходит к моему окопу и говорит: «В меня не попадут». Я затащил его к себе и спросил: «Зачем тебе две медицинские сумки? Тебе тяжело». Он отвечает: «Одна своя, вторую взял у убитого санитаря, пригодится».

Он оставался со мной до наступления темноты. Мы пообедали. Я ему говорю, чтобы на всякий случай он написал мне свой адрес. Он мне его написал. Взял он себе и мой адрес, сказав: «Если и вас, товарищ старший лейтенант, убьют, я сообщу домой». За эти и другие бои Борис был награжден в 1942 году медалью «За отвагу». Для того времени это была большая награда даже для офицера. Потом он перешел во взвод конной разведки полка.

Я его встречал при шпорах и с саблей. Он был уже настоящий юный герой-воин».

Хочется понять: откуда у Бори такая храбрость, такая верность солдатскому долгу? Ведь он был не взрослый солдат, а всего-навсего мальчишка двенадцати лет, пятиклассник.

Вот письмо комиссара подразделения, в котором воевал Боря Новиков. В свободную минуту комиссар

счел необходимым рассказать своему сынишке про Боря Новикова.

«Он был немного больше тебя, сутуловатый, с большой головой. Глазенки отражали весь его не по летам развитый ум и мужественность, отвагу, энергию.

На первый взгляд самый обыкновенный мальчик. Но он все время был на передней линии огня и под грохот взрывов и лязг железа делал своими маленькими ручонками большое дело. Здесь он был и сам ранен в ногу, но не оставил своего дела и продолжал помогать другим.

Он часто приходил ночевать ко мне в блиндаж и по всей военной форме докладывал: «Товарищ комиссар, воспитанник Борис Новиков явился в ваше распоряжение», щелкал своими маленькими каблучками и приветствовал, беря руку к головному убору.

После этого укладывался ко мне под бок, обнимал за шею и просил, чтобы я рассказал ему сказку...»

Как же так? Каждый день мальчик видел, как гибнут взрослые люди, боевые товарищи, каждый день он мог погибнуть сам. Он мог стать суровым, замкнутым, а он просил рассказать сказку. И в знак благодарности целовал комиссара, как старшего брата, как отца.

Погиб Боря Новиков в бою.

На нейтральной полосе остался подбитый танк. Танкисты решили вытащить его. Когда наши танки двинулись к нейтральной полосе, Боря вскочил на броню одного из них. Фашисты открыли огонь из минометов. Мина разорвалась возле танка, и Боря был убит наповал.

Ночью разведчики вынесли с поля боя тело двенадцатилетнего солдата и похоронили его с воинскими почестями. Над могилой Бори Новикова грянул залп из винтовок и пистолетов. Десятки снарядов с грозным

ревом унеслись к фашистским позициям. Артиллеристы мстили за смерть своего сына.

«Рядовой Новиков Борис Михайлович, доброволец, убит 11 июля 1942 года и похоронен на дивизионном кладбище высота 167,6 южнее Язвища».

Эту пожелтевшую от времени бумагу с печатью красные следопыты увидели в доме Бориной матери. Мария Ивановна живет совсем близко от девятнадцатой школы. Она встретила ребят ласково, рассказала о сыне, о своей жизни. Отец Бори умер рано, жить было нелегко. Во время войны Мария Ивановна была в эвакуации, работала на заводе, сутками не выходила из цеха.

Ребята слушали эту простую и добрую женщину и уже не удивлялись тому, что Боря Новиков и на войне оставался добрым и сердечным мальчиком, которому нужны были сказки.

Потому он и был отчаянно храбрым, что крепко любил свою мать. Любил комиссара, любил всех, кто воевал рядом с ним. И делал все, что мог, для Родины. Выводил из боя раненых, выносил оружие, под огнем передавал распоряжения командира. А потом прыгнул на броню танка...

Боря был сыном полка. Он был и сыном народа. А у нашего народа доброе сердце.

И если бы не рыбинские следопыты, то о Боре Новикове знали только те, с кем он был рядом в бою. Открывать же имена таких героев — дело благородное и прекрасное.

Честь и хвала красным следопытам!

В. Тихонов

ШКОЛЬНЫЙ АТЛАС

РАССКАЗ

**Борис
Водопьянов**

**Рисунки
Н. Кошелькова**

Мне еще не было шести лет, но я хорошо помню, как уходил на войну дядя Леша.

Для меня он был дядя, а для бабушки сын — младший и единственный.

Все же я не понимал, почему бабушка плачет. Идти на войну, на настоящую войну, с пушками, танками и самолетами, держать в руках настоящую винтовку с длинным штыком, — какие уж тут слезы!

Было это в морозный и солнечный день. Снег капустно хрустел под ногами. Фиолетовый кизячный дым из печных труб отвесно уходил вверх: казалось, все село было подвешено этими дымами к синему небу.

Не было ни вина, ни гармошки. Это поражало и чуть-чуть даже обижало меня. Дядя Леша был добровольцем; добровольцы часто уходили на фронт из нашего села, их шумно

проводжали до самой станции, и на проводах непременно бывали вино и гармошка...

В полдень дядя зашел домой проститься. Он был наголо стрижен и не похож сам на себя. Свесив с печки босые ноги, я вдруг оробел и застеснялся, будто поняв, что этот рослый боец с зелеными петлицами на воротнике принадлежит теперь не только нам с бабушкой.

— Ну что, Борис-на колу повис, до свидания, что ли! — дядя взял меня под мышки, стянул с печки и поднял вверх на вытянутых руках. — Вернись, так ты чтоб до самого потолка дорос, договорились?

Он прижал меня лицом к шинельному сукну. Сукно было колючее, от него пахло морозом и чем-то кислым.

— Дядя Леша, — сказал я несмело, — а у тебя пуговицы со звездочками есть?

Дядя рассмеялся.

— Пуговицы? Да я их тебе целый мешок с фронта привезу. Мне выдадут, а я их сразу — в мешок. Только ты не забывай, пусть бабушка в письмах напоминает.

— Я не забуду...

Потом к нашему двору подъехали председательские сани, разъездные, обитые черным дерматином. В санях сидел кучер Харитон в латаном тулупе и еще двое, одетые точно как дядя Леша, с такими же противогазами через плечо.

— Наши, — сказал дядя Леша и, обняв плачущую бабушку за плечи, повел ее на улицу.

Я не мог идти с ними. У нас с бабушкой были одни валенки на двоих.

Расплющив нос о холодное оконное стекло, я наблюдал, как с разных сторон сходились к саням наши односельчане. В овчинных полушубках, присыпанных сенной трухой, в замасленных ватниках, они обнимались и целовались с дядей Лешей крест-накрест, и это уже походило на настоящие провода.

Последней обнялась с дядей Лешей бабушка. Она была как раз по плечо ему. Дядя прижался щекой к пуховому платку на ее голове, потом стал осторожно разжимать бабушкины руки. А она все хваталась и хваталась за рукава его шинели.

И еще я помню белозубую дядину улыбку, когда он обернулся из отъезжавших саней и помахал рукой.

Потом от дяди стали приходить письма, маленькие бумажные треугольники с длинными номерами полевых почт. За письмами бабушка ходила в сельсовет.

Вечерами в нашей избе собирались старушки со всего села. Многих я знал: Наумовну, Максимовну, Петровну, — так они звали друг друга. Они пряли рыжую верблюжью шерсть и вязали из нее варежки для фронта, смешные

варежки с двумя пальцами, чтоб удобнее было стрелять из винтовки.

Это были интересные вечера. Затаившись, я лежал на печке и слушал неторопливые разговоры взрослых. Говорили они о колхозных делах, о своих житейских заботах, а чаще всего — о войне.

Где-то рядом, за кирпичной кладкой дымохода, живым плачем заходил ветер. Лампа светила желто, и от большого фикуса на белую стену падала причудливая тень. Однажды, думая приятно удивить бабушку, я принялся тайком обводить эту тень химическим карандашом. Тень от моей собственной руки сбивала меня с толку, и, увидев потом все нарисованное, я сильно разочаровался.

Мне крепко попало от бабушки, а стену пришлось белить заново.

В один из таких вечеров бабушка сказала:

— Пишет — прошусь в танкисты.

— Механик, куда ж ему, как не в танкисты, — рассудительно отозвалась сухонькая Максимовна, у которой маленькая головка постоянно тряслась от какой-то болезни. — Кто от трактора пошел — все в танкисты.

Несколько дней после этого я ходил обуянный гордостью. В моих уличных разговорах дядя Леша уже был танкистом. Он носил черный ребристый шлем, а его танк с разгону врезался в немецкие окопы.

Мальчишки завидовали мне, но не все. Например, Мишка Курганов так возразил на мое хвастовство:

— Танкистов сколько? — сказал он. — Полный фронт. А наш Виктор погиб храброй смертью, в письме написано.

Против этого невозможно было возразить. Мишкин брат погиб прошлой осенью, об этом знало все село.

— Ну и что, — сказал я, не желая сдаваться. — Дядя Леша тоже может погибнуть.

А вскоре дядя Леша и вправду стал танкистом. Прочитав об этом в письме, бабушка стала печальной и хмурой. Она сказала не то осуждающе, не то одобрительно:

— Таки-добился своего.

И, сняв очки, долго протирала их концом передника...

В нашем селе, как и в других, профессии шофера и тракториста неодолимо влекли к себе мальчишек. Дяде едва исполнилось шестнадцать, когда он принес домой маленькую синюю книжку с загадочным названием «права». Получать ее он ездил в район и по такому случаю был празднично-нарядным в своем вельветовом, «городском» пиджаке и при галстукке. Было это весной. В степи уже кончали жечь прошлогоднюю стерню, и по вечерам в похолодавшем воздухе слышалось далекое, трудолюбивое урчанье тракторов. Дядя рабо-

тал в дальней бригаде, домой заглядывал редко, и неизменно бывал чумазым и радостно-гордым.

А летом началась война...

От тех времен, когда дядя учился на курсах, в доме у нас осталось множество книг, его учебников. Книги были очень интересные, даже интереснее бабушкиной библии. В библии на картинках были какие-то изможденные люди, большеглазые и босые, с непонятными кругами над головой, а в дядиных учебниках — тракторы и автомобили, да все такие незнакомые, да такие хитрые, что у некоторых даже кузов мог подниматься и опускаться.

Эти книжки я листал по целым дням, а зимой, когда выйти из дому не было возможности, только в них я и находил свою утеху и забаву.

Но как только дядя ушел на фронт, бабушка собрала все эти книги и спрятала их в огромный сундук, стоявший возле печки.

Сундук был старинный, со стершейся росписью на боках. Крышка его рассохлась, из ее широких и темных щелей в нос ударял запах лежалой бумаги.

Ничто другое, даже летние миражи, струившие воду по горизонту сухой и знойной степи, начинавшейся за лиманом, даже и они по своей загадочности и желанности не шли в сравнение с содержимым сундука. При мне лишь три или четыре раза открывала его бабушка, но что мог выхватить в эти короткие мгновения мой жадный взгляд! Стенки и крышка сундука изнутри были обклеены большими, неразрезанными листами старинных денег. А на дне сундука я успевал заметить то стопу тетрадей, то пестрые карты, то какие-то бумаги.

— Бабаня, — просил я. — Дай посмотреть.

— Мам, отдай ты ему, — вступался за меня дядя Леша, когда еще был дома. — Валяется бумага, все равно выбрасывать.

— А коль выбрасывать — зачем писалось? — спрашивала бабушка.

Дядя Леша подмигивал мне и шепотом говорил на ухо:

— Пойдем, я тебе сейчас такой самолет из камыша сделаю... Подумаешь, сундук!..

И вот теперь очередь дошла до дядиных учебников.

Желая предупредить мои приставания, бабушка сказала, защелкнув сундучный замок:

— Вернется дядя Леша, тогда отопру.

Как мне хотелось, чтобы он поскорей вернулся!

К счастью, настала весна, и я на время забыл про сундук, тем более что обе наши овцы объегнились: три лупоглазых барашка бегали по всей избе, дробно стуча в пол острыми копытцами.

Солнышко грело. Первыми зачернели из-под снега навозные кучи. Потом степь высохла и потрескалась. Душные вечера запахли пылью и полынью. С плотины было видно, как по дну обмелевшего лимана неторопливо ползают среди водорослей важные раки.

А где-то идет большая война. Доходившие до села слухи о танковых боях под Курском волновали наше мальчишеское воображение.

Летом письма от дяди Леша перестали приходить. Утешая бабушку, соседки говорили:

— Там теперь тоже, как у нас в уборку: по-ди, и присесть некогда. Вон у Грачихи тоже...

Однажды под вечер мы с бабушкой возвращались с заливных лугов. Бабушка несла мешок свежескошенного пырея, а я — обернутый в тряпку серп и зажатого в кулаке большого саранчука, зеленого и голенастого.

Мы перешли плотину через лиман, с которого на нас дохнуло прохладной влагой, и уже прошли мимо сельсовета, когда из его окна очкастый председатель в черной косоворотке, дядя Яков, окликнул бабушку:

— Пелагея, зайди-ка.

Бабушка как-то очень тяжело уронила мешок на землю и вдруг взялась обеими руками за грудь.

— Иди, сынок, я сейчас...

Дома я с тревогой ожидал бабушкиного возвращения. Я даже отпустил на волю голенастого саранчука, — играть мне вдруг расхотелось. А когда бабушка вошла во двор, села на завалянку и уронила лицо в ладони, сердце у меня забилося сильно, до тошноты.

— Бабаня, не надо, бабаня...

Я ткнулся лицом ей в колени.

— Иди, сынок, побегай, — глухо сказала бабушка. — Иди.

И я понял, что нужно уйти и оставить ее одну...

Когда я вернулся с улицы, в нашей летней пристройке уже горела керосиновая лампа и земляной пол охлаждал босые ступни. Глаза у бабушки были красные и опухшие. Она сидела за столом, подперев ладонью щеку, и, не мигая, смотрела в темный угол. Я посмотрел туда же, но ничего там не увидел.

— Бабаня, — я взобрался коленями на табуретку и стал крутить ложкой в молочной туре; есть что-то не хотелось. — Бабаня, а когда дядя Леша придет?

— Теперь не скоро, — тихо ответила бабушка и не шелохнулась.

— А это сколько лет?

— Много, сынок. Без конца.

— А как это — без конца?

— Ешь, сынок, потом расскажу.

Но к этому разговору мы с бабушкой вернулись не скоро, и ночью мне одному пришлось осмысливать значение бабушкиных слов. Как это так — без конца? Если, например, жить долго-долго, а потом еще и еще... Или вот полететь в небо и все лететь, лететь...

Вскоре нам пришло письмо от дядиных друзей. В письме были документы и дядина фотокарточка. Дядя был вовсе не в ребристом шлеме, а в пилотке, из-под которой выбивались русые волосы. На груди у него было три медали, и улыбался он точно так же, как тогда, из отъезжавших саней...

Помню пасмурный и дождливый осенний день с сумраком по углам комнаты, с тоскливым скрипом оконных ставень. Я лежал на сундуке и дулся на бабушку. Причиной был все тот же сундук. Я никак не мог понять, почему бабушка его не открывает. Ведь дядя Леша...

Но я, конечно, понимал, что вслух об этом говорить нельзя. И вообще, при бабушке про дядю Лешу говорить не надо. И я не говорил. Я просто упрашивал бабушку, нарочно гнуся:

— Ба, ну открой, ба...

Бабушка сидела на низкой скамеечке возле ножной прялки. Колесо прялки быстро вертелось, деревянные спицы сливались в прозрачный круг. Бабушка пропускала шерсть сквозь

сложенные шепотью пальцы и как-то интересно наклоняла голову то к одному плечу, то к другому, будто любуясь своей работой.

Не отрываясь от дела, бабушка вдруг попросила:

— Принеси попить, сынок.

Я нехотя приподнялся на локтях и капризно спросил:

— А ты откроешь сундук?

Бабушка остановила прялку, встала, тяжело, в три приема, распрямила спину и тихо пошла на кухню.

Я чуть не задохнулся от жалости и стыда. Я бросился за бабушкой вслед, но было поздно: бабушка стояла у ведра с водой и пила из большой кружки. Напившись, она пошла назад, а я в припадке запоздалого раскаяния нес за ней полную кружку воды и, плача, умолял:

— Пей еще, бабаня, пей еще...

Бабушка даже не глядела на меня. Она подошла к сундуку, достала из кармана юбки ключ и дважды повернула его в замке.

Мог ли я подумать, что мое счастье будет таким горьким!

Под крышкой сундука были собраны все дядины книги и бумаги, начиная с тех, по которым он учился читать и писать и кончая знакомыми мне учебниками.

Была ботаника с цветами и деревьями: на пестрой вклейке я сразу узнал тюльпаны.

Были книги с непонятными цифрами, кругами и треугольниками.

Были книги со зверями и птицами, с городами и вулканами, с пушками и солдатами.

Здесь были целые груды тетрадей, — даже не верилось, что один человек может исписать столько.

Были и просто листки с карандашными рисунками. На одном, запомнилось, была ярко-желтая груша с непонятной надписью под ней: «Бере зимняя Мичурина».

Но все это было ничто в сравнении с атласом. Атлас был большой, весь из карт и цветных картинок. На картинках был Кремль, были парусные корабли, белые медведи, горы в облаках, пальмы на берегу моря, поезда и незнакомые люди с черной кожей.

По утрам мне не терпелось поскорее забраться с ногами в сундук и рыться, рыться в этом богатстве.

Атлас мне полюбился больше всего. На его обложке были нарисованы пионеры с красными галстуками. Они стояли тесным кружком и внимательно разглядывали какую-то книгу.

Однажды и мой взгляд задержался на книге, которую рассматривали пионеры. И в ней я узнал... такой же точно атлас! На его обложке тоже стояли пионеры и тоже рассматривали книгу, и эта книга была таким же атласом

с пионерами на обложке. А дальше? Дальше опять была книга, опять пионеры, книга, пионеры... А где же конец всему этому?

Конца не было!

Мне сразу вспомнился наш давнишний разговор с бабушкой. Так вот что значит — без конца! И мне показалось, что я открыл такое, чего не может открыть никто другой.

— Бабаня!

Я вывалился из сундука и, взволнованный, подбежал к бабушке; она сидела все так же, за прялкой.

— Бабаня, гляди, — от волнения я проглатывал окончания слов. — Гляди, бабаня, они такой же атлас держат!

Оставив работу, бабушка сощурила глаза и вгляделась в картинку.

— Ну и что? — спросила она.

— А на том атласе пионеры, они тоже атлас держат!

Мне так хотелось, чтобы она меня поняла!

— Верно, пионеры, — согласилась бабушка. — И что же?

— А там опять и опять! Помнишь, ты говорила: дядя Леша не скоро приедет, надо ждать его много лет, без конца? Вот и тут получается без конца! Видишь?

О Великих Законах

главы из книги

О ВРЕМЕНИ

Пространство, наверное, все-таки легче понять, чем Время. Его хоть и не пощупаешь руками, но почти что можно увидеть.

Вот до этой клумбы всего три шага, до поворота, наверное, шагов сто. До горизонта — ох, далеко!

Пространство — это налево, направо, вверх, вниз, во все стороны.

Я тороплюсь в школу — дневник забыл! — бегу обратно.

Пространство можно измерить — миллиметры, сантиметры, километры, тысячи километров.

Да, Пространство проще.

А как Время?

Тик-так. Тик-так. Идут часы. Вот оно, Время. Часы отсчитывают секунды.

Тик-так. Тик-так.

У Времени нет ни верха, ни низа, ни лева, ни права. Только вперед.

Тик-так.

Это движется Время. Или нет, движутся часы. И каждое качание маятника отсчитывает невозвратимые единицы Времени.

Тик-так. Эта секунда уже в Прошлом.

Тик-так. И эта уже в Прошлом.

И есть еще Будущее.

А Настоящее — это неразличимая грань между Прошлым и Будущим.

Писатели-фантасты изобрели машину Времени, которая может переносить человека и в Прошлое, и в Будущее. Но если такую машину изобретут в действительности, все равно — того, что сделано или не сделано, уже не вернуть. Во Времени назад пути нет. Только вперед.

И Мир, и все Предметы Мира, и ты сам движешься не только в Пространстве, но и во Времени.

Двигаться во Времени — значит меняться.

Когда ты был совсем маленьким, мама купила тебе мяч. Он был новый, яркий, упругий. Ты бросал его вверх и ловил. Бил об землю и об стенку, и он был таким же ярким и упругим.

Но вот мяч куда-то пропал,

и ты забыл про него. И совсем недавно — а прошло несколько лет! — ты нашел его под крыльцом. Он постарел — стал тусклым, в мелких трещинках-морщинках, и уже не такой упругий и резвый.

Он пролетел через Время.

Он изменился.

Есть изменения, которые происходят на глазах; мама засмеялась, закипела вода, стал другим цвет неба.

Но большинство изменений происходит медленно. А впрочем, у каждого жителя Вселенной свой счет Времени.

Секунда — и блестящая спичечная головка, вспыхнув, превратилась в уголек.

Несколько секунд — и сахар растворился в стакане чаю.

Несколько часов — и бутон распустился, превратившись в цветок.

Несколько дней — и пожелтели осенние листья.

Несколько лет — и ты из бессмысленного младенца превратился вот в такого молодца.

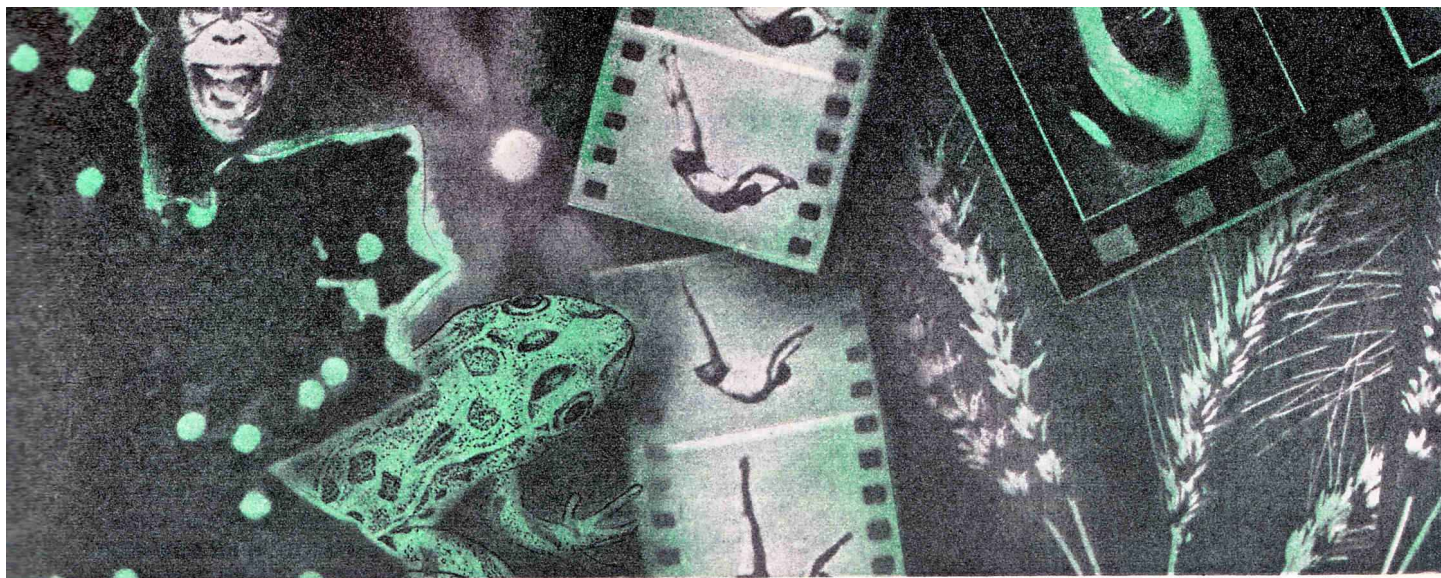
Несколько веков — и цветущая область, покрытая вечно-зелеными лесами и степями, превратилась в Сахару.

Несколько десятков миллионов лет — и на месте древне-

Валерий Суслов

Рисунки Б. Стародубцева

Продолжение. См. «Костер» №№ 5, 7

го моря шумит тайга, а в ней бегают звери, которых раньше и не водилось на Земле.

Несколько миллиардов лет — и погасла некогда ярко пылавшая звезда.

Быстро или медленно, но меняется все. Древний философ сказал, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Вот еще, скажешь ты. Река та же, и название то же — Черная речка. Но ведь если ты, отряхиваясь, выйдешь из нее и войдешь снова, река действительно будет уже не та — та вода, в которой ты только что плескался, уже утекла.

И волны не те.

Все уже не то.

Появляются и исчезают города, образуются и распадаются государства, возникают и исчезают народы, передавая свой опыт другим народам и поколениям, а в это время проходят века и века — это Человечество движется во Времени.

Это История.

Вот куда мы забрались с тобой, рассуждая о Втором Великом Законе — Законе Движения и Изменения.

А зачем?

А все затем же — чтобы понять Механику Мира. Если Мир — это твой дом, ты должен знать порядки этого дома. Ты должен знать, почему и отчего все происходит. Чтобы ты не попал в такую же историю, как тот мальчик, который пришел к Эдисону.

РАССКАЗ О МАЛЬЧИКЕ, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ К ЭДИСОНУ

Томас Альва Эдисон, великий изобретатель, придумал фонограф — дедушку патефона, магнитофона и проигрывателя, — электрическую лампочку и много других вещей. И построил электростанцию.

И вот к нему пришел мальчик и сказал:

— Господин Эдисон, я видел макет вашей электростанции и все понял. Я не понял только одно: как вы по проводам подаете к лампочкам керосин?

Дело в том, что об электричестве мальчик ничего не знал. О самом главном! Остальное — он все понимал...

ИЗ ЧЕГО ПОСТРОЕН МИР?

Ну, ладно, Пространство и Время — это то, где мы живем, где все друг с другом связано и все движется и развивается.

А что друг с другом связано? Что развивается? Что такое — мы? И из чего сделано все остальное — книги, облака, галоши?

Книги — из бумаги, облака — из воды, из мелких водяных капелек, галоши — из резины.

Ну, а свет, звуки, запахи?

Все это — Материя.

Материя — это земля и камни, запахи и звуки, воздух и трава.

Природа — великая кудесница. Из Материи она ухитрилась создать все, что мы видим и чувствуем. И даже то, чего мы не видим и не чувствуем. Материя едина, а является нам в миллионе облиций.

Чтобы ты лучше понял, вот пример.

Падает снег, воздушными, легкими хлопьями. Ты ловишь их на ладонь и на язык. Целый год почти ты не видел снегопада и соскучился по снежинкам. Они лежат на ладони — маленькие, хрупкие, недолговечные, с неповторимыми узорами, и ты разглядываешь белые кристаллы, и они тают на ладони, превращаясь в тяжелые капли воды.

Был снег, есть вода. Превращение произошло на глазах.

Выставь за окно банку с водой, и утром увидишь, что текучая, мокрая вода превратилась в камень. В светло-серый, с голубыми и белыми прожилками кусок льда.

Тоже превращение.

Не выключай чайник, когда он закипит, и смотри на молочно-белую струю пара, как она

бьет из носика. Видишь, даже окно запотело.

Еще превращение.

Чего? Воды, снега, льда или пара? Мы говорим — воды, потому что мы чаще ее видим. А может быть, льда?

Природа — кудесница, она одно и то же показывает нам в разных видах, совсем непохожих друг на друга.

Разве сосульки похожи на клубы пара? А что общего у прозрачной родниковой воды с иглами инея?

Но мы знаем — это вода, в разных видах, в разных состояниях.

Так и с Материей. Она одна, едина, и нет ничего, кроме нее. Но она, как изменчивая вода, является то в одном, то в другом виде.

Ее можно осязать, потрогать пальцами, — но вот она уже невидима. Мы же не видим воздух, а тем не менее он есть, существует. Попробуй-ка проживи без него.

Значит, нельзя думать, что существует только то, что мы видим. Есть многое, чего мы не видим. Но об этом после. Посмотрим на то, что видно.

Есть Вещество. Это земля и дерево, металл, газы и жидкости; это кирпич, бетон, асфальт; это стекло, бумага, ткани; это орехи и яблоки.

Есть Вещество Органическое, или Живая Материя, — это кролики, розы, комары, жирафы, одуванчики. Или то, что было Живым, — опавшие листья, спелая сосна, вы-

давленное из семян подсолнуха масло.

Есть Вещество Неорганическое, или Неживая Материя, — речной песок, скалы, камни, вода.

И все, меняясь во Времени, в вечном движении, в ни на секунду не прекращаемом действии, в вечной борьбе, в наступлении, сопротивлении и соединении, превращается одно в другое. Изменение — это ведь превращение.

Трудно даже представить, сколько происходит таких превращений.

Щепки, сгорая, превращаются в свет, тепло и кучку пепла.

Свет изменяет вещество твоего глаза, ты щуришься и говоришь: «Ярко горит, однако!» Пепел становится частью почвы и вместе с соками земли и водой под действием солнечного света превращается в растение — в листья, ветви и плоды. Ты съедаешь яблоко или кусок хлеба, сделанного из семян пшеницы, и они превращаются в силу твоих мускулов, в твою мысль.

И это — только два-три превращения Материи.

Да, Природа знает много способов превращать одно в другое. А основного материала, как и у любого великого мастера, у нее не так уж много. Всего каких-нибудь сто с небольшим основных веществ, или элементов, как их называют химики. Но ведь у художника красок и того меньше, — а сколько разных картин! А

оттенков, тонов и полутонов сколько в каждой картине!

Из атомов основных веществ — элементов — Природа и строит все великое разнообразие Мира.

Два атома водорода и один кислорода — и получается вода! Хорошая, вкусная вода, которой можно и напиться, и помыться.

Один атом углерода и два кислорода — и получается углекислый газ, тот, который мы выдыхаем при дыхании, невидимый, но смертельно опасный, если попасть в среду, где его слишком много.

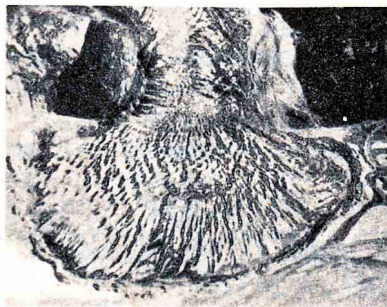
Такие соединения — букеты атомов — называются молекулами. Есть молекулы-карлики, по два-три атома, и есть молекулы-гиганты, по многу тысяч атомов в каждой.

ЧТО КУДА ДЕВАЕТСЯ, ИЛИ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ ИЗ ВЕЛИКИХ ЗАКОНОВ

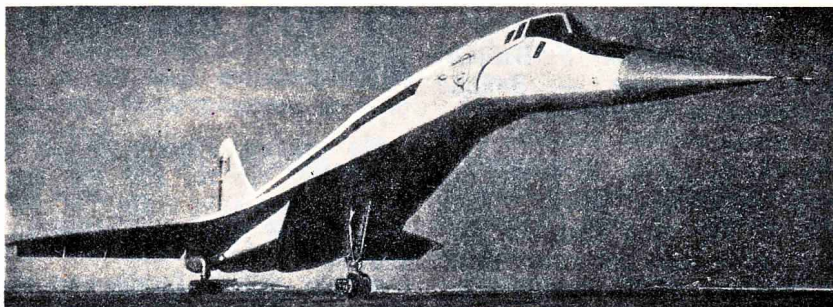
Слушай, а ты не растеряха? А то ведь бывает: куда делась книжка?

Совсем как у Гришки Скворцова:

Стал задачник он искать:
Заглянул он под кровать,

Кажется, застывшие потоки образованы особой горной породой. На самом деле — это лед, одно из состояний воды.

Летающая этажерка братьев Райт казалась нашим бабушкам и дедушкам техническим чудом. Нам же не верится, что она — предок сверхзвукового красавца „ТУ-144“. А ведь авиации не исполнилось и ста лет.

Под столы, под табуретки,
Под диваны, под кушетки...

Обрати внимание: все, что ты ищешь, рано или поздно, но всегда находится. Уже потерял надежду найти, забыл, а книжка — вот она, за кроватью.

Запомни: *ничто не исчезает в этом мире.*

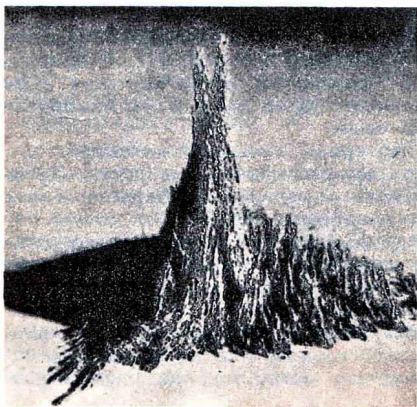
Мой дед — это было давно, когда я был совсем маленький, — однажды часа два искал свою трубку, а она была у него в зубах. Но это так, курьезный случай.

А в нашем Большом Мире, среди тысяч превращений, которые происходят на каждом шагу, бывают и такие, что даже выдавшие виды ученые спрашивают друг друга: «Во что превратилась Материя на этот раз? Может быть, она исчезла?» Но после долгих поисков, рано или поздно, ее находят. Как книжку за кроватью.

Оставь на подоконнике блюдце с водой, и через день-два вода «исчезнет». Ты уже знаешь куда. И здесь, пожалуй, кстати рассказать

О ТОМ, КАК КТО-ТО КРАЛ МЕДНЫЕ ПРОВОДА

Ты, конечно, видел не один раз медные провода над трамвайными путями и линии электропередач.

Случилось так, что зимой, как только стукнули морозы, с этих линий и путей исчез провод, и не моток, не два, а целые километры, десятки километров провода. Куда девается, кто крадет? Милиция ничем не может помочь, следов не обнаружено.

Вернулась весна-красна, солнышко пригрело, и — что бы ты думал? — исчезнувший провод оказался на месте. В целости и сохранности.

А следующей зимой опять то же самое. И весной. И так каждый год. И милицию перестали беспокоить. Все объяснилось само собой.

Никакой кражи и не было. Просто было одно из Превращений. Предметы от холода сжимаются, уменьшаются в размерах. Ты ведь и сам жмешься, стараешься быть поменьше, когда тебе холодно. А от тепла предметы расширяются, увеличиваются.

Если охладить небольшой кусок провода, то расстояние между атомами сократится и он уменьшится, но незаметно, немного. А когда целая магистраль — от Ленинграда до Москвы или еще дальше — от Киева до Новосибирска, — то такое уменьшение заметно, и весьма.

Ничто не исчезает в этом Мире. Только превращается одно в другое. А если цепочка превращений еще не разгадана, так ее надо разгадать. Может быть, со временем ты этим и займешься.

ЗАОДНО О НЕВИДИМОМ

Невидимого — много, мы уже говорили, что его, может быть, больше, чем видимого. Даже наверняка.

Невидим весь Микромир, и живой, и неживой.

Невидим весь невообразимо огромный Мир Микробов, и в него заглянуть можно только через микроскоп.

А некоторые звезды нельзя увидеть даже в самый мощный телескоп — так они далеки и тусклы.

Но есть еще и другая невидимая Материя. Мы толковали про Вещество. Но Материя бывает и в других видах. Так вот, один из самых всеобъемлющих и распространенных видов Материи — это Поле.

Поле.

Не ровное, чистое поле, по которому скакал Илья Муромец, не поле, засеянное рожью. Просто — Поле. Хотя совсем не просто, и, наверно, проще верблюду пройти в игольное ушко, чем объяснить, что такое Поле.

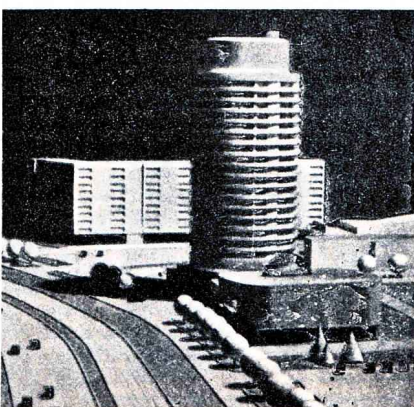
Однако попробуем.

Начнем с того, что даже ученые еще толком не знают, что такое Поле. Но это не так важно. Ведь мы пользуемся многим из того, чего не можем объяснить.

Продолжение следует

Такую форму причудливой колочей пирамиды придало железным опилкам магнитное поле.

Вчера — захолустное село, сегодня — стройка пятилетки, завтра — новый социалистический город наемных автомобилестроителей. „Мы покоряем пространство и время“, — поется в одной из наших песен.

ТАЙНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

ПОВЕСТЬ

Сам-Он

Рисунки Е. Овчинникова

Совершив недостойный поступок,
Я не смею взглянуть вам в глаза.
Пусть я издали только смогу
Дым селенья родного увидеть.
Никогда уже больше мой след
С вашим следом не соединится
На охотничьей общей тропе.

Песнь изгнанника

Пять ночей шли мы на восток, а днем отдыхали в тени деревьев, скрываясь от палящих лучей солнца. Все больше встречалось ручьев и озер. На их берегах зеленели деревья, а сочная трава и цветы говорили нам, что голод миновал безвозвратно.

Болотных птиц мы приносили в лагерь целыми связками. С каждым днем люди становились крепче, на руках твердели мышцы, бедра женщин округлились, походка их сделалась мягкой. Лошади снова стали быстрыми, выносливыми.

Наконец, на пятый день мы остановились у незнакомой мне реки. Старшие воины называли ее О-ти-писокв — «Река с говорящей водой». Почему ее так называли, я узнал несколько позднее.

Мы расположились на пологом берегу, а противоположный спускался отвесной стеной к самой воде. Здесь, у огромных каменных глыб, с шумом разбивались пенящиеся волны.

Вокруг простиралась чаща, среди хвойных деревьев виднелись березы и клены. Над нашим лагерем то и дело пролетали стаи диких гусей, лебеди и цапли. Ниже по течению, к востоку, у озер, окруженных болотами, гнездились эти птицы.

Мы разбили наш лагерь, расположив его полукругом — большой подковой, обращенной открытой стороной к реке. Племя собиралось задержаться здесь несколько дней, и мы с Совой принялись за починку наших каноев.

Набрав сосновой смолы, мы проклеили швы, которые разошлись во время похода, наложили кое-где заплатки из березовой коры. Неподалеку на камне сидел воин Черный Ворон и, наблюдая за нашей работой, не сделал нам ни одного замечания. Наверное, мы хорошо справлялись с нашими обязанностями.

Когда мы починили последнее каное, он подошел к нам и, выбив остатки табака из глиняной трубки, сказал:

— Мои младшие братья заслуживают похвалы. Я возьму вас завтра с собой и научу, как сделать каное, которое будет принадлежать вам.

Мы постарались скрыть от Черного Ворона нашу радость, но, стоило лишь ему отойти, и мы побежали к Танто поделиться новостью.

— Слушай, брат! — закричали мы, запыхавшись. — Завтра мы пойдем с Черным Вороном вниз по реке и под его руководством построим каное!

— Значит, вы заслужили такое отличие, ибо этот воин лучше строит березовые челны. У вас будет хороший учитель. Уважайте его знания и старайтесь запомнить каждый его совет.

На другой день, еще до восхода солнца, мы уже толпились о камни свои томагавки и ножи и с нетерпением ожидали воина. Черный Ворон не заставил себя долго ждать. Он появился перед нами, и мы немедленно двинулись в глубь чащи.

Солнце застало нас среди каменных россыпей, где, казалось, несколько гор рассыпалось на куски. Здесь росли зеленоватый мох и карликовые березы. Место это показалось нам кладбищем Духа Гор.

Мы шли друг за другом все осторожнее: легко можно было поранить ногу острым камнем. Не раз нам приходилось прыгать со скалы на скалу или сползать по крутой каменной стене.

Вдруг спускавшийся впереди нас Черный Ворон резко остановился. Мы поспешили к нему, с любопытством высматривая, что же могло так внезапно остановить воина.

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1972 г.

И тут я почувствовал, как кровь стынет в моих жилах. Перед нашим учителем — в каких-нибудь трех шагах — лежала, свернувшись, гремучая змея.

Верхняя часть тела змеи ритмично раскачивалась — вперед-назад, а ее гипнотизирующие глазки со злобой смотрели на Черного Ворона. Я понял, что ядовитый гад вот-вот прыгнет, подобно стреле, выпущенной из лука. Отступать некуда: позади — крутая каменная стена, с которой мы только что спустились, а с обеих сторон — пропасти, усеянные на дне острыми камнями и обломками деревьев.

Змея была раздражена. Видно, ее задел камень, скатившийся из-под ног воина. И теперь, видя людей, она уже не успокоится.

Нам оставалось бороться с ней, но как и чем?

Сквозь сжатые зубы Черный Ворон прошептал:

— Отступите назад!

Мы медленно, чтобы еще больше не раздражить гремучую змею, отодвинулись назад, шага на полтора или даже меньше, — за нами уже была влажная стена, мы упирались в нее спинами.

Воин по-прежнему стоял на месте, немного наклонившись вперед и согнув ноги в коленях. Правой рукой он медленно вытаскивал из ножен нож.

Холодный пот выступил у меня на лбу. Успеет ли Черный Ворон вытащить нож, прежде чем змея прыгнет? Я не видел, что в это время делал Сова, но, думаю, он переживал то же самое.

Наконец, — а мне казалось, прошла целая вечность, — в руке Черного Ворона блеснул нож. Змея все еще покачивала треугольной головой. Я с облегчением вздохнул, но мы еще не были в безопасности. Гремучая змея раскачивалась все сильнее. Она еще выше подняла уродливую голову, а ее раздвоенный язык так и мелькал в полураскрытой пасти.

Я слишком пристально всматривался в змею, и теперь перед глазами у меня пошли черные и красные пятна, ноги дрожали. Я боялся, что не выдержу и упаду на колени.

Сколько длилось это ожидание, не знаю, но вдруг Черный Ворон тихо вскрикнул.

Змея прыгнула.

Левая рука воина схватила ее на лету пониже головы, а правая, вооруженная ножом, молниеносным движением обезглавила гада.

В этом поединке Черный Ворон совершил одну ошибку: он перехватил ядовитую змею ниже, чем надо было, и, хотя его нож мелькнул, как молния, змея сумела оцарапать ему руку ядовитым клыком.

Мы знали, что это значит. Если сразу не помешать распространению яда в крови, тело вспухнет, потом воина одолеет сон, во время которого он будет разговаривать с духами, а затем замолкнет навеки. Его почерневшего тела не тронут даже стервятники.

Эти мысли промелькнули в моей голове, но в тот же миг Черный Ворон закричал:

— Быстро давай ремень и завязывай мне руку выше локтя!

Я немедленно выполнил приказ воина.

— Теперь надрежь ножом место укуса. А ты, Сова, — он повернулся к моему другу, — как можно быстрее беги в селение и сообщи колдуну, пусть немедленно придет с тобой!

Черный Ворон протянул мне руку. Выше ладони виднелась маленькая припухшая ранка. В это место я вонзил кончик ножа. Ни единый мускул не дрогнул на лице воина. На мгновение мне показалось, что мой нож вонзается в мертвое дерево. Двумя надрезами я удалил мясо в месте укуса. Брызнула кровь. Я приник губами к ране, отсасывая и выплевывая отравленную кровь. У меня сводило челюсти, я понимал: достаточно маленькой ранки у меня во рту — и я разделю судьбу Черного Ворона. Но я продолжал сосать без перерыва, потому что знал: каждая высосанная капля

крови отдалит смерть воина. Наконец кровь перестала идти.

Мы двинулись теперь кратчайшей дорогой к селению. Воин сперва шел вровень со мной, но потом его шаги стали замедляться, он все чаще спотыкался о камни. Он покрылся холодным потом и весь блестел, как будто только что вышел из воды.

Мне пришлось снять пояс, чтобы сделать Черному Ворону перевязь для его опухшей руки. Мы шли все медленнее. Я перекинул его здоровую руку через свое плечо, и так мы брели к селению.

Черный Ворон начал бредить. Идти он уже не мог. Обливаясь потом и стиснув зубы, я тащил его по острым камням — только бы поближе к селению!

Я решил не отдыхать, но в конце концов споткнулся о камень и рухнул на землю. Изранил себе лицо, зато уберег бесчувственного воина от ушибов. Я выбрался из-под беспомощного тела Черного Ворона. Посадил его поудобней, прислонив к березовому пню.

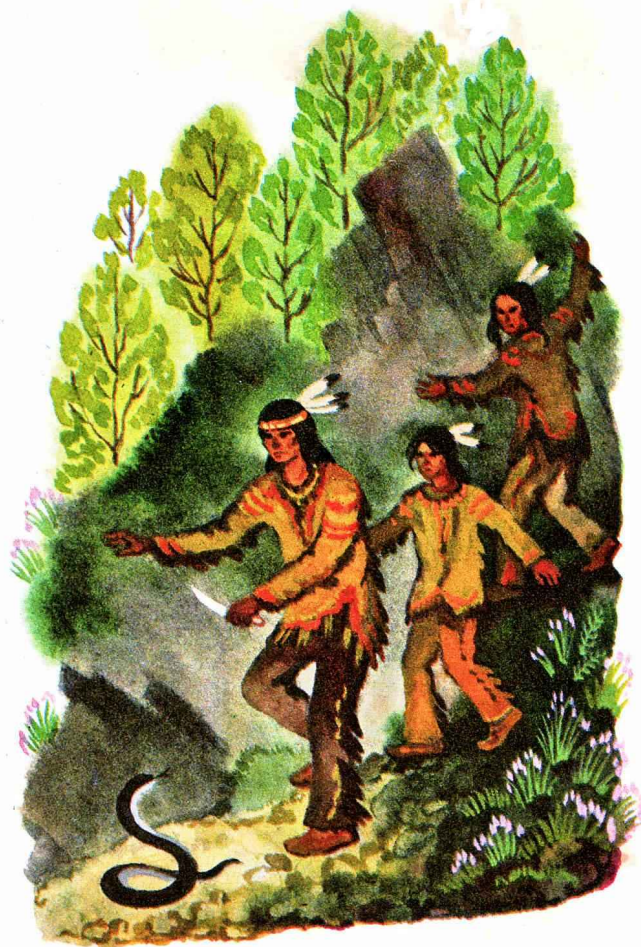
Рука воина почернела по локоть, опухоль захватила плечо, шею и дошла до самого лица. Я не знал, чем помочь, и отчаяние охватило меня.

Может, Сова уже добежал до лагеря? Может, уже ведет кого-то на помощь? Только бы скорее!

— Пить, пить... — еле слышно прошептал воин.

Я бросился в сторону березовой рощицы, где струился ручеек. На ходу я снял набедренную кожаную повязку, чтобы набрать в нее воды.

Назад, от ручья, я бежал как можно быстрее, и самые ужасные мысли теснились в моей голове. Может быть, я уже не застану его в живых... Я мчался, прыгая с камня на камень, будто горная коза.

Послышались голоса. Я рванулся вперед и увидел моего брата с воинами.

У меня отлегло от сердца.

Теперь я спокойно подошел к лежащему воину, опустился подле него на колени. Брат осторожно поднял его голову. Я поднес воду в широкой кожаной повязке ко рту Черного Ворона. Вода разлилась по его лицу, потекла струйками на грудь, и воин очнулся. Жадно припал губами к воде и пил, пил.

Потом Танта с помощью воинов посадил его на коня, сам сел позади него и, придерживая Черного Ворона правой рукой, поскакал бешеным галопом в селение. Я сел позади другого всадника, и мы помчались вслед за братом.

В селении нас ожидал отец.

Черный Ворон был без сознания, когда его внесли в шатер. Всем остальным приказали разойтись.

К шатру приблизился колдун, голый, разрисованный желтыми полосами. Волосы его были связаны в пучок шкурой гремучей змеи, в зубах он держал незнакомый мне амулет.

Вокруг залегла тишина, только с другого конца селения начал доноситься все громче гул бубнов. Горькая Ягода упал на землю и, извиваясь, как змея, пополз вокруг шатра, где лежал Черный Ворон. Сделав полз-

ком четыре круга, колдун, наконец, остановился у входа. Он лежал, вытянувшись на животе, голова его дрожала. Колдун был так похож на нападающую змею, что я, наверное, вскрикнул бы от изумления, если бы брат не закрыл мне рот ладонью.

Голова Горькой Ягоды дрожала еще минуту, но он все ниже опускал ее к земле и наконец, извиваясь, пополз в шатер.

Бубны умолкли.

Прошло время, в течение которого я не успел бы оббежать вокруг селения, — Горькая Ягода вышел и спокойно направился к своему шатру.

Но люди продолжали стоять на месте, будто приросли к земле. Первым очнулся Непемус и пошел к шатру. За ним двинулись остальные, а вместе со всеми — я и Сова.

Заглянув в шатер, мы увидели Черного Ворона. Воин, как и раньше, лежал на волчьих шкурах, но опухоль исчезла без следа.

Он встретил нас слабой улыбкой.

Мы в удивлении застыли на месте. Каким великим должен быть наш Горькая Ягода, если он победил грозного Кен-Маниту — Духа Смерти! И я поклялся себе, что никогда больше не скажу о нем ничего плохого.

Дня два в селении толковали о том, что мог делать колдун в шатре Черного Ворона. Но на этот вопрос даже сам Черный Ворон не мог ответить — ведь он был без сознания, а когда сознание вернулось к нему и опухоль пропала, колдуна в шатре уже не было...

Вскоре, однако, этот случай забылся, так как начали поговаривать о дальнейшем пути на восток. Сперва лучшие охотники племени должны были уйти в чащу, чтобы заготовить побольше мяса на дорогу.

Накануне охоты начались танцы.

Освещенные красным светом костров, воины избражали охоту. Когда я увидел танцующих на поляне воинов, кровь быстрее заструилась в моих жилах. Когда же я, наконец, стану совсем взрослым и вместе с воинами войду в круг танцующих? Когда вместе с ними вступлю на военную тропу?

Танец длился до поздней ночи, а когда луна опустилась к озеру, чтобы утолить жажду после ночной дороги, воины ушли в чащу.

Мы с Совой просили отца разрешить нам пойти с воинами, но отец даже слушать об этом не хотел.

— Вы должны остаться в лагере и не выходить за его пределы. Мы приближаемся к селениям белых, а вы здесь впервые, и я бы не хотел, чтобы ваши следы привели бледнолицых к нашему селению, — и он добавил: — Лучше помогайте женщинам.

Противиться воле отца нельзя. И мы слонялись по лагерю, избегая женщин, чтобы они не дали нам, чего доброго, женской работы. Мы сгорели бы тогда от стыда.

Наконец Сове пришла в голову мысль:

— Может быть, поплывем по реке и наловим рыбы?

— Каноез на месте, можно попробовать, — ответил я.

Если бы я тогда знал, что с нами случится на реке и как мы будем наказаны за непослушание, я бы, наверное, не согласился так поспешно на предложение Совы. Но, не предчувствуя ничего плохого, мы пошли к реке, где лежали на берегу наши челны. На дне челна брата приготовлены были остроги и зазубренные стрелы.

— Вот хорошо, — произнес Сова. — Нам не надо даже возвращаться в селение.

Мы спихнули каноез на воду, вскочили в него на ходу, течение подхватило наш березовый челн, и мы несколькими ударами лопатообразных весел направили его на середину реки.

Теперь нам не нужно было тратить силы на греблю: течение несло наш челн довольно быстро, а сидевший на руле Сова ловко проводил каноез между выступавшими из воды камнями.

Мы плыли вниз по течению, высматривая широкую песчаную отмель, где любят греться в солнечных лучах огромные щуки. Они кажутся сверху бревнами, но стоит мелькнуть вблизи серебристой рыбке, как неподвижные бревна на дне мгновенно превращались в быстрые, прожорливые, всегда голодные молнии...

Песчаной отмели все не попадалось. По обе стороны реки подымался высокий каменистый берег, поросший сверху роскошными елями, а у воды покрытый темно-зеленым мхом. Среди мха кое-где торчали тоненькие карликовые березки. Сорвавшиеся со скалистого берега каменные глыбы загромождали русло реки, образуя каскады. В радужном блеске солнца разбивала свои волны Говорящая Вода.

Глядя сейчас на эти огромные камни и пенящуюся воду, я думал: «Здесь, наверное, происходил когда-то жестокий бой между Духом Гор и Духом Рек. Только они могли метать такие огромные глыбы. Но как же они помирились? Ведь река струится по-прежнему, и по-прежнему скалы толпою возвышаются над водой...»

Никто не мог открыть тайны духов. Единственный, кто мог бы ответить мне, был Овасес он все знал, он знал, о чем шепчутся деревья, колымаемые ветром, понимал язык гор и падающих в ночной тиши лавин.

Но Овасеса нет в живых, и никто больше не разгадает тайну реки. Может быть, мог бы рассказать о таинственной воде Горькая Ягода, но он всегда молчит, да и пожелает ли он вступать с нами в разговор — с нами, не имеющими еще на теле ран Посвящения?

— Слушай, Сова, — спросил я, — можно ли доплыть по этой воде к селению белых?

— Я слышал, — ответил Сова, — что Говорящая Вода впадает в реку Макензи, а над ней, говорят, стоят огромные жилища белых людей, построенные из красной глины.

— Что? — воскликнул я с гневом. — Они строят свои жилища из нашей священной глины, из которой мы делаем трубки?

— Нет, — возразил Сова. — Они делают камни для своих жилищ из обыкновенной глины, которую потом обжигают в огне, и она краснеет.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я удивленно.

— Мне рассказывал об этом воин из племени кри-помнишь, тот, который бежал из резервации над озером Онтарио. Он переселился этой весной в Страну Вечного Покоя.

— Хорошо помню, — ответил я.

Так, разговаривая, мы плыли вниз и не обращали внимания на то, что каноез с каждой минутой неслось все быстрее. Наконец мы попали в бешеный поток и на его гребне понеслись с головокружительной скоростью мимо покрытых зелеными водорослями глыб.

Мы напрягали все силы, стремясь направить наш утлый челн на спокойную воду, но нам это никак не удавалось. Подбрасываемое, как ореховая скорлупка, каноез прыгало из водоворота в водоворот. Вдруг быстрое течение повлекло его прямо на выступ скалы, и только общим отчаянным усилием нам удалось в последний момент миновать его благополучно.

Мы промокли до нитки. Вода, словно желая показать свою силу, то хлестала нам в лица брызгами пены, то вертела на месте наш челн так, что мы не могли различить, в какую сторону течет река.

Когда мы уже были близки к потере сознания в этой головокружительной мельнице, вода выбросила нас из водоворота в пенный поток. Мы теряли силы. Хватит ли их у нас, чтобы вырвать челн из бушующей водной стихии?

Ладони, судорожно сжимавшие весла, опухли, пальцы покрылись пузырями. Пузыри лопались, кровоточили.

«Выдержи, выдержи!» — шептал я. Страшнее всего надломиться, потерять веру в спасение. Тогда к человеку и приходит смерть.

Я не боялся за Сову: он — чистокровный шеванез, его никакая сила не сломит, даже смерть, грозящая нам.

Я боялся за себя, боялся, что возобладает во мне кровь белых и я брошу весло — последнее орудие спасения. В этой борьбе мне предстояло убедиться, чья кровь сильнее бьется во мне — кровь матери или кровь отца?

Сквозь шум воды, разбивающейся о скалы, до наших ушей донесся грозный звук, во сто раз сильнее, чем шум самого быстрого течения.

Глухой грохот навис над водой и лесом. Теперь я понял, почему воины называли эту реку Говорящей Водой. Перед нами низвергался водопад, и его вечный шум дал реке это название.

— Сова-а-а! Сова-а-а!

Вряд ли услышал он мой зов из-за шума воды. Но, заметив, что я обернулся к нему, Сова, беззвучно шевеля губами, нагнулся ко мне. Волосы у него прилипли ко лбу, глаза покраснели.

Он прижался ухом к моему рту.

— Водопад! — прокричал я.

Теперь он крикнул мне в ухо:

— Давай разгоним каноэ! Может быть, перепрыгнем!

Я кивнул в знак согласия. Терять нам все равно было нечего, а прыжок мог нас спасти.

Собрав последние силы, мы схватились за весла. Я чувствовал, что руки у меня одеревенели по самые локти, жилы на шее напряглись, а спина горела, несмотря на холодные брызги.

Грохот водопада приближался. Мы увидели, как река внезапно проваливается, а на горизонте торчат вершины елей. Я почувствовал еще, что мы вместе с нашим каноэ стали невесомыми и летим куда-то в пропасть, потом — страшный толчок, и мое сознание погрузилось во тьму.

Когда я открыл глаза, я лежал на прибрежном песке, а надо мной склонился мой отец, вблизи стояло несколько воинов. Я повернул голову направо: рядом лежал Сова, ему делали искусственное дыхание.

Когда Сова тоже пришел в себя, нас посадили рядом, мы переглянулись, а затем подняли глаза на окружающих нас воинов.

Они гневно смотрели на нас, взгляды их не обещали ничего хорошего.

Я взглянул на отца. Он тоже смотрел на меня с горечью и гневом.

Отец заговорил:

— Вы поступили как маленькие дети, вы нарушили запрещение, и так я потерял сына. Отныне будете жить вместе с женщинами, будете плести с ними корзины. Или оставайтесь в чаще и, если сумеете совершить подвиг, вам разрешат вернуться в селение. Вы потеряли право на мужские отличия. Чтобы я больше не видел перьев в ваших волосах!

Он вырвал у нас из волос перья и бросил на землю со словами:

— Мы презираем вас.

Каждое слово отца поражало меня, как стрела. Я не смел взглянуть в глаза ни ему, ни другим воинам. Опустив головы, мы молча выслушали горькие слова и не пытались оправдаться.

Отец был прав: мы заслужили наказание. Но уж лучше остаться в чаще лицом к лицу с великой неизвестностью, чем стать посмешищем всего селения и плести циновки вместе с женщинами.

Раздался конский топот — отец с воинами усаkali. Мы остались одни.

Я посмотрел на Сову, он посмотрел на меня и произнес:

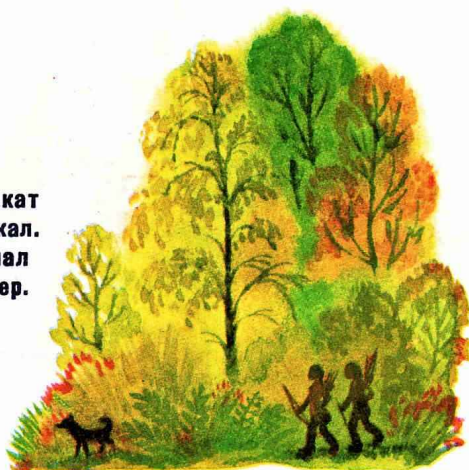
— С нами решено.

— Правильно решено, — ответил я. — Я иду в селение за оружием, а потом уйду в чаще и не возвращусь оттуда, прежде чем не верну себе подвигом потерянные перья.

— Я иду с тобой, брат, — сказал Сова.

Мы поднялись и медленно побрели к нашему селению.

С нами простился солнца закат
Посреди гор, среди синих скал.
Восход солнца нас повстречал
Среди голубяющих рек и озер.

Блуждаем мы по следам зверей,
Чащу проходим из края в край.
Нам не страшны ни мороз, ни зной,
Ни ливень холодный, ни ветер, ни снег.

Песнь пути

Прошло одиннадцать Малых Солнц с тех пор, как наша тройка стала блуждать в чаще. Скитания наши охотно разделял верный Тауга. Вместе бродили мы в лесах, вместе переживали дни радости и горя. Они

еще больше укрепили нашу дружбу, и не было такой силы, что поколебала бы ее.

Пес нам очень помог выслеживать зверей. Он вел нас по следам, почти незаметным, и стрелы наших лу-

ков всегда находили цель. Он предупреждал о приближении грозных хищников, с которыми мы бы не справились и могли бы сами стать их добычей.

Как пригодились нам теперь знания, полученные в школе Молодых Волков, как пригосило знание законов чащи!

День обычно проходил на охоте. Мы знали привычки лесных животных, но у нас был слишком маленький опыт для того, чтобы убить какую-нибудь дичь, достойную настоящего охотника.

Жертвами наших стрел чаще оказывались молодые и маленькие обитатели леса, такие же неопытные, как и мы. Тауга кормился сам, а случалось, подкармливал и нас, принося пойманных им кроликов.

Но хуже всего приходилось нам ночью, когда все хищники принимались за охоту. Мы поддерживали костер, а если волки подходили слишком близко, искали убежища на деревьях. Рысей мы тогда не опасались, мы знали, что они избегают тех мест, где охотятся волки.

Но еще страшнее, чем голоса охотящихся ночью зверей, были ночные кошмары и лесные духи — злобные Мей-мей-гуэнис. Чащу они превращали в наших снах в страшные поляны, где нам мерещились танцы скелетов и слышался стук берцовых костей. Мы предпочли бы увидеть целое стадо медведей, идущих по нашему следу. Когда же, наконец, рассвет прогонял тьму в лесу, мы убегали подальше от места ночлега, и никакая сила не принудила бы нас вернуться на старую стоянку.

Мы старались держаться поближе к воде — на берегах озер и рек легче добыть какую-нибудь водяную

птицу. У воды нас не преследовали ночные кошмары, но зато докучало иное бедствие — комары. Они грызли нас безжалостно, иногда мы выглядели так, словно искупались в собственной крови. В конце концов, не в силах больше терпеть укусы комаров, мы уходили в глубь чащи на поиски растения квес-туа-ткв. Его листьями мы натирали кожу, и этот запах отгонял кровососущих насекомых.

Однажды, сидя у огня, мы услышали выстрелы.

— Белые! — закричал я.

Сова схватился за лук. Выстрелы доносились с другой стороны реки. Здесь нам пока ничего не грозило. Но костер был немедленно потушен, — его пламя могли заметить с противоположного берега. Уничтожив следы костра, мы пошли вверх по реке. Мы знали, где можно перейти вброд на другой берег.

Перед переправой мы сняли тетивы с луков, чтобы они не намокли. Река здесь разлилась широко, и течение было почти незаметно. Вода доходила нам до груди, но местами приходилось плыть. Густые заросли на обоих берегах спускались к самой воде. С одной стороны, это было нам на руку: в зарослях легко спрятаться. С другой стороны, если там скрывается неприятель, он перестреляет нас в реке, как уток, а мы даже не увидим его.

Однако мы переправились счастливо и, никем не замеченные, немедленно углубились в чащу, в сторону выстрелов. По дороге укрепили на своих луках тетиву, поправили колчаны с оперенными стрелами, чтобы в случае опасности сподручнее было их доставать.

Перед нами были белые, и поэтому мы продвига-

лись осторожнее, чем обычно. Наверное, даже выслеживая медведя, мы были бы менее осторожны.

Радость распирала мне грудь: наконец-то мы сами выслеживаем белых. Может быть, убьем их в открытом бою, и тогда мы, презираемые юноши, споем в нашем селении победную песню! Ровесники станут нам завидовать, а воины — удивляться, и мы снова воткнем в волосы перья, но уже не совиные, а только орлиные.

Мечты, однако, не мешали нам продвигаться осторожно, зорко осматриваясь по сторонам. Ничто не ускользало от нашего внимания. Мне вспомнились слова нашего старого покойного учителя — дорогого мне Овасеса: «В чаще не учатся на своих ошибках, так как иногда уже больше не могут их повторить».

Наконец миновали каменные россыпи и густой безразный. Потянулась более ровная местность, поросшая смешанным лесом. Только кое-где торчали одинокие скалы, покрытые мхом, похожим на бороду старого бизона.

Земля здесь была мягкая. Росла густая трава. Теперь приходилось заботиться о том, чтобы не оставлять следов. Мы поднимали каждый притоптанный стебелек травы, сметали отпечатки мокасин на песке. На это уходило много времени, но зато никто не смог бы обнаружить наш след.

Подойдя к небольшой поляне, мы осторожно выглянули из-за деревьев. Но поляна была пуста.

По своим собственным следам мы отошли обратно в глубь леса.

— Слушай, Сова, давай обойдем поляну — ты справа, а я слева, и встретимся на противоположной стороне, — предложил я.

— Мей-у, хорошо, — кратко ответил Сова, тотчас же прильнул к земле и, извиваясь, как змея, скрылся в зарослях.

К условленному месту первым добрался я. Совы еще не было. Я немного обождал, а затем дважды издал крик разбуженного филина. С южной стороны поляны послышался такой же крик, и, прежде чем я успел загнать поочередно пальцы на руках, крик раздался снова.

Это был наш условный знак.

Наклонившись, я побежал в ту сторону. Сову я нашел на краю поляны. Он сидел на корточках и пристально присматривался к чему-то на земле. Я сел рядом с ним и заметил четкие отпечатки обуви, которую носят белые.

— Здесь прошли двое бледнолицых, — прошептал я.

— Два белых и один индеец, — возразил Сова, показывая на полустертые отпечатки мокасин. — Индеец вел их... Они, очевидно, ночевали на этой поляне и ушли туда. — Он показал рукой на юг. — Они находятся на расстоянии, может быть, двух полетов стрелы отсюда. Смотри, притоптанная трава еще даже не успела подняться.

— Нам нужно поспешить вслед за ними.

Как жаль, что мы немного опоздали и не застали пришельцев в их лагере на поляне! Это был бы их последний отдых в нашем лесу.

— Жаль, с нами нет Тауги, — прошептал Сова. — Он бы издал почуял их.

— Тауга, наверно, охотится где-то в чаще. Но это даже лучше, что его нет с нами. Ведь если мы победим белых, то будем обязаны победой только себе.

Следы говорили о том, что белые были не слишком нагружены: они шли ровным шагом и проходили между близко стоящими друг к другу деревьями. Это нас несколько смутило. Ведь известно: белые не любят углубляться в чащу без хороших запасов. Может быть, где-то рядом находится другой, большой лагерь?

Но прежде чем мы сумели ответить на собственный вопрос, все выяснилось.

Лес становился все реже, а трава все гуще, издали

доносился шум текущей воды. И действительно, вскоре мы очутились перед широкой рекой с пологими берегами и спокойным течением.

Следы белых вели к небольшому заливику.

Мы осторожно подошли к нему, но каково было наше удивление и огорчение, когда мы никого там не увидели!

На песке остался след большого каноэ, которое, видно, только что отчалило от берега, — вода в этом месте была еще мутной.

Мы побежали к ближайшему холму над рекой. Вдали плыла лодка с тремя мужчинами.

Я беспомощно посмотрел на Сову и сказал сквозь сжатые зубы:

— Они ушли от нас, брат.

— А с ними и наши мечты об орлиных перьях, — добавил Сова.

Мы не предчувствовали тогда, что эти следы еще встретятся нам не раз и сыграют важную роль в судьбе Прыгающей Совы. Мы смотрели на удаляющуюся лодку, как голодный и слабый волк смотрит на убегающего оленя-карибу.

— Бегу в селение предупредить, что в эти места пришли белые! — закричал Сова.

— Не стоит, брат, — возразил я. — Воины подумают, что нас пригнал страх перед белыми, и еще больше станут презирать нас.

— Но ведь мы должны сообщить племени о появлении белых в чаще!

— Сделаем это иначе, — ответил я и рассказал ему свой план действий.

Сова согласился со мной, и мы двинулись в путь...

На другой день мы достигли крутого берега напротив нашего селения. Нас разделяла Говорящая Вода. С высокой скалы, у подножия которой вилась река, мы видели поляну, где стояли яркие шатры нашего племени.

Пылающие костры и хлопочущие около них женщины, развешенные на ветках деревьев куски мяса — все говорило об удачной охоте.

При виде знакомых шатров сердца наши забились сильнее. Но над нами, как хищный ястреб, висело пятно позора, и пока мы его не сможем каким-нибудь подвигом, достойным мужчины, наши ноги не ступят на землю в родном селении.

Сейчас надо было как можно скорее сообщить отцу о бледнолицых.

Вокруг росло много молодых березок и карликовых сосен. Точно цветные заплаты, они покрывали склоны скалы. Мы набрали березовой коры и веток, затем связали сосновые ветки в несколько больших охапок.

Костер был готов. С помощью кремня, куска твердого дерева и трута Сова высек огонь. Березовая кора вспыхнула сразу, и через минуту запылал большой костер, который, однако, из селения не был виден. Теперь мы хватали вязки влажных сосновых веток и бросали в пламя костра.

Вверх начал подниматься густой синий дым.

Мы убрали из костра наши вязки, и столб дыма превратился, затем снова бросили сосновые ветки в огонь, и дым снова начал подниматься к небу.

Мы повторили эти действия несколько раз, пока, наконец, в селении послышался мерный звук бубна.

Наши сигналы были замечены.

Теперь я и Сова по очереди бросали наши вязки в огонь и снова вынимали их из огня — в разные промежутки времени. Таким образом возникали слова, предложения.

— Мы, Сат-Ок и Прыгающая Сова, обнаружили в чаще белых людей. Следы ведут к реке, которая течет на юге на расстоянии одного конного перехода от селения. Бледнолицые имеют одно большое каноэ. Остерегайтесь, остерегайтесь, белые в чаще, белые в чаще!

Бубен из селения отвечал: понимаем, понимаем, понимаем.

Усталые, закопченные, но счастливые мы посмотрели друг на друга. В глазах Совы бегали искорки радости. Я улыбнулся ему, в ответ сверкнули его белые зубы.

Закат солнца в этот день был для нас счастливым: ведь мы предупредили наших воинов, не встречаясь с

ними. Я и Сова радостно смотрели, как из селения в разных направлениях уходят воины группами по три, четыре, пять, шесть человек. Обнаженные до пояса и натертые медвежьим жиром их фигуры блестили в лучах заходящего солнца, будто высеченные из влажного камня.

Хорошо спалось нам в эту ночь на холодной серой скале.

Прости мне, олень-великан,
Что сердце пробито твое
Моей оперенной стрелой.
Пусть мчится твоя душа

В долины Страны Покоя.
Мы встретимся там с тобой,
Когда наступит мой час.

Из охотничьей песни

Когда теплые солнечные лучи прогнали сон с наших век, солнце уже висело высоко в голубом небе. С другой стороны реки не слышалось ни звука. Ничем не нарушаемая тишина царила вокруг. Только шумела вода в реке, плескались волны, разбиваясь о камни и покрывая их белой нежной пеной.

Неясное предчувствие наполнило наши сердца, и мы молча побежали к обрыву над рекой. Там, где вчера стояли цветные шатры, сегодня было пусто. Следы селения были старательно уничтожены. Если бы мы не видели его раньше собственными глазами, мы бы никогда не поверили, что вот здесь было индейское селение.

Даже места, где вчера пылали костры, сегодня зеленели свежей травой. Самый зоркий глаз не заметил бы, что на этой поляне совсем недавно жили люди, много семей.

Что же их так неожиданно встревожило?

Может быть, воины, посланные на разведку, обнаружили что-то большее, чем мы?

Очевидно, это «что-то» было сигналом опасности, если наши люди решили немедленно свернуть шатры и, так тщательно уничтожив следы своего пребывания, уйти неизвестно куда.

— Пусть мой брат Сова выслушает меня. Если опасность грозила селению, где есть столько храбрых воинов, то чем она грозит нам, двум неопытным юношам?

— Нам надо как можно быстрее переправиться на другую сторону реки, — ответил Сова. — Возможно, мы найдем следы, и они укажут нам, куда ушло наше племя.

— Жаль терять время на поиски. Вряд ли мы найдем такие следы. Я считаю, надо не медля направить свои шаги на юго-восток — туда, где кочуют капоты, род нашего племени. Вождь этого рода Медвежий Клык — мой дядя. Он поможет нам отыскать племя моего отца.

— Хорошо, — кратко ответил Сова.

Мы двинулись в путь.

Почти не отдыхая и питаясь лесными кореньями и плодами, мы стремились на юго-восток. Скорее, скорее и как можно дальше от мест, где пребывают белые! Хотя местность была для нас незнакомой, мы не сбились с выбранного пути. Деревья, кора которых

толще на северной стороне, скалы, обросшие с севера мхом, путь солнца на небе и звезды ночью показывали нам дорогу.

Мы не хотели терять времени на охоту, да и стрел в колчанах было очень мало. Их следовало беречь: кто знает, не понадобятся ли они в более ответственный момент? Только раз, будучи уверены, что не промахнемся, мы убили белку. И ели мясо первый раз за три дня.

Ничего не зная и ни о чем не догадываясь, мы продвигались в том же направлении, что и наше племя, шедшее несколько медленнее впереди — на расстоянии одного конного перехода от нас.

Но мы этого не знали и, отказывая себе даже в сне, стремились поскорее добраться к брату моего отца — Медвежьему Клыку.

На пятый день пути — уставшие, исцарапанные, голодные — мы услышали издали запах дыма.

Кто же это мог быть впереди нас?

Род капотов был еще далеко. Может быть, это белые? Нас отделяло от них не столь уж большое расстояние, чтобы нельзя было их встретить. Мы стали продвигаться осторожно. Каждое дерево, каждая скала могли таить неприятную неожиданность.

К скалам мы подкрадывались, словно к логову хищника: припадали к земле и ползли, избегая малейшего шума, и, только исследовав, что же там, впереди, поочередно, нагнувшись, перебирались к следующей скале.

Наше передвижение вперед очень замедлилось, но, несмотря на это, мы все явственнее слышали запах дыма. Наконец мы подошли к горному склону, покрытому густыми зарослями кустарников, сосны и можжевельника.

Поваленные лесные великаны, погнутые стволы и перепутавшиеся полусгнившие ветви говорили о том, что здесь когда-то прошел ураган. Среди этого хаоса трудно пробираться даже зверю, и нам нередко приходилось на четвереньках преодолевать лесные завалы. И вдруг, совершенно неожиданно, какой-то зверь прыгнул мне на спину, — я не успел даже выхватить нож, как уже лежал на земле.

Я решил дорого продать свою жизнь. Упершись правой рукой в землю, я сумел перевернуться на спину. Левой рукой схватил за шерсть зверя где-то около морды, чтобы не дать его клыкам добраться до моего горла. Свободной теперь правой рукой я выхватил нож и в то же мгновение ощутил на лице теплый влажный язык.

— Тауга, мой дорогой Тауга! — закричал я. — Ну и напугал же ты меня, негодник! Не хватало еще, чтобы я тебя убил, а потом всю жизнь жалел об этом. Тауга, откуда ты взялся, песик мой дорогой?

Я прижал к себе верного пса, дергал его за шерсть. Подошел Сова и, увидев Таугу, удивился.

— Откуда он мог здесь взяться? Ведь там, откуда он прибежал, чей-то лагерь...

— Сова, — перебил его я, — если Тауга был там в безопасности, значит, там кто-то из наших. А если ему там было хорошо, то и нам опасаться нечего.

Теперь мы спокойно пошли за нашим псом, который бежал впереди, радостно повизгивая.

Вскоре мы поднялись на вершину взгорья. Вдалеке, внизу, между огромными деревьями виднелись костры лагеря.

— Селение, наше селение! — закричал Сова.

И не успела еще улыбка сойти с лица моего друга, как с вершины соседней скалы послышался троекратный крик ястреба.

Я так же крикнул в ответ, а затем, прижав кулаки к вискам, еще раз издал крик охотящегося ястреба.

Через минуту на скале появился воин с копьем в руке, посмотрел на нас и приветственно поднял руку.

— Я узнаю вас. Один из вас — сын Высокого Орла, другой — из рода Совы. Избавились ли мои младшие братья от позора, покрывшего их головы вместо перьев, что так смело направляются в сторону селения?

— Нет, Храбрый Змей, еще не избавились, и наши ноги не несут нас к шатрам отцов, — ответили мы.

Подняли руку, прощаясь, а затем стороной обошли селение и снова углубились в чащу.

На душе было тяжело, разговаривать не хотелось. Мы досадовали на Храброго Змея. Почему он встретил нас напоминанием о нашем позоре? Он мог бы вспомнить о том, что мы обнаружили белых в Большом Лесу и предупредили селение. И сейчас без чужей помощи сумели отыскать его, хотя всякие следы продвижения племени старательно уничтожались. Правда, мы отыскивали его почти случайно, но ведь никто об этом не знал. Мы не ожидали похвалы от Храброго Змея, но если б он обратился хотя бы немного иначе, немного теплее... Ведь мы не собирались идти к шатрам, а хотели только убедиться, что здесь раскинуло их наше племя. И пусть бы это был опытный воин, а то о нашем позоре напомнил юноша, лишь недавно ставший мужчиной. Шрамы после Посвящения еще не зажили на его груди.

Сова шел за мной, повесив голову. Его, наверно, мучили те же мысли. Тауга, как бы разгадав нашу грусть, держался подальше и молча перебежал от дерева к дереву, похожий скорее на волка, чем на домашнюю собаку.

Мы подошли к краю высокого обрыва. Внизу под нами темнел огромный хвойный лес. В нем виднелись светло-зеленые островки буков, берез и кленов.

Куда только достигал взор, везде простиралась дремучая чаща, пересеченная голубыми реками: реки сплетались в искусную сеть, заброшенную, казалось, рыбаком-великаном в бесконечные лесные просторы.

Иногда над одним из озер с криком поднималась стая диких гусей и вскоре опускалась на соседнее озеро. Лениво колыхались верхушки сосен.

Монотонный и негромкий шум деревьев успокаивал нас. Солнечные лучи пробивались сквозь ветви лесных гигантов, скользили по нашим плечам, натертым жиром, и падали на лезвия ножей, чтобы на мгновение превратиться в серебряную молнию. Вокруг было тихо и тепло.

— Послушай, — промолвил Сова, подняв руку.

Откуда-то из-под голубого небесного купола неслись серебристые звуки труб.

— Это летят стаи лебедей с юга. А мы по-прежнему одиноки и заброшены в Большом Лесу, как две сломанные стрелы...

— Пусть уста моего брата не говорят так, — перебил меня Сова. — Пусть горечь оставит твое сердце. Мы заслужили наказание и должны теперь исправить свою ошибку, чтобы возвратиться в селение, как лебеди к родному озеру.

В эту минуту до нас донесся треск ломающихся веток и шелест сухих листьев под чьими-то ногами. Мы мгновенно скрылись в кустах, всем телом прижавшись к земле.

Здесь, в этом месте, раньше росли могучие деревья, а сейчас остались полусгнившие стволы и заросли березняка и ольхи и мягкий зеленовато-бурый ковер мха. Дальше деревья так густо переплелись кронами, что дневной свет с трудом проникал сквозь них.

Мы всматривались в этот полумрак, ожидая неизвестно кого.

Кто появится? Человек или зверь, друг или враг?

Прошла минута, еще раз треснула ветка под чьей-то неосторожной ногой, заколыхались раздвигаемые кусты и между ними показалась...

— Та-ва! — закричал я, не помня себя. — Та-ва! Белая Тучка!

Молниеносно вскочил и побежал навстречу матери. Хотя я и знал, что не пристало мужчине показывать свои чувства, я с радостным криком бежал к ней, а за мной мчался Сова.

Увидев нас, мать остановилась, и улыбка озарила ее лицо. Она молча ждала у куста, из-за которого только что вышла. В солнечных лучах, словно бы отражавшихся от ее светлых волос, она казалась мне вторым солнцем, путешествующим по земле.

Мать подняла руку и шепотом попросила нас не шуметь.

— Я подумала, — сказала она, — что мне навстречу выбежали два воющих волка. Разве мои дети не могут сохранить тишины среди Большого Леса?

Стыд горячей волной прихлынул к нашим лицам.

— Садитесь рядом со мной и слушайте меня, — сказала мать. — Я принесла вам новый запас стрел для луков и сплетенные девушками силки для птиц. Танто тоже хотел бы с вами увидеться. Может, он вам поможет чем-нибудь?

Я ответил:

— Спасибо тебе, мать, за стрелы, и да помогут они нам в Большом Лесу как можно скорее направить шаги в сторону твоего шатра. Ничьей помощи нам не

нужно. Мы сами заслужили наказание и сами искупим вину. Передай привет сестре и брату и скажи: мысли мои с ними. А сейчас возвращайся обратно в селение. Мы недостойны твоего общества. Мое сердце разрывается от боли, словно дерево от мороза, но я должен расстаться с тобой, мать. Ведь над нами по-прежнему тень позора.

Я пытался говорить сурово и твердо, однако чувствовал, что мне это не удастся, что в моих словах звучит нежность и любовь.

Не знаю, то ли она не слышала моих слов, то ли сумела прочесть мои мысли, спрятанные глубоко на дне души, но на ее лице расцвела такая улыбка, от которой тают и самые холодные сердца. Своей мягкой нежной рукой она прижала меня к груди и пальцами взлохматила мне волосы на голове.

О, как быстро я забыл о всех своих заботах, и пережитых, и предстоящих...

Сова молча сидел рядом, но в конце концов и его юное сердце больше не выдержало, и он подошел к моей матери.

Мать обняла Сову левой рукой за шею и прижала к себе. Наши головы соприкоснулись, и я заметил, как в черных глазах Совы заблестели слезы.

Я осторожно освободился из материнских объятий, сложил в колчан подаренные стрелы и, не оглядываясь, пошел в лес.

Я не оглядывался нарочно, чтобы Сове не нужно было скрывать от меня свои слезы. Краешком глаза я видел: мой друг направился вслед за мной.

Когда полумрак чащи окружил меня, я трижды издал в честь матери военный клич нашего племени. В нем звучали ноты грусти и счастья, горечи расставания и радости встречи, в нем было все, о чем тосковало мое сердце, к чему рвалась моя душа среди одиночества и ночных тревог.

Издали ко мне долетели слова песни, которую пела мать. Они звали к большим подвигам и мужеству. А если все же наступит час, когда опустятся мои руки и я потеряю веру в себя и в жизнь, тогда я должен просить Великого Духа: пусть стервятники справят пир надо мной.

Мы все дальше углублялись в чащу, а песня матери слышалась все слабее, потом совсем замолкла, и нас окружил птичий щебет и шум Большого Леса.

— Пусть брат мой остановится, — послышался издали голос Прыгающей Совы.

Через минуту он подошел ко мне. В глазах Сова не было уже и следа слез, его взгляд был холоден и тверд.

— Мы плохо сделали, что пришли сюда. Там бы мы скорее искупили свою вину. Вернемся, брат, на тропы бледнолицых.

Я согласился, и мы немедленно повернули назад — туда, откуда пришли.

Тауга остался с матерью, и мы были этим довольны, но чтобы он не прибежал по нашим следам, мы свернули к реке. Пусть ее течение смоет наши следы и скроет их от чуткого носа Тауги.

Солнце обошло уже почти все небо и сейчас висело над вершинами самых высоких елей. Хотелось успеть до захода солнца добраться до реки и на берегу устроить привал.

Нам все чаще попадались навстречу лиственные деревья с огромными стволами и кронами. Даже пять таких юношей, как я и Сова, взявшись за руки, вряд ли смогли бы обхватить такой ствол. Кое-где попадались россыпи влажных, скользких камней. Вокруг царила тишина: должно быть, на деревьях-великанах свили гнезда совы и распугали лесных певцов.

Вдруг передо мной мелькнул светло-рыжий мех, я машинально закрыл лицо руками и почувствовал на себе тяжесть какого-то тела. Когти зверя впились в мою лосиную куртку, а его зловонное дыхание ударило в лицо.

Я схватил за горло неизвестного хищника, открыл глаза — и увидел желтые зрачки рыси. Ее прыжок опрокинул меня на землю, и я изо всех сил старался теперь оттянуть зубастую пасть от своей шеи, но чувствовал, что долго не выдержу.

От когтей зверя меня защищала кожаная одежда. Рысь рвала ее, царапаясь.

Я старался подмять рысь под себя, но ее гибкое тело все время вырывалось из моих рук, все ближе

блестели ее глаза, в них я видел свою смерть. Внезапно новая тяжесть навалилась на меня, — над мордой рыси показались черные космы Прыгающей Сова. Он подsunул левую руку под горло хищника и прижал его голову к своей груди, а правой рукой несколько раз вонзил стальное жало ножа в бок зверя.

Наконец, я почувствовал, что мускулы хищника слабеют, и тут Сова последним ударом полоснул по горлу рыси.

Тяжело дыша, окровавленные, поднялись мы с земли.

— Наша кровь смешалась в этой борьбе, — сказал я. — Отныне, Сова, ты мой брат по крови.

— Пусть дух убитой рыси охраняет нашу дружбу, — тихо ответил Сова. — Вот и пришел день, который смыл наш позор. Сегодня ночью мы станцуем в родном селении танец Рыжей Рыси.

Мы срубили молодое деревцо, очистили его от веток и пропустили этот шест между связанными лапами зверя, затем положили шест на плечи и двинулись в сторону селения.

Солнце не успело еще спрятаться за лесами, как мы уже подошли к скале, где стоял на страже Храбрый Змей. Он заметил нас издали и неподвижно застыл на скале, опираясь на свое копьё. Увидев нашу добычу, он не сказал ни слова. Мы тоже молча прошли мимо и направились к лагерным кострам.

Едва только миновали мы первые шатры, как нам навстречу вышел колдун и несколько воинов. На Горькой Ягоде были только леггинсы и пояс. Он подошел с ножом в руке к лежащей рыси. За ним начали подходить охотники. Заблестели и окровавились ножи, и через несколько минут рыжая шкура была поднята на копьях. Загремел бубен, и в такт его ударам все двинулись в обрядовом танце на площадку перед большим костром. Вдруг все замолкло. Горькая Ягода взял из рук охотников окровавленную шкуру, набросил ее на себя и начал медленный танец.

Воины начали ритмично ударять копьями о цветные щиты и притопывать ногами. Все быстрее становился танец, все громче грохот бубнов и пение воинов. Из пасти рыси на грудь колдуна текла густая кровь. Внезапно колдун выскочил из круга танцующих воинов и встал перед нами.

Я отступил на пару шагов назад, оставляя Горькую Ягоду лицом к лицу с Совой. Колдун начал ходить вокруг Сова легкими мягкими шагами — подобно хищнику, чья рыжая шкура была у него на плечах. Неожиданно одним движением он стянул с себя шкуру и набросил ее на моего друга, одновременно вовлекая его в круг танцующих охотников. Удары в бубны гремели, орлиные и совиные перья в убыстряющемся темпе колыхались в черных, смазанных бобровым жиром волосах охотников.

Я потерял Сову в танцующей толпе, но вскоре увидел, как его под общие крики высоко подняли на щитах воинов. И вновь наступила тишина.

В этой тишине прозвучал крик колдуна, как свист брошенного лассо:

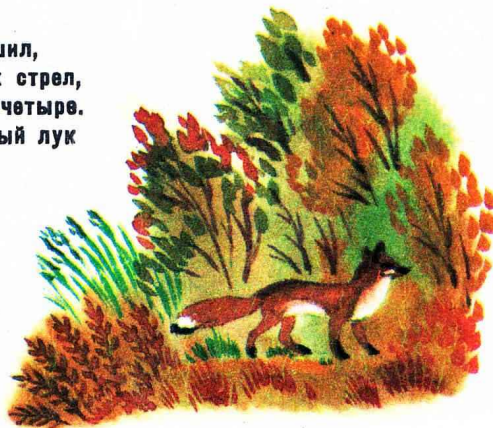
— Ниho-тиан-або, Ниho-тиан-або! Неистовая Рысь, Неистовая Рысь!

Все взгляды обратились к Сове, лежавшему на щитах воинов. Он поднялся, сорвал с себя окровавленную шкуру, подбросил ее вверх в густеющий мрак и повторил за колдуном свое имя:

— Ниho-тиан-або! Неистовая Рысь!

Много подвигов я совершил,
Много выпустил быстрых стрел,
Их осталось мне только четыре.
Вновь согнется мой верный лук

И опять зазвенит тетива,
И четырежды песню споет—
Песню Смерти моим врагам.

Хвалебная песнь

Сова получил имя, и я больше никогда не назову его юношей из рода Совы: в сумерках того вечера родился Неистовая Рысь, и ночь вычеркнет из памяти его прежнее прозвище. Никогда не зазвучит в моих устах его старое имя.

В тот же самый вечер, после танцев в честь друга, мать и сестра осмотрели наши раны от рысьих когтей, обильно смазали их горячим медвежьим жиром. Затем ловкие руки сестры наложили повязки из лыка.

С этими повязками мы гордо ходили по всему селению, а в наших волосах колыхались новые совиные перья. Больше всего вертели мы вблизи шатра Храброго Змея. Пусть посмотрит на нас и поймет, что перед ним не какие-нибудь беспомощные малыши — ути!

Оставшись наконец одни с моим отцом, мы поклялись ему, что его глаза уже никогда больше не увидят наших недостойных поступков. Отец был доволен клятвой и, когда мы выходили из его шатра, на прощание сказал:

— Осень моей жизни приближается ко мне все быстрее. Когда же придет мой час и я должен буду уйти Дорогой Солнца на Северное небо, душе моей будет легче при мысли, что я оставляю здесь, на земле, храбрых и справедливых юношей.

И мы, выйдя из шатра, еще раз поклялись на кляках медведя никогда в жизни не нарушить доверие вождя племени...

Эти дни для нас были полны радости. Мы радовались нашим семьям и теплым шатрам, прыжкам нашего пса Тауги, не отходившего от нас ни на шаг. Где бы мы только ни появлялись, нас немедленно окружали ровесники и расспрашивали о приключениях в чаще, о таинственных следах белых, о борьбе с рысью. Они рассматривали царапины на нашей коже, а затем мы вместе — не помню уже, в который раз! — ходили смотреть на шкуру рыси.

Но, в конце концов, нами стали интересоваться меньше, и жизнь в селении пошла обычным чередом. С каждым днем прилетали все более холодные ветры, от их морозного дыхания листья теряли свой цвет и скручивались, как березовая кора в пламени костра.

В селении начались приготовления к охоте. Собаки бегали, высунув языки и раздувая ноздри. Даже воздух стал пахнуть иначе. Он пропитался запахом опавшей и истлевающей листвы. Мы ждем крика диких гусей: улетаая стаями на юг, они своим громким гоготаньем сзывают охотников на большую охотничью тропу.

Однажды Неистовая Рысь и я сидели на вершине лысого холма, этот холм поднимался над чащею, как маленький остров на Большой Воде. Мы присматривались к летящим вереницам журавлей и диких уток, слушали, о чем поет ветер среди ветвей и шепчутся опадающие листья.

Позади послышались легкие шаги. Оглянувшись, мы увидели Тинглит.

— Я пришла к вам, чтобы принести тебе, Сат-Ок,

новый лук от Танто, а тебе, Неистовая Рысь, я сделала ожерелье из клыков и когтей убитого тобой зверя.

Хотя подарки нам очень понравились, мы взяли их из рук Тинглит, ничем не выказывая своей радости. Я сказал:

— Поблагодари моего брата за подарок и скажи, что первая дичь, убитая стрелой из этого лука, будет принадлежать ему.

— А я благодарю за ожерелье, и пусть пальцы твои никогда не знают усталости, — прибавил Неистовая Рысь.

Тинглит молча кивнула нам и ушла.

И только тогда я с удовольствием оглядел свой лук. Он был изготовлен из прутьев, сорванных с деревьев разной породы, и обшит мокрой волчьей кожей. Высохнув, она сжала прутья, как в железных ножнах. Сверху кожа была украшена цветной бахромой и изображениями разных лесных зверей. Я испытал тети-ву, сделанную из кишок дикой козы. Когда я натягивал ее, она тонко звенела.

Мне захотелось немедленно испробовать силу своего нового лука. Случай не заставил себя ждать. Над нами пролетала стая диких уток. Я положил на тетиву оперенную стрелу, нацелился в последнюю утку и изо всех сил натянул лук.

Стрела с тихим свистом взлетела вверх, а тетива задрожала и зазвенела, словно крылья летящей мухи; звук этот с каждым мгновением становился все тише и жалобнее, как будто тетива плакала об улетевшей подруге.

Когда я уже решил, что промахнулся, дикая утка вдруг сложила крылья и ринулась вниз, подобно брошенному в пропасть камню. Она зацепилась за ветви дерева, посыпались пух и перья, точно хлопья снега.

Мы подбежали к месту падения птицы. Около ствола лежала убитая утка, но моей стрелы в ней не было. Тщательно осмотрев утку, мы убедились, что стрела пронзила ее навывлет.

— Уфф, — произнес Неистовая Рысь, — хороший лук!

Синие тучи клубились над вершинами гор, закрывая голубое небо. Иногда солнце тревожно выглядывало из-за разорванных ветром туч, бросало на землю бледные лучи и снова скрывалось за темной пеленой.

Под порывами сильного ветра деревья изгибались, словно в каком-то обрядовом танце, пели таинственные песни и разбрасывали вокруг многоцветные листья, расстилая на земле пестрый ковер.

— Деревья танцуют приветственный танец в честь Кей-вей-кеена, — говорили воины.

А листья летали в воздухе, как маленькие птицы. Мы становились лицом к ветру и вдыхали запах умиротворяющего леса, ветер бросал нам в лица листья, вплетал их в наши волосы.

Трава все больше желтела и ложилась на землю, утомленная за лето. По лесам прошло первое дыхание Кейвадина — Властелина Северного Ветра. Все чаще

слышался далекий протяжный волчий вой. Он пронизывал нас насквозь — от головы до ног.

Сперва вой начинался в одной стороне, затем к нему присоединялся другой, еще другой — казалось, волки сзывали друг друга.

Вокруг селения раздавалось громкое карканье ворон, собиравшихся стаями на соседних деревьях. Пришел наконец день, когда в лесу появились серебряные нити маленького паучка Зузи.

Кей-вей-кеен приближается, — говорили воины и начинали доставать из укромных мест лыжи и снегоступы.

Холодными ночами густой туман окутывал чащу тяжелым серым мехом. Все чаще слышался рев лосей и оленей, вызывавших соперников на борьбу, в которой побеждает сильнейший. И уходила с победителем лосиха или лань, чтобы в лесных дебрях, вдали от врагов, отпраздновать свадьбу.

В нашем селении каждый был занят осмотром и починкой оружия, изготовлением стрел. Силки на пушного зверя кипятили в бобровом или медвежьем жире, чтобы уничтожить запах человека. Вечерами танцевали охотничьи танцы и просили Нана-бошо, покровителя животных, об удачной охоте.

Мы, молодежь, отыскивали себе какое-нибудь укромное место и просили Великого Духа послать нам вещий сон, мы хотели увидеть во сне какое-нибудь животное. А позже, когда мы добудем его, оно станет нашим покровителем и охранит нас от злых духов и бедствий.

Неистовая Рысь и я тоже нашли себе укромный уголок в чаще, чтобы там провести ночь под волчьей шкурой в ожидании вещих сновидений. Перед сном выкурили по маленькой трубочке, и у нас так закружилась голова, что мы едва устояли на ногах, перед глазами кружились деревья и земля. Мы поскорее улеглись под большим деревом, где от морозного ветра нас защищало переплетение корней, скрепленных затвердевшей землей, накрылись шкурами и погрузились в полусон. Я почувствовал, что ноги мои будто бы поднимаются вверх, а голова падает куда-то вниз, в черную пропасть.

Всю ночь я мучился и не мог заснуть. Каждую минуту комок подкашивался под горло и стеснял дыхание. Без желанного сна я пролежал до утра, а когда рассвет разогнал ночную тьму, я узнал от Неистойой Рыси: с ним происходило то же самое, что и со мной. Он даже утром чувствовал головную боль и слабость.

— Великий Дух, очевидно, не услышал нас, — сказал я.

— На следующий год попробуем еще раз, — ответил он.

Наконец, пришла пора Великой Тишины. Казалось, время потекло медленнее, желая продлить короткую жизнь листьев, которые падают и расцветивают землю, а позже кормят собою деревья.

Сходящиеся верхушки деревьев местами образовали многоцветные своды. Сквозь них пробиваются солнечные лучи и бросают мягкие световые пятна на красивый лесной ковер. В эти чудесные дни даже души давно умерших воинов и охотников собираются на охоту, а когда ветер закружит над землей сухие листья, наши люди говорят: это умершие охотники танцуют с ветром охотничий танец.

В эту пору чаща полна движения. Мелкие животные готовят запасы пищи на зиму. Вон белки тащат в свои дупла орехи и шишки. На озерах плещутся дикие утки и гуси, шумно готовясь к отлету. То чуткий бобер, то мускусная крыса переплывает озеро. В лесу бесстрашно бродят колючие дикобразы, — они верят в свое оружие — иглы. Высоко в горах готовятся ко сну медведи, они сносят в свои берлоги ветки и березовую кору.

Солнце опускается все ниже, окрашивает пурпуром деревья, золотит вершины гор. Вода у берегов переливается всеми оттенками радуги. В нее смотрится алеющее небо, оно уже напоминает о близких морозах.

Да, теперь нужно быть осторожным: ночью может прийти Ка-пебоан-ка — властелин холодного ветра — и ледяной рукой задушить охотника, заснувшего в чаще и забывшего развести костер.

Все вокруг стремительно изменилось. Взгорья и деревья утратили свои фантастические цвета. Следы осеннего багрянца на голых ветвях лишь подчеркивают печальную наготу деревьев. Грустно свистит ветер. Последние листья кружатся в воздухе, иногда взлетая до вершин деревьев, чтобы затем, как мертвые птицы, упасть на землю.

Прилетают первые снежные хлопья, Ка-пебоан-ка зловеще хохочет: он радостно бегает по лесам, устилая все вокруг своим белым пушистым мехом.

Утром восходит грустное солнце — уже нет у него сил, чтобы согреть мир, покрытый снегом.

Ветер становится грозным противником. Он старается сковать мускулы, заморозить легкие и бросить человека в холодный пух, а затем покрыть его белым покрывалом, чтобы и следа не осталось...

Окончание следует

Союз
нерушимый

СОЛДАТЫ

Шукен Галиев

Где войне наступил конец
лет немало тому назад,
два солдата — сын и отец —
до сих пор на посту стоят.

Много лет здесь служит один,
не стареет, смены не ждет...
И ровесник солдата — сын
рядом с ним вот уж третий год.

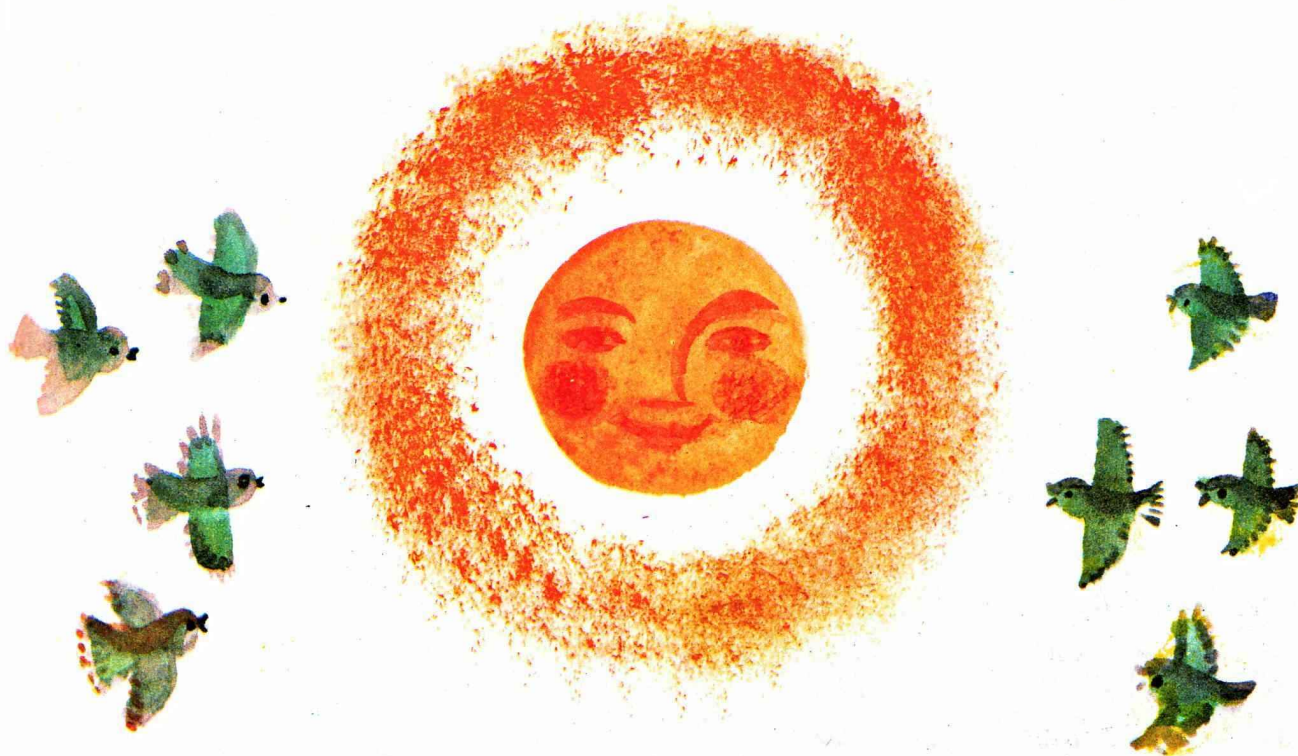
На отца он часто глядит,
что-то спрашивают глаза,
а отец молчит: он — гранит,
ничего ему не сказать.

Он не дожил всего лишь дня
до победы, до тишины —
он все там же, среди огня
не окончившейся войны.

Сыну многое вспоминать,
как он службу закончит ту,
а отцу все стоять, стоять
на бессменном своем посту.

*Перевел с татарского
В. Торопыгин*

АЛЬПИЙСКИЕ ЦВЕТЫ

Сулейман Рабаданов

— Скажите мне, альпийские цветы,
вы, лепестки заоблачного цвета,
откуда он, ваш праздник красоты,
кто вам в подарок преподнес все это?

— Нет, ничего нам не дарили, нет!
Вобрали мы в себя все краски мая,
цвет горных рек, лугов и неба цвет,
друг друга красоту перенимая.

А люди?.. Мы такие же цветы,
и красоту нам брать лишь друг у друга!
В нас души родниковой чистоты
и доброты заоблачного луга.

*Перевел с даргинского
В. Торопыгин*

Рисунки Е. Претро

СЛАВА СОЛНЦА

Микаэл Арутюнян

Чуть солнце вылезет на небосклон, —
Все горы и пики
Вершины свои предлагают, как трон,
На выбор владыке.

А солнцу на почести наплевать —
Ведь нет большей славы,
Чем яблонь цветение вызывать,
Взлелеивать травы!

Само-то солнце травинки скромней,
Но чем бы на свете
Без неустанных его трудней
Кормились бы дети?

Ходит оно, не жалея труда,
Хозяйствует мудро,
И где-то в огромном мире всегда
Начинается утро.

*Перевел с армянского
Гл. Семенов*

Союз
нерушимый

ПАХТА И

О. Василевский

Фото автора

Это слово было первым, которое я услышал в Хорезме, и в Самарканде, и в Бухаре.

— Куда едут эти автобусы?

— На пахту!

— Где секретарь комитета комсомола?

— На пахте.

Мы сидели в тени деревьев рядом с колхозной гостиницей. Председатель колхоза «8 Марта» Амир Мансуров сосредоточенно слушал у маленького транзистора радиопередачу на незнакомом мне языке.

— О чем речь, товарищ Мансуров?

— О пахте. Хорошо идет пахта, план выполним досрочно.

И тогда я захотел, наконец, увидеть эту самую пахту, о которой столько говорят. Мы сели в колхозную «Волгу» и поехали.

Мелькали деревья у дороги, ослики с поклажей, поля, то пустые уже, то пестрые, как ковер, от разноцветных платков и тюбетеек.

— Сюда, — сказал Амир Мансуров, и «Волга» остановилась там, где в хлопчатнике мелькали бронзовые лица. На этом поле сбор хлопка вела 18-я школа Ургутского района.

— И-х-э! — кричала девчушка в цветном платье, — подождите, еще несун! — и взваливала на весы мешок с хлопком; смеялась, отмахивалась от фотоаппарата и гордо говорила: — Шестьдесят!

— «Мохира Ражабова, 60 кг», — записывал весовщик и перебрасывал мешок через борт машины.

— Ну, а теперь посмотрите, как работает техника, — предложил Мансуров, и мы пошли на соседнее поле.

Словно большой голубой пылесос двигался по полю: крутились валки барабанов, и через широкий раструб легкий, пушистый хлопок из раскрывшихся коробочек засасывался внутрь и оседал в зарешеченном ящике.

А дальше нас ждал хирман — площадка, на которой ворошат хлопок, сушат его и грузят для отправки на хлопкоочистительные заводы.

Открылись челюсти ковша, и белая масса потекла в кузов, грузовик тронулся, его место занял другой.

Ехали обратно — и видели то, чего не замечали раньше: почти у каждого перекрестка на столбе — аккуратный ящичек, похожий на почтовый. Сорвет ветром с грузовика самую малую пушинку — и обязательно тут же прохожий, кто бы он ни был — белобородый старик или малыш лет пяти, — поднимет упавшую прядь и положит ее в ящичек.

Бегут по дороге машины с хлопком, везут на заводы будущие пионерские галстуки и рубашки, будущие платья и костюмы.

Пахта в Узбекистане! Пахта!

РАКЛИСТ

Г. Георге

Фото В. Шварцмана

Валентин Васильевич Трошнев работает в печатном цехе. Сегодня у него ответственное задание — печатать «Оленьку».

«Оленька» с фабрики отправится во все республики Советского Союза и за границу. В свою смену Валентин Васильевич будет стараться печатать ее нарядной и яркой — самого высокого качества.

Валентин Васильевич регулирует валы, точит ракли. Нажимает на пульте управления кнопку. Машина медленно запускается.

«Оленька» — не книжка с картинками. «Оленька» — это ткань. Валентин Васильевич Трошнев и другие работники печатного цеха Ленинградской фабрики имени Веры Слуцкой делают белую хлопчатобумажную ткань какой угодно: полосатой, клетчатой, с ромбами, квадратами, завитками, с собаками, с человечками, с птицами... Какой угодно!

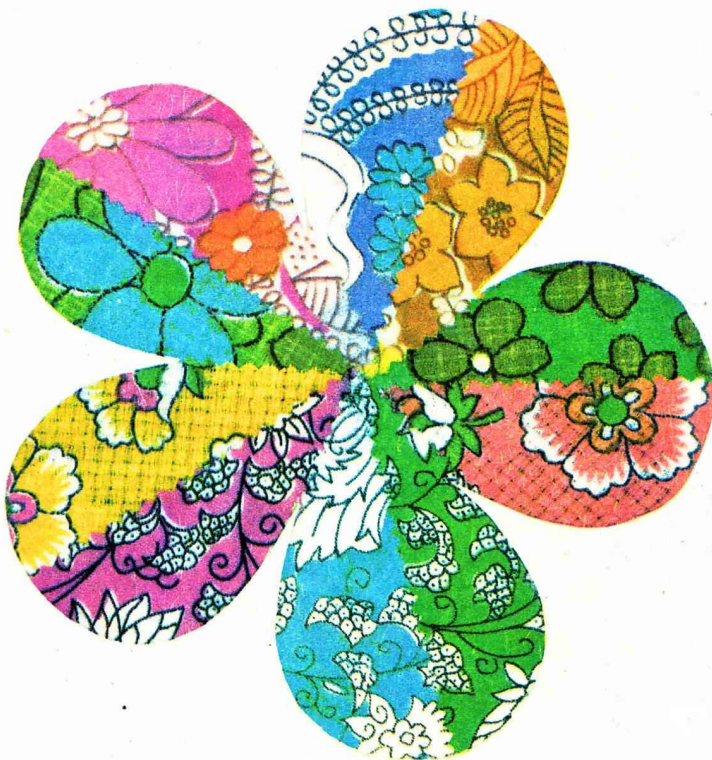
У «Оленьки» поле зеленое, цветок — розовый, контур цветка — черный, а сердцевина — желтая. Четыре цвета. Значит, сегодня на печатной машине укреплено четыре медных вала. На каждом выгравирован свой рисунок: где только контуры цветка, где только его сердцевина. Когда машина включена, валы начинают вращаться, обмакиваются в краску и потом прижимаются к полотну. А чтобы слишком много краски не попало на ткань и не было грязных пятен, на каждой машине стоит специальный нож — ракля. Он как бы прикрывает краску, и она выходит из-под ракли тоненькой полоской.

— Заправка товара! — раздается команда. В машину вставляется нужная ткань. Машина включается на полный свой ход. Цех наполняется ровным и громким шумом. И с этого момента кажется, что до конца смены ракклисту вроде бы нечего делать.

Работу ракклиста трудно сразу понять, потому что она сродни искусству. Только ракклист своими зоркими глазами увидит, ровно ли ложится рисунок на мчащуюся ткань. Быть может, с одного края он получается темнее, а с другого светлее? Такую ткань потом вырежут из куска контролеры, принесут снова в цех: брак у вас, товарищи, переделывайте! Но хороший ракклист сам заметит брак и моментально его исправит. Он знает, какие ткани каким образом надо окрашивать. Он знает, на какой скорости должна работать машина, чтобы ткань получалась самая хорошая, а выполнение плана самое высокое.

Валентину Васильевичу Трошневу присвоено звание «Лучший ракклист».

Фабрика имени Веры Слуцкой выпускает столько тканей, что в них можно одеть каждого пятого гражданина нашей страны.

Возможно, председатель колхоза Амир Мансуров не знает, что это за специальность — ракклист. Быть может, не слышал слова „пахта“ ракклист Валентин Трошнев.

Но зато они знают другое, самое важное. Их работа — у одного — в узбекском колхозе, у другого — на ленинградской фабрике — очень нужна всем людям нашей страны.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель Н. Сладков

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ!

ГАГА

Все слышали о ценном гагачьем пухе? Будьте знакомы: перед вами гага и три гагуна. Пух дает только гага. Нет, нет, люди ее для этого не ощипывают! Гаги сами ощипывают себя и выстилают пухом гнезда. Вот этот пух и собирают, когда гаги уведут из гнезд своих птенцов. Из одного гнезда берут 20—30 г пуха. Пух идет на изготовление очень легкой и теплой одежды для летчиков и полярников. Больше всего у нас гаг в Кандалакшинском заповеднике на Белом море.

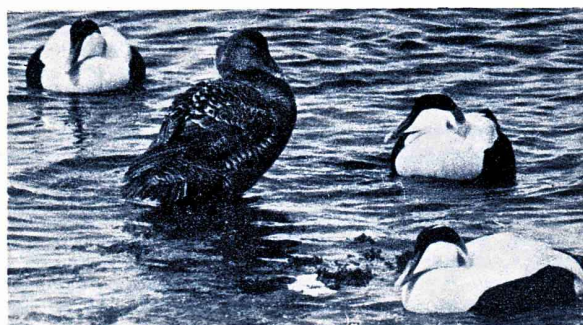
В. Михайлов

АВГУСТ — ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ ЛЕТА. ВСЕ ЛИ ЛЕТНИЕ ДЕЛА УСПЕЛИ СДЕЛАТЬ? СОБРАЛИ ЛИ КОЛЛЕКЦИИ ДЛЯ ШКОЛЫ? ЗАГОТОВИЛИ ЛИ СЕМЕНА И ЯГОДЫ ДЛЯ ЗИМНЕЙ ПОДКОРМКИ ПТИЦ? СОБРАЛИ ЛИ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ? ПОТОРОПИТЕСЬ, ЕЩЕ ВРЕМЯ ЕСТЬ!

ДЕЛА И ЗАБОТЫ

Даже когда зима на улице, в теплице Московского Дворца пионеров цветут каллы, фиалки, анемоны. Под руководством опытных педагогов ребята изучают растения, собирают гербарии. Работают ребята и по заданию научно-исследовательских институтов и московского Общества охраны природы. На снимке: каллы, выращенные Ирой Тюхтиной из 4 «б» класса 571-й школы и Ларисой Дюкаревой из 6 «а» класса 137-й школы.

Е. Синявер

ВЕСТИ ИЗ ЗООПАРКА

ПЕЛИКАНЫ ИГРУШКИ

На маленьком пруду живут пеликаны. Одиннадцать обладателей великолепных клювов с кожаным мешком снизу. Но вот беда: в зоопарке для их клювов-сачков нету дела! Рыб-то в пруду нет...

Ранним утром я застал этих огромных и серьезных птиц за ребячьими забавами. Они наперегонки плавали и хватали все, что принесла вода в пруд из арыка.

У одного из клювов торчал... черный язык! А у пеликанов не то что черного, а вообще никакого языка нет. Оказывается, у него в мешке был старый ботинок! А из клюва кожаный «язычок» свесился!

Другой пеликан занимался жонгли-

рованием. Он подбрасывал вверх палку и ловко ловил ее на лету.

Палок на воде всего две, а желающих играть много. Приходится палки беречь. Чтобы палку не отобрали, пеликан ее спрятал в свой мешок. А потом — для верности! — проглотил. Я даже ахнул: проглотить этакое полено!

Наигравшись, пеликаны, довольные и веселые, расселись на берегу. А палку и ботинок куда-то спрятали. До другого раза, наверное.

А. Синяевский

Оформление Т. Соловьевой

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

КОСАТКИ

Ловим рыбу в бухте у острова Медного. С берега доносятся крики чаек и хриплые голоса кайр. Несколько кайр сидят рядом с лодкой. «App-al App-al» — кричат они, изгибая шею.

«Так вот почему мои друзья алеуты называют их арами!» — догадываюсь я.

Медленно тянется время. Молчу я, молчат мои спутники. Слышны только голоса морских птиц.

Вдруг вдали появились водяные фонтаны! Они все ближе и ближе. Уже видны черные высокие плавники. Это приближается стая косаток: небольших, но страшных хищных китов.

Китобой мне говорили, что однажды нашли в брюхе косатки 16 морских котиков! Да что котики: я сам однажды видел, как косатки напали на кита-полосатика. Кит метался из стороны в сторону и, наконец, выпрыгнул из воды, обнажив белое брюхо, исполованное кровавыми ранами. Не зря косаток называют еще китами-убийцами.

Шум и плеск наполнили бухту, вода волнуется и кипит. Косатки направляются прямо к нам...

Одна уже близко: из черного дыхала со свистом взлетает фонтан. У шлюпки косатка медленно уходит под воду.

— Скорей таскай удочка! — кричит алеут Хабаровов.

Я перегибаюсь через борт и вижу, как огромная туша медленно проходит под лодкой, мягко склоняя свой саблевидный плавник. Вспоминаю рассказ о проглоченных котиках, и мне становится не по себе. Что ей стоит опрокинуть нашу шлюпку?

— Не бойся, — говорит Хабаровов. — Мы их не трогаем, и они нас не тронут.

И действительно: стая косаток направилась в море. Скоро фонтаны их исчезают в тумане и вода в бухте успокаивается. Успокаиваемся и мы.

Е. Фрейберг

ЖАЛЕЙКИН И ПТЕНЧИК

Шел Жалейкин по лесу. Видит: птенчик сидит на пенке. Беспомощный, маленький, одинокий.

«Наверное, он, бедняга, из гнезда выпал и родители его бросили, — по-

думал Жалейкин. — Я возьму его домой и горькую жизнь его сделаю сладкой».

«Для тебя, пернатый друг, мне не жалко даже конфет! Клюй досыта ириски, подушечки и леденцы».

«Пей на здоровье лимонад, какао и кофе. Помни мою доброту. Пой веселые песни!»

Но птенец от таких щедрот петь не стал. Он поскунел, нахохлился и окошел. Никогда не прозвучит в лесу его песенка...

Не знал Жалейкин, что не был птенец сиротой: просто пришла пора из гнезда вылетать. Не знал, что не едят птицы конфет и не пьют лимонада. Не знал, что и жалеть надо умеючи.

КТО ЧТО МОЖЕТ

Комар-дергун может так быстро махать крылышками, что сливаются они в расплывчатое сияние: тысяча взмахов в секунду! Быстрее, чем пропеллер у самолета.

Лесной конек от зари до зари успевает спеть 3800 песен: по 220 песен в час!

Огромный гриф может подняться так высоко, что покажется снизу крохотной мошкой. Выше гор, выше облаков — на высоту в 7 километров.

КОСЯ ТЕРКИН

НА ФОТООХОТЕ

ВОЛЧОК

Странное существо обитает в глуши тростников. Как стемнеет, так начинает кричать: «Волк! Волк!» А само — не волк, а всего-навсего волчок — цапелька ростом с галку.

Ростом невелика, а кричит сердито, будто злая собачонка лает.

Волчка называют еще малой выпью. И недаром! Обликом и повадками он очень похож на выпя. Так же скрытен и осторожен, так же вытягивается и замирает. Когда я его первый раз увидел, я глазам не поверил: птица ли это? Торчит какая-то мумия! Но «мумия» вдруг вспорхнула и улетела.

Гнездо волчка найти очень трудно. Оно прячется в самых глухих, самых недоступных уголках болота. Зато если найдешь, — фотографируй сколько хочешь. У гнезда волчки доверчивей, чем воробьи на улице.

А. Лухтанов

КТО ЛЕТИТ НАД ГОЛОВОЙ

У каждой летящей птицы — свой силуэт. Мы будем вас с ними знакомить. Для начала предлагаем отгадать: какие птицы на наших фотографиях? Кто отгадает — пусть напишет. А если у вас есть рисунки летящих птиц — присылайте. Будем вместе разгадывать.

СНИМАЮТ ДЛЯ

Оформление Г. Никеева

Летняя встреча *****

СЕРИЯ

10

Снимают киностудии
страны

О ЧЕМ ГОВОРИТ
ФОТОГРАФИЯ

ПОЧТА
КИНОКЛУБА

Выполняем
вашу просьбу

В 1922 году страницу под таким заглавием можно было бы очень быстро сделать. Потому что в те трудные времена кинофабрик, как тогда называли киностудии, было мало. О том, что на свете существует кино, не все еще и слышали. О широком производстве фильмов для детей тогда только мечтали.

Сейчас киностудии художественных фильмов есть в каждой союзной республике. Да еще студии документального кино, научно-популярного!

Мы позвонили в несколько крупных киностудий, и оказалось, что каждая из них сейчас готовит новый фильм для вас, ребята.

У телефона киностудия **ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ФИЛЬМОВ ИМЕНИ ГОРЬКОГО (Москва):**

— Надежде Константиновне Крупской посвящается фильм, который ставит у нас режиссер Марк Донской. Фильм называется «Надежда».

«Олень — Золотые Рога» — новая работа знаменитого режиссера Александра Роу.

По книге Фаины Вигдоровой «Это мой дом» снимается лента под названием «Рассказ от первого лица». Режиссер фильма Я. Базелян.

О ребятах, попавших из сегодняшнего дня в 1941 год, расскажет картина «Если это случится с тобой». Ставит картину И. Николаев.

В восьмой серии киноклуба были напечатаны вот эти фотографии. Я спрашивал ребят, нравятся или не нравятся им снимки, как они создавались — случайно или «с заранее обдуманном намерением», как бы ребята сделали работы на эти же темы. Пришло множество ответов, о них и поговорим сегодня.

Большинство ребят пишет о теме снимков. Им нравятся собаки, и поэтому фотография собаки хорошая. Им не нравится, что зверь в неволе, и поэтому фотография плохая. Почти все любят парусники, и поэтому фотография «Седова» нравится почти всем: «Форма этого судна красива, стройны его мачты. Кажется, сейчас оно устремится в море, навстречу крутой волне и свежему ветру». (Ира).

Меньше всего понравилась фотография рук. «Эту работу я бы сделала по-другому. Чтобы был изображен человек в полный рост и видна окружающая его обстановка». (Ира).

«Было бы лучше, если бы на фотографии не было забинтованных пальцев». (Наташа).

«Первая фотография мне не понравилась. Там кто-то что-то чертит, а я не люблю черчения». (Володя).

Оля пишет: «...я бы нашла человека с озадаченным лицом, со здоровыми пальцами и взяла бы более под-

ДЕТЕЙ

Киностудия «КАЗАХФИЛЬМ»:

— Летом в Латвии казахский пионер Азамат познакомился с русской девочкой Катей и латышскими ребятами Язепом и Арвидом.

Азамат рассказал им, что в годы войны на латвийской земле пропал без вести его дядя — совсем мальчишкой он сражался в партизанском отряде. Язеп и Арвид вспомнили, что большой камень на болоте почему-то называют казахским словом...

Киноматериал «Нас четверо» по сценарию А. Власова и А. Млодика ставит режиссер Шамиль Бейсембаев.

Паганини. Но два друга, ученики музыкальной школы азербайджанец Сабир и русский Саша, подменяют скрипку другой, обыкновенной. В этой скрипке заложен взрывной механизм...

РИЖСКАЯ киностудия:

— Фильм «Капитан Джек» по сценарию известного писателя Юрия Яковлева будет цветным, широкоэкранным. Режиссер Ада Неретниче.

Старое боевое судно отправили на слом. Но красные следопыты решили его спасти...

Киностудия «АЗЕРБАЙДЖАНФИЛЬМ»:

Киностудия «МОСФИЛЬМ»:

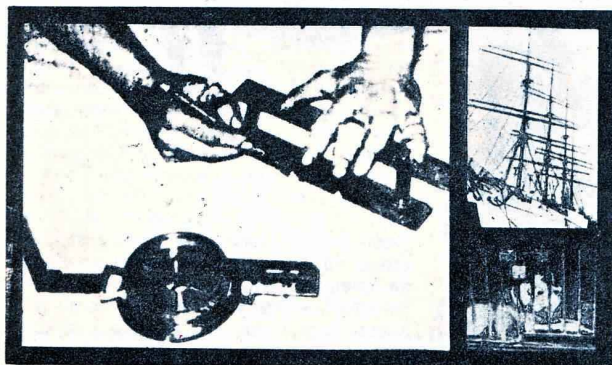
Лента, которую ставит режиссер В. Дьяченко, называется «Семка-атаман». Она расскажет о детстве Маршала Советского Союза Семёна Михайловича Буденного.

Кинокартину «Скрипка Паганини» ставит режиссер Шамиль Махмудбеков.

Гестаповцы, оккупировавшие Одессу, узнали, что у профессора-музыканта Макаруча находится настоящая скрипка

Кадр из фильма «Нас четверо»

ходящие предметы для чертежа — линейку, резинку, карандаши...

А вот Таня Ковалева, одна из немногих, отметила: «Мне нравится снимок, потому что на нем изображены руки, которые не сложены празднично, а которые что-то мастерят. Пять пальцев перевязаны, но, несмотря на то, человек упорно трудится. Наверное, руки эти добрые и трудолюбивые. Эту фотографию я бы назвала «Упорство и сила воли».

Молодец Таня Ковалева! Она попробовала своей

фантазией и жизненным опытом дополнить фотографию. И очень точно выразила тему снимка.

Другая девочка (она забыла написать свое имя) недоумевает: «Фотография с руками мне, как ни странно, нравится, не знаю почему».

А мне, кажется, ясно почему. Потому что эта фотография единственная из трех, напечатанных нами, не является случайным отображением увиденного.

Многие пишут: «Мне не нравится фотография, потому что не ясно, что происходит». Этим рецензентам просто не хочется подумать. Анатолий Головкин подумал над снимком и написал: «Наверно, это штурман прокладывает курс».

Многим не нравится, что по рукам нельзя узнать, какой человек делает работу. Нужно, дескать, увидеть лицо человека, и все станет ясно.

Иногда руки могут сказать о человеке больше, чем лицо. Представьте себе, что это руки штурмана, который совсем недавно спасал корабль от пожара и теперь прокладывает курс, преодолевая боль, делает свое дело. Представьте себе, как он тушил пожар, как хватался за раскаленные поручни трапа, чтобы вытащить из машинного отделения раненого товарища... Думаю, что после этого вы не написали бы, что снимок плохой потому, что «руки грязные и пальцы забинтованные». И скажите: будет ли интереснее снимок, который предлагает сделать Оля, — человека с озадачен-

О ЧЕМ ГОВОРИТ ФОТОГРАФИЯ

ным лицом, со здоровыми пальцами, с линейкой, резинкой, карандашом?

Фотография — искусство. А искусство только тогда искусство, когда оно заставляет вас думать, страдать, радоваться. Это очень трудно, и не все это понимают.

И поэтому о фотографии собаки написали больше, чем о фотографии рук.

Ваши письма подсказали нам много тем для бесед. Отчего снимки получаются выразительными или скучными? Можно ли представить себе то, что не вошло в фотографию: огромный сад, если на снимке всего лишь цветущая ветка, облик человека, если объектив запечатлел только его руки? В следующий раз мы и поговорим в киноклубе об этом...

А. Чечулин

Я несколько раз смотрела кинофильм «Доживем до понедельника», он мне очень понравился. Хотя я и учусь в восьмом классе, меня интересует такой вопрос: «Почему, когда снимался этот фильм, взяли именно такой класс, таких действующих лиц, которые вроде ничем не красуются?» Мне кажется, что артист кино должен быть энергичным, стройным и с симпатичной внешностью. А в этом фильме снимались не только симпатичные.

У меня есть подруга. Она хочет после восьмилетки поступать в училище, в котором готовят артистов. Внешностью она очень несимпатичная, рыжая очень. Я ей говорю, что артист должен быть симпатичным. Она ответила мне обиженно, что не обязательно артист должен быть симпатичным. Ведь кинофильмы бывают разные, значит, и действующих артистов надо выбирать самых разнообразных...

Ответь мне, пожалуйста, дорогой киноклуб!

Валя П.
Казахская ССР
Талды-Курганская область

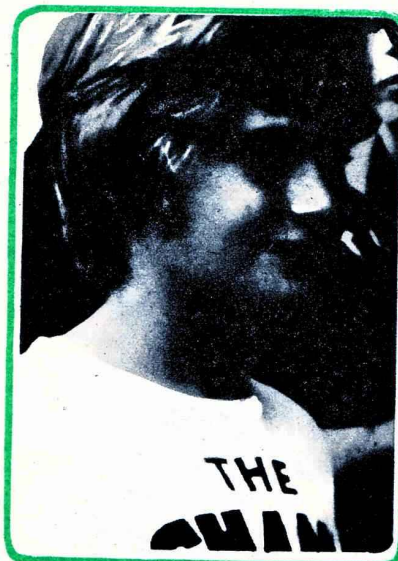
Первыми актерами первых, еще немых фильмов были необыкновенно красивые по тем временам люди: Иван Мозжухин, Владимир Максимов, Вера Холодная... Все их очень любили, можно сказать, боготворили.

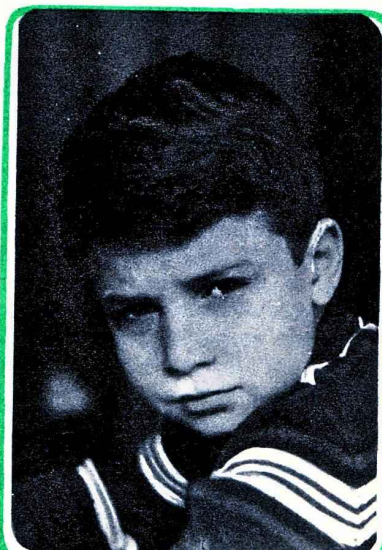
Потом на киноэкранах появился смешной маленький человечек. Лицо не слишком красивое, похожее, скорее, на клоунскую маску. Штаны обвисшие, пиджак «с чужого плеча». Но вот уже полвека фильмы, в которых он появлялся, продолжают идти в кинотеатрах при переполненных залах. Этого человека тоже все любят, можно сказать, боготворят. Этот человек — Чарли Чаплин.

В чем же тут дело? Любят красивых артистов и любят некрасивых?

Члены киноклуба!
Давайте вместе ответим на письмо Вали П.

Выполняем вашу просьбу

КАК ТЫ ПОПАЛ В КИНО?

Марк: Я родился в 1958 году, а выступать начал не в кино, а по телевидению. У меня мама актриса, а папа работал тогда манекенщиком. Вместе с ними меня показывали по телевизору. В кино я снялся впервые в восемь лет в картине «Вперед, Франция!»

На роль Оливера был объявлен конкурс. Режиссеру Кэролу Риду понравился мой голос, и он взял меня.

Ильюша: Я на два года младше Марка. В кино снимался первый раз. Я учусь в ленинградской 183-й школе, перешел в седьмой класс. Занимаюсь в музыкальной школе уже шесть лет.

Однажды меня вызвали в кабинет директора. Там я увидел двух знакомых людей. Потом узнал, что это был режиссер киностудии «Беларусьфильм» Лев Владимирович Голуб и его помощник. Меня и еще одного мальчика попросили прочитать стихотворение и сказали, чтобы мы пришли на следующий день в гостиницу, где остановился режиссер.

Когда я пришел, Лев Владимирович сказал: «Попробуй пофантазировать! Ты хочешь попасть в партизанский отряд. У тебя нет оружия, только одна скрипка. У партизан тоже нет ни автомата лишнего, ни пулемета. Что ты будешь делать?» Я немно-

гие наши читатели хотели бы узнать побольше о своих сверстниках, сыгравших в кино.

В этом номере киноклуба мы рассказываем вам об английском школьнике Марке Лестере и советском — Ильюше Цуккере. Марк сыграл роль Оливера Твиста в фильме «Оливер!», Ильюша — роль Пети в «Полонезе Огинского». Оба мальчика получили призы-сюрпризы детского жюри Московского Международного кинофестиваля. Детское жюри — оно состоит из московских школьников — подарило Марку щенка-спаниеля, а Ильюше — футбольный мяч с автографами всех игроков сборной СССР.

Корреспонденты киноклуба Б. Миронков и А. Костриц побеседовали с Марком и Ильюшей.

го подумал и рассказал режиссеру, как бы я поступил. Я бы пришел к немцам, как будто поиграть на скрипке, и схватил автомат, который лежит в стороне. Прибежал в избу и спрятался в печку. Слышу, вошли фашисты. Я по трубе стал вылезать на крышу. Выбрался на улицу, они за мной. Я спрятался и стал стрелять, убил трех немцев, меня тоже ранили. Вскочил и бросился бежать в лес. Ведь туда немцы не пойдут: они боятся партизан.

На прощание режиссер сказал, что, может быть, придется поехать в Минск на кинопробы. Мама не верила, а я надеялся, и вот узнал, что прошел по конкурсу.

НРАВИТСЯ ЛИ ТЕБЕ КИНО? ЧТО ТЫ ВООБЩЕ ЛЮБИШЬ ДЕЛАТЬ?

Марк: Я люблю сниматься в кино и смотреть картины про ковбоев и шпионов. А еще я люблю футбол, плавать, читать комиксы, собирать марки и играть в гольф.

Ильюша: Мне больше всего понравились пиротехники. Все время я проводил возле них. Рассматривал пистолеты, автоматы.

Еще мне запомнился белорусский город Слоним. Там снимались многие эпизоды картины, и там я учился в четвертом классе. Пятого октября, как раз в день моего рождения, состоялась линейка, и меня и еще одного мальчика приняли в пионеры.

Из фильмов самые любимые — «Чапаев», «Максимка», японский «Кот в сапогах». Больше всего мне нравятся фильмы про войну и также веселые, где много приключений.

КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ?

Марк: Хотя я и пою в фильме «Оливер», но музыке и пению никогда не учился. Занимаюсь пока что в обычной школе, но, может, поступлю в лондонскую театральную школу «Корона» — если не передумаю стать артистом, а то мне еще очень хочется быть летчиком. И еще я очень люблю животных и поэтому, когда приезжаю в какой-либо город, обязательно прошу свести меня в зоопарк.

Ильюша: Раньше я хотел стать пожарным (у них такие красивые золотые каски!), потом летчиком, а сейчас — водолазом.

ЖЕРЕБЕНОК И ВОЛК

РАССКАЗ

Отта Носелиани

Рисунки Е. Захарова

Стройная поджарая кобылка насторожила уши, оторвалась от травы и, вытянув шею, оглядела пологий луг до самого ущелья. По-

том посмотрела под гору, где над лугом нависала скала и, не увидев, кого искала, заржала громко и требовательно.

Из оврага, по которому со звоном бежал ручей, показал голову дымчато-белый сосунок и заржал в ответ. Услышь кто-нибудь его голос, не удержался бы от смеха. Но поблизости никого не было. Жеребенок пощипывал травку между цветами, а перед ним, выбирая цветок, порхала большая пестрая бабочка. Жеребенок спустился за бабочкой в овраг, и теперь ему не хотелось покидать отлогий склон, поросший высокой вкусной травой.

Кобыла недовольно фыркнула и заржала сердито.

Бабочка села на пунцовый цветок рядом с одуванчиком и слепила крылышки за спиной: можно было подумать, что она прилетела на одном крылышке. Жеребенку очень хотелось подкрасться и понюхать ее — такая красивая и пахнуть должна необыкновенно.

Сверху, с пригорка, опять донеслось ржание, жеребенок, вскинув голову, испуганно и недовольно поглядел туда.

Кобыла топнула копытом.

Жеребенок замотал головой на длинной шее, подбежал к бабочке, но та выпорхнула у него из-под носа и, петляя, полетела вниз по оврагу. Жеребенок потерял боком о куст смородины, вздохнул и свободным галопом пустился вверх, в гору.

Кобыла успокоилась и стала щипать траву.

Жеребенок был белый-белый, точно облако тумана, с голубоватыми гривой и хвостом. Некрасивых жеребят не бывает, но мимо этого нельзя было пройти равнодушно. Глаза чистые, ясные, как спелые сливы, а храп и ноздри чуть не черные.

Мастью жеребенок вылитый отец, и в точности как отец выгибает на скаку шею и отворачивает голову, красуясь породистой грудью. Жеребенок очень гордится сходством с отцом и каждый раз, когда мать сердится на него, думает: «Не топай на меня ногой... Ведь я похож не на тебя».

Разыгравшись, жеребенок взбежал вверх по зеленому склону, оттуда — галопом вниз, к скале, нависшей над лугом. Хотел обогнуть скалу, но не решился. Оглянулся на мать. Нельзя?.. Иногда мать ржет так громко, точно гром гремит. Нельзя... Жеребенок грустной рысью потрусил к обрыву, но бабочки там уже не было видно. Зато по берегу ручья, подергивая хвостом, прыгала трясогузка и клевала что-то в песке.

Жеребенку хотелось сбежать по склону, но он знал, что мать очень рассердится, и, расстроенный, покинул обрыв.

А когда жеребенку хотелось молока, он сразу добрал к матери и думал, что на нее он тоже немножко похож — храпом и глазами...

Сытый, усталый сосунок повалялся на траве, задирая ноги и брыкаясь, почесал спину, по-

том лег на бок и сквозь полудрему слушал, где пасется его мать. Мать, на которую он немножко похож.

«Не валяйся, — фыркала кобыла. — Ты уже большой».

Жеребенок положил голову на землю, потерся скулой о траву, смежил веки и вспомнил, как большая и прекрасная бабочка слепила крылышки за спиной, словно прилетела на одном крылышке... Но разве мать даст разглядеть толком, одно там крылышко или два! И к трясогузке не подойти, потому что ему запрещено спускаться в овраг; он даже не может увидеть, что делается вон за той горой. А внизу, на дне оврага, растут желтые цветы на высоких стеблях — у него на ногах золотится их пыльца, — и бабочки слетаются к цветам...

Сумерки сгустились, и жеребенок уснул. А когда он раскрыл блестящие, как сливы, глаза, взошла огромная луна, на лугу выпалиней, стало холодно. Кобыла опять щипала траву, но то и дело вскидывала голову и пофыркивала.

«И что она все фыркает, — удивился жеребенок. — Я же около нее».

Кобыла объела всю лужайку вокруг сосунка, и теперь выщипывала короткие стебли трав.

«Ну и напрасно. Я ничуть не испугаюсь, если она отойдет подальше».

Жеребенок приподнялся, вскочил на длинные тонкие ножки, от холода по всему телу пробежала дрожь, и он шагнул вперед.

«Надо побегать, согреться. Ведь мне и ночью не страшно».

Жеребенок смешно заржал, выгнув длинную шею, отвернул голову и поскакал, выставя грудь.

Кобыла насторожила уши, фыркнула: «Что это ты ржешь среди ночи?»

«Удивительно, — подумал жеребенок. — А если я не могу иначе?» Он опять заржал и пустился галопом.

Кобыла топнула ногой, топнула тише, чем днем, но строже.

«Ну и ну!... Не могу же я усесться на собственный хвост, как собака, и сидеть!»

Тут над лугом показался светлячок.

«Ах, какая красота!...» — синие глаза жеребенка просияли, и он пошел за светлячком. Светлячок загорался и гас, загорался и гас, загорался и гас. «Вот если б я поймал его, — думал жеребенок, — спрятал бы в челке или в ухе, а утром бы принес бабочке, тогда она обязательно раскрыла бы крылышки и позволила ее понюхать».

Светлячок летел. Загорался и гас, загорался и гас, и бежал за ним сосунок, бежал... Бабочка, наверное, никогда не видела светлячка — ведь она спит по ночам — и очень удивится и обрадуется. Раскроет свои крылышки,

и он разом вдохнет запах всех цветов на свете...

Кобыла фыркнула.

Мать ночью не ржет, боится. А я похож на отца. Я смелый, и не делаю ничего плохого. Я только хочу поймать светлячка, чтобы завтра утром...

Поодаль, на краю поляны загорелись два огромных светлячка. Загорелись и не погасли.

«Вот чудеса!..» — и жеребенок неуверенно затрусил к двум огонькам.

Никаких светлячков. У оврага над обрывом стояла рослая темная собака с горящими глазами.

Жеребенок был в большой дружбе с собакой хозяина. Правда, у этой собаки другая масть, ну и что? Собака есть собака... Только сейчас жеребенок почувствовал, как он соскучился по своему другу. Что может быть на свете лучше друга, особенно если это собака.

«Наверное, и ей скучно, — подумал жеребенок, останавливаясь неподалеку. — Вот и ладно. Ведь мне разрешают играть с собакой...»

Собака подошла совсем близко и присела.

«Очень уж у нее глаза горят. И хвостом виляет, и слюну глотает. Верно, радуется...»

Собака obeжала жеребенка кругом. Потянула ноздрями воздух. Это вышло не совсем по-собачьи. Потом пошла к оврагу и оглянулась: мол, идем со мной, побегаем у ручья.

Жеребенок фыркнул: почему бы и нет, — и потрусил за ней.

Собака вскинула уши торчком, притихла. Глаза ее вспыхнули ярче.

Жеребенок обмер.

С луга послышалось встревоженное ржание кобылы.

«Ты что там делаешь?» — спрашивала мать.

Но жеребенок решил хоть в этот раз послушаться мать, вместе с собакой наловить светлячков и утром отнести их бабочке. И, выгнув грудь, он припустил в сторону луга: давай, мол, сперва светлячков наловим, а потом...

Собака вдруг прыгнула вбок, оскалила зубы, глаза у нее сделались совсем как угольки, и она коротко и сердито взвыла.

Жеребенка так и передернуло. От хозяйской собаки он не слышал ничего похожего. «Ничего, — сказал себе жеребенок. — Ничего. Верно, она не хочет лаять ночью...»

И тут сверху, с пригорка, где паслась мать, послышалось громкое, трубное ржание и обрушился топот копыт: жеребенку почудилось,

что целый табун лошадей двинулся прямо на него.

«Бедный я, несчастный. Мне даже с собакой нельзя поиграть...»

Кобыла трубила во весь голос, и от топота ее копыт гудела земля.

«Если я сейчас попадусь маме, мне ох как влетит. Убегу-ка я с собакой. А завтра мы найдем красивую бабочку и больше никогда не вернемся сюда...»

Не успел жеребенок ступить и трех шагов, как мать коршуном налетела на него, впилая зубами в шею, как цыпленка, подняла на воздух и стала бить копытами землю. В одно мгновение она вытоптала все вокруг.

«За что? За что?.. За то, что я хотел поиграть с собакой? Мать не любит ни меня, ни отца, ни собак, ни светлячков...»

Жеребенок жалобно заржал, и ясные глаза его затуманились.

«Отпусти...» — заржал он еще раз и рванул, но мать только глубже вонзила зубы в его загривок, сминая траву, завертелась и потащила сына к скале.

«Я пропал... — в отчаянии думал жеребенок. — Пропал! Прощайте, зеленые луга, крутой пригорок и гора, на которую я так хотел подняться. Прощай, красивая бабочка!»

Жеребенок ударился головой о скалу, и в глазах у него потемнело.

Очнувшись, он услышал жуткий вой, тяжелое сопение матери и удары копыт. Жеребенок лежал, притиснутый к скале, а кобыла била копытами воздух, скалу, и луну в небе. Иногда опять раздавался жуткий протяжный вой.

...На рассвете, когда побитый волк, поджав хвост, затрусил к лесу, кобыла долго еще прикрывала сына, дрожа всем телом. Потом у нее вдруг отвисла нижняя челюсть и подкосились ноги.

Взошедшее солнце осветило лошадь, лежащую на земле, и жеребенка над ней. Над израненной шеей жеребенка и окровавленным крупом кобылы вились мухи.

Жеребенок стоял над матерью, устало и виновато глядя перед собой. До вчерашнего дня он знал, что как две капли воды похож на отца, что на свете были мать, зеленая трава, цветы, трясогузки и бабочки. Светлячки и красивые бабочки.

У жеребенка был друг — хозяйская собака, умная и преданная. Краем уха он слышал и о волках, но не знал их и не умел отличить от собаки.

С прошедшей ночи жеребенок знал волка.

Перевел с грузинского Ал. Эбаноидзе

Кавалеры Улыбки

Орден, который вы видите на рисунке, совсем особенный. Каждый поляк, взрослый или ребенок, знает: это орден Улыбки.

Дети его придумали, дети его спроектировали и дети награждают им тех, кто свой труд посвящает детям.

Орден Улыбки вручается два раза в год: в первый день весны и в последний день лета. Кандидатов для награждения представляют классы, или харцерские дружины, или дворовые отряды, спорт-коллективы, клубы.

Среди кавалеров ордена Улыбки — известный врач профессор Виктор Дега, любимые детские учителя, водитель автобуса Станислав Пухальский, который уже перевез из школы и в школу четыре тысячи сто восемьдесят детей, Зофья Словинская, „самая лучшая бабушка Кракова“, моряк Эрвин Пастерны, привозивший из дальнего плавания интересные экспонаты для школьного музея. И, конечно, полковник Януш Пшимановский, автор сценария знаменитых „Четырех танкистов и собаки“.

Взрослые очень гордятся наградой польских ребят.

ДОЖДИК

Марек Вовжеквич

Видишь, дождь идет? Березы плачут.
Мокнут в дуплах беличьи хвосты.
Дождь стучится в окна нашей дачи.
«Дождь. Зачем он?» — спрашиваешь ты.
Стыдно мне. Не знаю, как ответить.
Но порой я думаю о том,
Что наверно солнце ярче светит,
Если умывается дождем;
Что цветы становятся глазастей,
Птицы голосистее стократ,
Если им на радость и на счастье
Дождики вдруг землю окропят,
Что всегда вкуснее пахнет сено
После благодатного дождя...
Ну, а тучи схлынут постепенно,
За собою дождик уводя.

*Перевел с польского
К. Ибряев*

Рисунки И. Казаковой

зв. шесть олимпийцев . за круглым столом

Вот-вот вспыхнет огонь XX Олимпиады, волнуются любители спорта. У болельщиков глаза разбегаются — почти две сотни золотых наград разыграют спортсмены в Мюнхене. За какими состязаниями следить в первую очередь? От кого из наших земляков ждать побед?

Самых сведущих в спортивных делах знатоков-олимпийцев пригласили мы за круглый (как медаль победителя игры) стол школы «Спринт». И если в древности предсказания на будущее, гороскопы, составляли по звездам на небе, то теперь гороскопы, или, говоря языком наших дней, прогнозы, составят сами олимпийские «звезды» — обладатели золотых наград.

Представляют чемпионов читателям магистр статистических наук, хранитель чемоданчика с занятыми историями Спортивный архивариус и художник Михаил Беломлинский.

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: Накануне открытия Мельбурнской олимпиады иностранные телеграфные агентства сообщили сенсационную новость—советский чемпион по бегу Владимир Куц попал в автомобильную катастрофу, вдребезги разбит автомобиль, погнута железная осветитель-

ная мачта. А на следующий день новая, теперь уже настоящая сенсация заставила забыть о катастрофе: Владимир Куц выиграл первую золотую медаль олимпиады — победил в беге на 10 000 метров. В № 7 «Костра» за 1970 год в очерке «Формула воли» описан этот забег.

ВЛАДИМИР КУЦ: В Мюнхене добьется успеха тот, кто навяжет соперникам свой ритм бега, продиктует темп.

Кто завоевал золотые медали в стайерском беге вслед за мной? Американский индеец Уильям Миллс, негр из Кении Нафтали Тему, новозеландец Мюррей Хэлберг, араб Мохаммед Гаммуди... Вот как популярен стал бег на всех континентах!

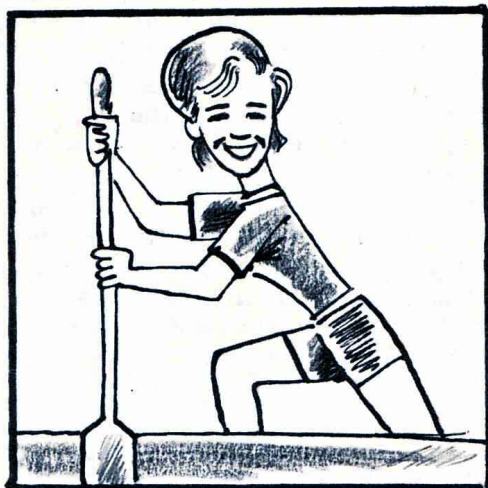
Самые удачливые в Мехико, африканцы, выиграли почти все беговые дистанции. Думаю, что в Мюнхене они снова удивят нас. Хорошо бегут африканцы — широкий шаг, естественные движения. Кстати, мне передали несколько писем от учеников костровской школы «Спринт». И почти в каждом просьба — научить стайерскому бегу. Есть пословица «Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». Приглашаю юных бегунов в дни олимпиады к телевизорам. Внимательно следите за финальными забегами. Ведь победители продемонстрируют самую рациональную технику бега.

Все шансы бороться за олимпийскую медаль есть у ленинградца Рашида Шарафетдинова. Это волевой бегун, у него большой соревновательный опыт, Рашид умеет вести бескомпромиссную борьбу на финише. Золотые медали у наших легкоатлетов непременно будут! Жду их прежде всего от Надежды Чижовой — в толкании ядра и Фаины Мельник — в метании диска, от Валерия Борзова — в спринте и Виктора Санева — в тройном прыжке.

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: Раньше архивариусам было очень сложно следить за

всеми спортивными событиями, проще: любые сведения можно да и где разместить все со- ввести в блок памяти электрон- бранные документы... Теперь— но-вычислительной машины.

Нажал кнопку — и получай справку. Сколько мячей забил Пеле, с каким временем победила в Саппоро наша лыжная эстафета — все известно. А вот на такой, казалось бы, простой вопрос, кто выигрывал у олимпийской чемпионки на байдарке-одиночке Людмилы Пинаевой, машина только виновато никому!

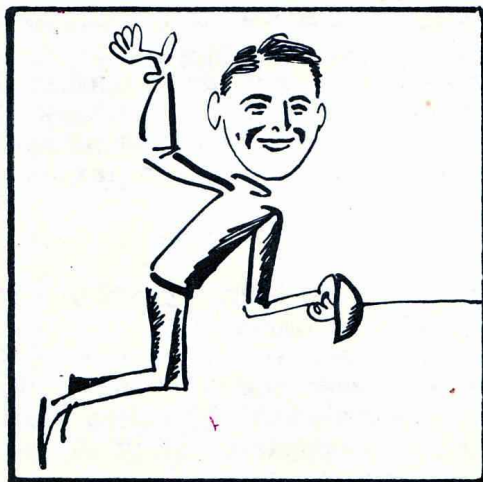

ЛЮДМИЛА ПИНАЕВА: Два раза я уже выступала на олимпиадах — в Токио и в Мехико. Теперь надеюсь стартовать вновь. Если попаду в команду, буду бороться за золото. Конкуренты в гребле очень серьезные, но наша олимпийская эскадра сумеет постоять за честь страны. Можно положиться, к примеру, на Сашу Шапоренко. В Мехико, на высокогорье, он две медали получил, а сейчас, пожалуй, стал еще сильнее. Встречаемся мы со своими зарубежными соперниками постоянно, знаем друг друга хорошо. Кому достанутся награды? Думаю, что в основном спортсменам Венгрии, Румынии, ГДР. Будут, конечно, и «летучие голландцы» — экипажи, которые преподнесут сюрпризы. Важно не дать себя застать врасплох.

Да, будет что посмотреть на олимпиаде! Я с нетерпением жду соревнований по гребному слалому. Только представьте себе: вниз по быстрым альпийским речкам устремятся легкие пластмассовые лодочки. Им придется преодолевать пороги и водовороты, огибать камни. И это не все! Надо предельно точно проскочить через множество ворот — их подвешат над трассой. Гребцы по водной стремнине проделают то же, что лыжники на склонах гор. На старт слалома готовятся выйти наши байдарочники и каноисты. За них-то я и буду переживать больше всего!

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: «Омен — номен». Есть в моей коллекции такая латинская классическая поговорка, ее перевод: «Суть — в имени». Именно в Риме подтвердил это изречение советский фехтовальщик Виктор Жданович.

Ведь Виктор по-латыни значит «победитель»! Тогда, в 1960 году, на олимпиаде Жданович одержал долгожданную победу — он впервые завоевал для нашей страны высшую награду в фехтовании. Кстати, за особое совершенство и гармоничность стиль ленинградца был тоже признан «классическим». В финале Виктор выиграл подряд все семь боев!

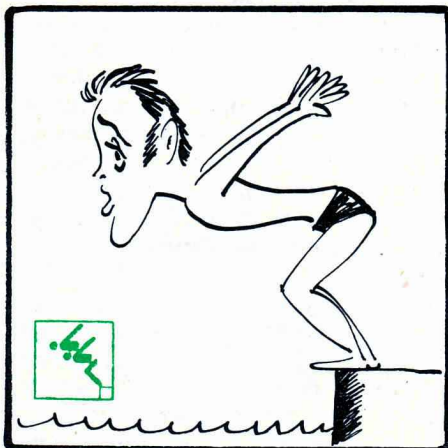
ВИКТОР ЖДАНОВИЧ: Когда хотят похвалить искусного боксера, говорят: «Он фехтовал на ринге». Но боксер может победить и за счет силы. А вот в фехтовании соперника можно только обыграть, как в шахматах. Не только безупречно действовать самому, но и предвидеть любой выпад противника. Клинок берут в руки люди с твердым характером и стальными нервами. Этими качествами и обладают наши лучшие мушкетеры из сборной СССР. Последние десять лет на всех чемпионатах мира они неизменно выигрывают «Кубок наций», привозя почти полный комплект золотых медалей. Я рассчитываю на успешное выступление в Мюнхене, наших мастеров клинка Елены Беловой, Алексея Никанчикова, Бориса Лукомского. Впрочем, на медали может претендовать каждый, кто пробьется в сборную страны — ведь попасть в нее не легче, чем стать призером олимпиады.

Особенно высоки наши шансы на победу в командных турнирах. Дважды — в Риме и в Токио — советская команда рапиристов прокладывала себе путь на высшую ступеньку олимпийского пьедестала. Верю, что эстафета побед будет продолжена. Будут и неожиданности. Мой французский друг Кристиан д'Ориоля стал олимпийским чемпионом в 19 лет. Думаю, что и это не предел. Главное — дерзать!

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: 22-летнего студента из Эрфурта (ГДР) Роланда Маттеса у него на родине называют «человек-команда». И дей-

ствительно, он один может выиграть матчевую встречу со сборными доброй половины европейских стран. Посудите сами: Маттес — призер чемпио-

ната Европы в плавании вольным стилем, рекордсмен Европы в стиле баттерфляй и рекордсмен мира в плавании на спине!

РОЛАНД МАТТЕС: Впервые на олимпиадах команда Германской Демократической Республики выступит под своим государственным флагом. После каждой нашей победы в Мюнхене будет звучать гимн ГДР. В Мехико спортивная делегация нашей республики заняла в неофициальном командном зачете третье место. Мы уступили лишь американцам и советским спортсменам. Постараемся и на этот раз занять место не хуже. На кого мы можем рассчитывать? На легкоатлетов, гребцов, прыгунов в воду, гандболистов.

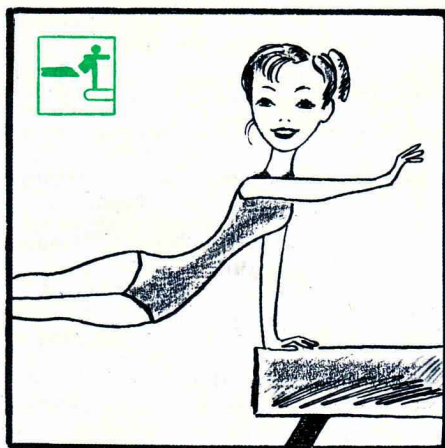
В плавании бороться за призовые места очень и очень трудно. Главный спор пойдет, видимо, между австралийцами и американцами. В Мехико мне удалось дважды быть первым. Чтобы повторить успех, надо превзойти существующие рекорды мира. К этому я сейчас готовлюсь. Советским пловцам я лично отдаю медали в стиле брасс. От них теперь зависит моя репутация «прорицателя»! Желаю победы моим друзьям Галине Степановой и Николаю Панкину!

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: Еще одно задание юным архивариусам: отыщите № 11 «Костра» за 1965 год. Там был помещен очерк Ю. Коршака «Клад Наташки-„бедняжки“» о ленинградской школьнице Наташе Кучинской. Впервые участвуя в чемпиона-

те СССР по гимнастике среди взрослых, она прочно захватила лидерство. Но ее подвело бревно... Выполняя упражнение на равновесие, Наташа упала... Не раз падала она с бревна и на других состязаниях.

А вот в Мехико ленинградка сумела, как говорил знаменитый штангист и писатель Юрий Власов, «себя преодолеть».

Наталия Кучинская стала победительницей XIX олимпийских игр именно в упражнении на бревне!

НАТАЛИЯ КУЧИНСКАЯ: Ох, как трудно даются олимпийские награды... Четыре долгих года готовишься к этому выступлению. Четыре года все мысли сосредоточены на одной цели. При этом постоянно чувствуешь, как самозабвенно тренируются твои подруги по команде, как настойчиво осваивают элементы высшей сложности зарубежные соперницы. И когда словно парит над олимпийским помостом легкая и грациозная гимнастка — знайте: на плечах у нее груз не менее тяжелый, чем штанга с рекордными килограммами!

Возможности претенденток на медали мне хорошо известны. И все же не возьму на себя смелость предсказывать, кто победит. Чемпионкой не обязательно станет сильнейшая, как принято говорить, а скорее всего самая хладнокровная, собранная, настойчивая гимнастка. Кто она?!

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: Форвард московского «Спартака» Никита Симонян редко уходил с поля, не забив мяча. Он мог заранее предупредить вратаря, в какой угол нанесет удар, и это ничего не

меняло — мяч оказывался в бит. Но славился спартаковец сетке. Бил Симонян из любого положения точно и сильно. Рекорд лучшего бомбардира чемпионатов страны — 34 мяча за сезон — держится по сей день и вряд ли когда будет по-

пропущен. Но славился спартаковец не только меткостью, но и особой элегантностью игры, безукоризненной выдержкой, джентльменским отношением к соперникам. Итак, слово прославленному ветерану.

МИР ВАШИМИ ГЛАЗАМИ

Надя Князева СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

«Мир глазами ребят» — так называлась фотовыставка, устроенная Дворцом пионеров в Архангельске.

...С фотоаппаратом через плечо участников этой выставки можно было встретить на берегу Двины, на спортивной площадке, в деревне под Архангельском, на отчетном концерте хореографического кружка. Правда, у ребят еще нет особого удостоверения или особой эмблемы, по которой их узнавали бы в городе, но, вероятно, со временем будет.

Дворцовскому фотокружку без малого четверть века. Занимаются ребята в кружке по несколько лет. Кончают школу, выбирают профессию, но не исчезают из поля зрения своего руководителя и старшего друга Якова Яковлевича Якоби... Иногда, не окончив школы, приводят в кружок младшего брата или сестру. Так в кружке занимается Надя Князева, восьмиклассница, и ее сестра Лариса. Снимок «Северное лето» сестры сделали летом. В остальном интересы у сестер разные — Надя увлекается баскетболом, Лариса — участница хореографического кружка при Дворце пионеров.

Девятиклассник Сережа Перевозников несколько лет работает у Якова Яковлевича. Один снимок Сережи в прошлом году был напечатан в газете «Северный комсомолец». У каждого кружковца со временем появляется своя тема, свое пристрастие. У Сережи — интерес к выразительным человеческим лицам. «Чай из самовара» — не единственный фотопортрет, сделанный Сережей...

Другая ученица Якова Яковлевича — Зоя Белова — уже пятый год работает в фотокружке. Недавно и ее фотоэтиюд был напечатан в газете.

Саша Нелаев — новичок. В кружок пришел, почти не умея фотографировать, а сейчас не расстается с фотоаппаратом «Смена». Смотрите, какой удачный снимок сделал Саша во время матча. И назвал хорошо — «Решающий удар».

Как оценивают свои работы кружковцы? Самым дорогим и важным является для них мнение своих ровесников. Наверное, им самим пришла мысль вывесить на стенде в огромном вестибюле Дворца пионеров все свои новые работы и... маленький почтовый ящик. На фотографиях в правом верхнем углу четко выведен номер (по порядку), а возле ящика обращение ко всем посетителям выставки: «Опустите в ящик записку с номером понравившегося вам снимка».

Так были определены имена лауреатов выставки. Редакция отобрала шесть фотоснимков и печатает их на страницах журнала.

Л. Пожидаева

стро и удобно. А в порт пришли, — выгружай прямо на платформы или на грузовые автомашины. А уж в конузы, только адрес читай: что и куда...

ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

линолеуме «РЫБАКИ НА БАЙКАЛЕ» прислал нам Голя Савин из Иркутска. Толе 12 лет

РЕБУС

Саша Нелаев
РЕШАЮЩИЙ
УДАР

Юра Шаньгин
БЕЛКА
НА ЗАДНИХ
ЛАПКАХ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

Кок — дядя Вася

Познакомьтесь! Василий Васильевич Дударев — кок океанского лайнера «Эстония».

Где только он не побывал — в Америке, на Кубе, в Японии, в Индии...

И везде у кока одна забота — накормить как можно лучше пассажиров и команду.

А ведь коку гораздо сложнее, нежели рекорды — готовить обед штормит, того шам я лично отыплеснет. Несит моя репутация. Правда, в друзьям Галине удобства — ики, вентиля-

для кастрюль на плите не было. Посуду крепили как могли.

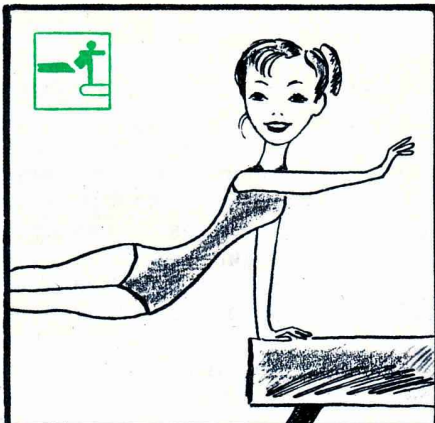
Василий Васильевич — специалист самой высокой квалификации. Его изумительным тортам не раз аплодировали пассажиры. Мастерство его отмечено — он награжден орденом Ленина.

В. Того

СПОРТИВНЫЙ АРХИВАРИУС: Еще одно задание юным архивариусам: отыщите № 11 «Костра» за 1965 год. Там был помещен очерк Ю. Коршака «Клад Наташки-„бедняжки“» о ленинградской школьнице Наташе Кучинской. Впервые участвуя в чемпиона-

те СССР по гимнастике для взрослых, она получила лидерство. И бревно... Выполнила на равновесии... Не раз упала... Не раз бревна и на д... ниях.

НАТАЛИЯ... ские награды... ступлению. Ч... цели. При этом... нируются твои... ют элементы... И когда слов... грациозная ги... нее тяжелый, ... Возможности... ны. И все же... победит. Чемп... принято говор... бранная, наст...

ра Денисенко, — что экипаж миноносца ушел в настоящую, самостоятельную жизнь. Я, как видите, уехала на Дальний Восток, где учусь и буду радисткой. Другие

МАЛЕНЬКИЙ „АЛЬБАТРОС“

девочки решили стать учителями и разъехались по области. Я же как выбрала профессию с детства, так и буду верна морю. Учусь я в училище на радиста. Многого еще недостает в моем приеме и передаче. Ведь радист — второй музыкант, и передача должна быть как музыка. Я люблю свою профессию очень! Обычно говорят: «Все стучит, гудит и потом не спишь ночами». А я вот наоборот засыпаю крепко под эти тире и точки. Через год я собираюсь сдать на первый класс и тогда уйду на корабле в море техником-радистом.

С дружеским приветом бывший командир миноносца «Альбатрос».

Вера Денисенко

Счастливого плавания по морям-океанам, «Альбатрос»!

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Наш клуб юных моряков называется «Парус». В игре «Океан-2» мы участвовали под девизом «Варяг-19». Сейчас, после маневров, дела в клубе идут нормально. Готовимся к открытию навигации. Приступили к ре-

монту плота-фрегата «Победоносный» и к строительству нового плота-фрегата «Разбойник».

Клубом «Парус» я руковожу три года, скоро меня сменит мой помощник Володя Ткачев, потому что я поступаю в Благовещенское речное училище.

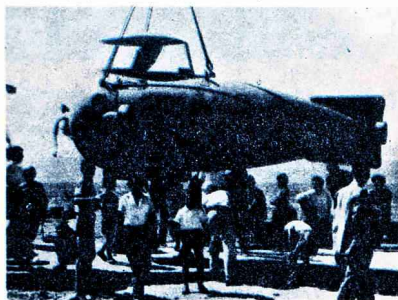
Саша Корнилов, село Новое

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

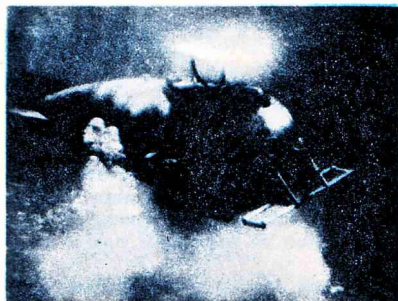
Повесть — в рисунках и фотографиях — о подлинных событиях и находках, а также об инструментах и приборах, которыми пользуются подводные археологи.

(См. «Костер» №№ 6, 7.)

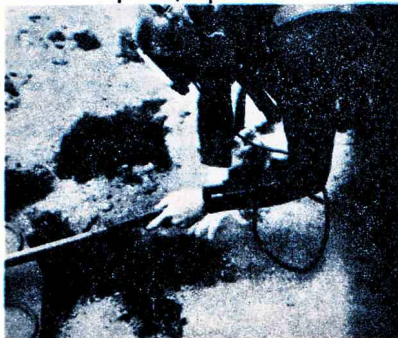
7. Подводный телевизор — вещь хорошая, но он связан с кораблем исследователей. Качнуло волной корабль, качнулось телеглаз, — изображение пропало. Или надо бы осмотреть находку поближе, а нельзя, рельеф дна не позволяет... Археологи решают спустить специальную подводную лодку «Ашера».

8. «Ашера» может опускаться под воду на глубину до двухсот метров. Внутри ее корпуса — стальной шар-кабина для двух наблюдателей. В днище шара — окна-иллюминаторы. «Ашера» очень маневренна, ее скорость 4 узла.

9. То, что не увидел телеглаз, увидел экипаж «Ашеры» и определил: здесь смогут работать аквалангисты. Они с помощью металлоискателей установят границы раскопок.

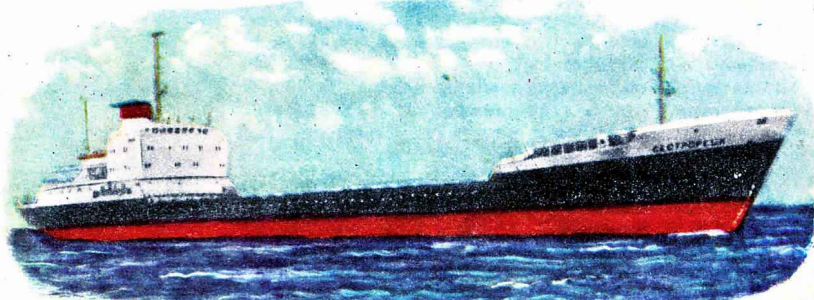

Продолжение следует

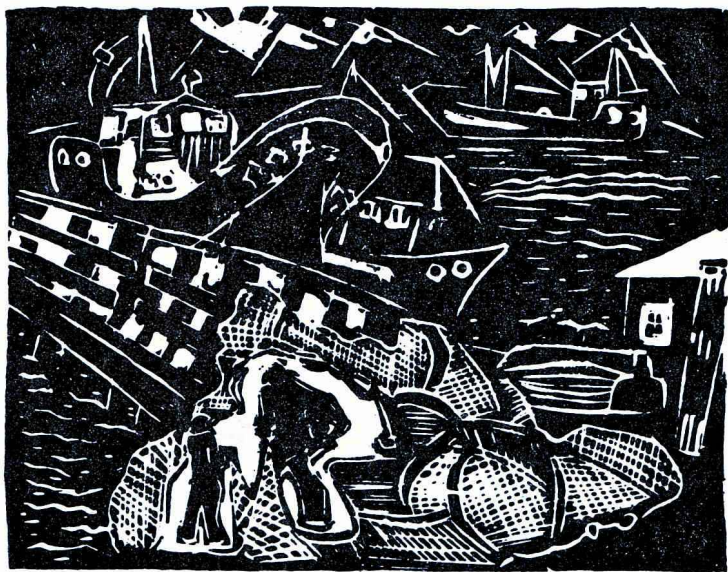
ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

«Сестрорецк» — первое большое советское судно для перевозки грузовых контейнеров. Контейнеры — это ящики весом до двадцати тонн, одинаковые по форме, как кирпичи. Грузить их на судно и укладывать один к одному очень быстро и удобно. А в порт пришли, — выгружай прямо на железнодорожные платформы или на грузовые автомашины. А уж в контейнерах разные грузы, только адрес читай: что и куда...

наковые по форме, как кирпичи. Грузить их на судно и укладывать один к одному очень быстро и удобно. А в порт пришли, — выгружай прямо на железнодорожные платформы или на грузовые автомашины. А уж в контейнерах разные грузы, только адрес читай: что и куда...

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Эту гравюру на линолеуме «РЫБАКИ НА БАЙКАЛЕ» прислал нам Толя Савин из Иркутска. Толе 12 лет

РЕБУС

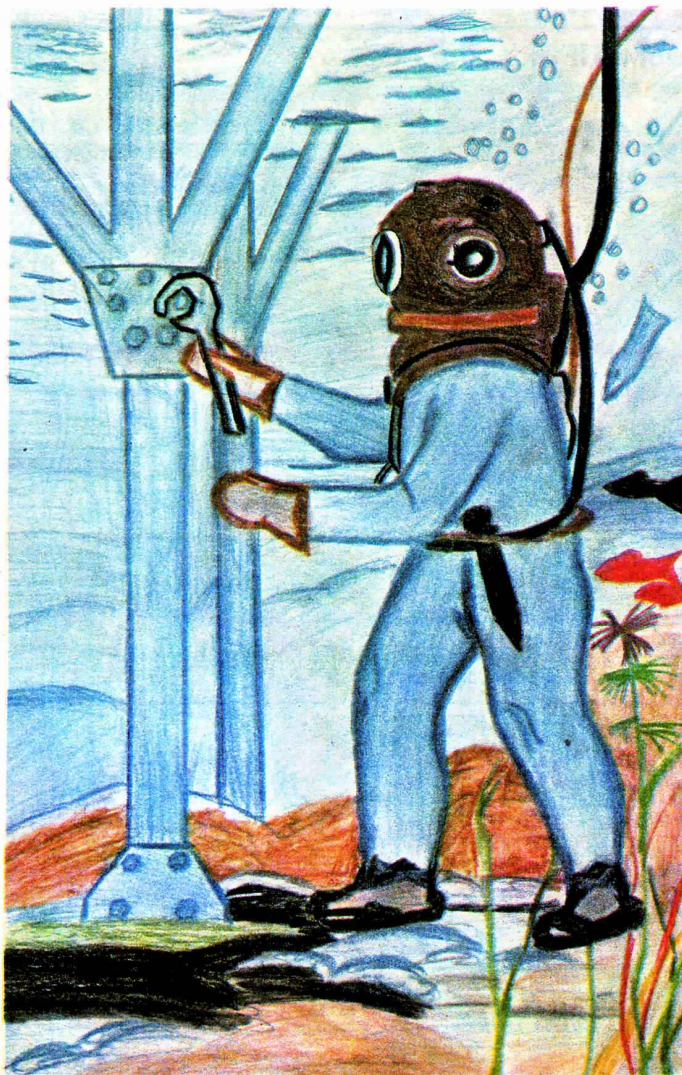
Составил Витя Анисимов из Комсомольска-на-Амуре

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

В один прекрасный день рисунки, присланные на конкурс «Морской газеты», заняли все столы в редакции.

И вот, наконец, большое жюри конкурса принялось за работу. Пора решить, что же делать с таким количеством морских рисунков!

В жюри попросили быть художника Евгения Войшвилло. С рисунками этого художника вышло немало книг о море и моряках. Более тридцати лет назад первый рисунок Е. Войшвилло напечатал «Костер». Художник сам себя называет «непременным членом общества защиты кораблей от жестокого обращения» и, откладывая в сторону неудачные рисунки, шуточно говорит: «Это корабли, «высосанные из пальца». Надо изучать нелегкий морской быт, читать книги и журналы, заниматься в кружках морского моделизма... Только тогда не будет любой парусник «бригантиной», вы не только сами получите удовольствие, рисуя, но и доставите это удовольствие зрителям...»

Евгений Валерианович предложил нам напечатать работы семи авторов. Они интересны по сюжету, манере исполнения, по сочетанию цветов, правильности изображения кораблей.

«Хороший улов». Восьмилетний Володя Чернавин удачно нарисовал рыбаков на мотоботе, которые поймали акулу. Наверное, по этому случаю в прибрежном колхозе праздник — ярко сияет солнце, и на кораблях подняты флаги расцвечивания.

«Гафельная шхуна» Вити Качанова подкупает нас тем, что показана вся целиком, с подводной частью. Витя разбирается в парусниках. Шхуна нарисована верно. Только вот иллюминаторы слишком велики и посажены на границе подводной и надводной части, чего не бывает. Крестообразные переплеты (их тоже не бывает на судах) делают иллюминаторы похожими на колеса. Ванты (лесенки) на второй мачте должны быть такими же, как и на первой. А в целом рисунок солидный и добротный. Видно, автор — человек обстоятельный, серьезный.

Сергея Гриневич делает нас как бы участниками подвига крейсера «Варяг». Хорошо, что Сережу волнуют героические темы. Рассматриваешь рисунок и веришь, что Сережа решил стать военным моряком.

Несколько замечаний можно сделать и по этому рисунку: палубных матросов надо одеть в парусиновые робы, пушка без цапф не удержится на станине. И гриб вентилятора напрасно показан на переднем плане плоским...

«Прорыв обороны» Ниной Мстиславской решен плакатно. Чувствуется быстрый ход эсминцев. Хорошо изображен взрыв корабля. А вот закорючки на дыме, напоминающие какие-то буквы, надо было размыть...

В наши дни все больше рисуют аквалангистов, а Вахет Бакаев нарисовал классического водолаза в мягком скафандре. Нарисовал красиво и грамотно. Водолаз, правда, работает на небольшой глубине, но, если надо, опустится глубже обычного и там не растеряется. Для печати в журнале рисунок хорош тем, что его можно как угодно уменьшить, он не проиграет, не станет от этого хуже.

Иногда ребята спрашивают, можно ли срисовывать. Думаю, что срисовывать не вредно, это своего рода упражнение, но нечестно выдавать срисованное за свою

КРЕЙСЕР «ВАРЯГ» В БОЮ

Сергей Гриневич, станция Алдан Амурской области

ПОДВОДНАЯ РАБОТА

Вахет Бакаев, Чечено-Ингушская АССР

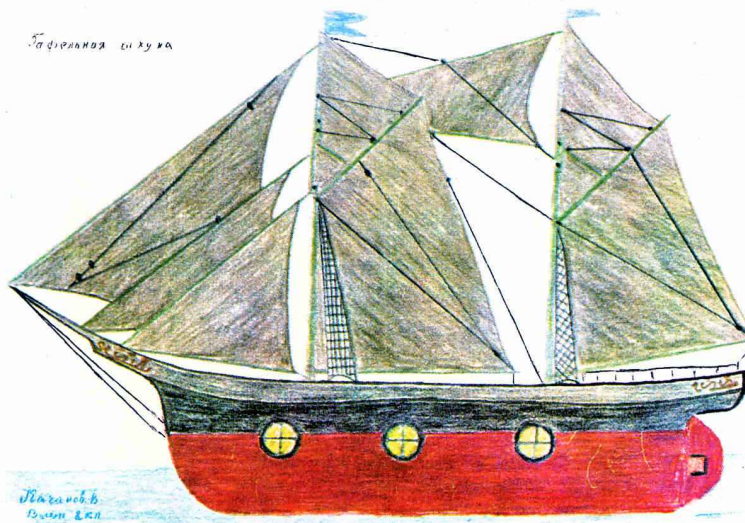
работу. Самый простой рисунок должен быть самостоятельным...

Отбор рисунков с парусниками был особенно строгим: парусников сотни! Отличным знанием парусных кораблей блеснул Саша Яковлев. Его рисунок «Бразильское учебное судно», правда, несколько суховат. Проведены по линейке линии корпуса, что скорее годится для чертежа: ведь палуба морского судна должна плавно прогибаться от носа к середине, а к корме опять подниматься. Прямая палуба бывает у речных судов. Рисунок был бы лучше, если бы линия кое-где на первом плане была бы пожирнее.

Парусный корабль красив сам по себе. Если его верно нарисовать, то красота сохраняется. Хочется сделать замечание по цвету пляжа: лимонно-желтый цвет не годится, лучше было бы сделать его розовее...

Закончив обзор присланных рисунков, художник Войшилло благодарит всех ребят, принявших участие в конкурсе морского рисунка, и напоминает им слова одного своего любимого художника: «Рисовать легко, когда не умеешь, а когда умеешь — это уже совсем другое дело...»

Гафельная шхуна

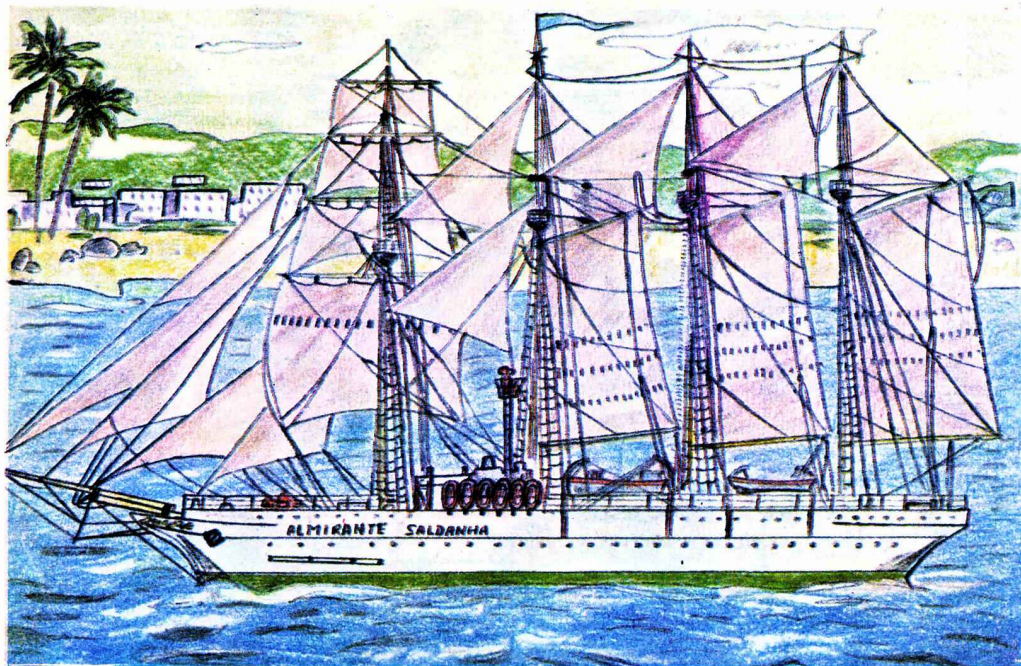
Пляж розовый
Виктор Качанов

ХОРОШИЙ УЛОВ
Володя Чернавин,
Горьковская область

ПРОРЫВ ОБОРОНЫ
Нина Мстиславская,
Таджикская ССР

ГАФЕЛЬНАЯ ШХУНА
Виктор Качанов

БРАЗИЛЬСКОЕ
УЧЕБНОЕ СУДНО
Александр Яковлев,
Коми АССР

Владимир
Орлов

ПОСТИРУШКА

У ветра постирушка:
Все тучи до одной
Решил он
Для просушки
Развесить над землей.
Уже прошла минута,
И—сто минут подряд.
Но тучи
Почему-то
Сушиться не хотят.

Чтоб тучи
Сохли лучше,
Он им решил помочь —
И над землею тучи
Выкручивал всю ночь.
То громче,
То потише,
Гремя на все лады,
Внизу дрожали крыши
От плещущей воды.
К утру старался ветер
Просушку завершить,
Но утром
Он заметил,
Что нечего сушить.
Вдали
Гремело глухо,
И в утреннем тепле
На небе было сухо,
И мокро—на земле.

Рисунок
О. Вороновой

В ЭТОТ ДЕНЬ

Семен Коган

В этот день
Было что-то
Невесело мне.
Я сидел за столом
И грустил в тишине.

И на белом
Тетрадном листочке

Рисовал облака
И цветочки.

Я шепнул про себя:
«Вот плывут облака...»
Облака на листке
Покачнулись слегка.

Соскользнули
С тетрадной страницы
И уплыли в окошко,
Как птицы.

Я шепнул:
«На лужайке
Цветы расцвели,
И над ними уже
Закружили шмели...»

И цветы расцвели
В самом деле,
И над ними шмели
Загудели.

Из цветов получился
Отличный букет.
Я их тут же поставил
На мамин буфет.

Там они
Простояли
С неделю,
А шмели.
В тот же день
Улетели.

Рисунок И. Казаковой

ЧАБАНСКАЯ НОЧЬ

Омар Султанов

Стоят в загоне овцы полукругом.
Трещит арча, пылая в очаге.
Сияют звезды над альпийским лугом.
Травинка прикасается к щеке.

Высотный воздух сладок и целебен.
Заснули елки, стоя в полный рост.
На горизонте выгнут горный гребень,
как будто тигр крадется среди звезд.

Под казаном огонь пылает жарко,
горячие стреляют угольки.
Глядит в огонь чабанская овчарка.
Пищат еще не зрячие щенки.

Уснул отец. Сегодня безуспешно
искал весь день пропавшую овцу.
Мать кормит малыша, склонившись нежно,
и отблески гуляют по лицу.

Метнулись овцы. Вэвизгнула собака.
„Чой, чой! Что там?“ И вмиг спугнуло сон.
Малыш сосет по-прежнему, однако
насторожился, кажется, и он...

Перевел с киргизского
И. Фояков

1

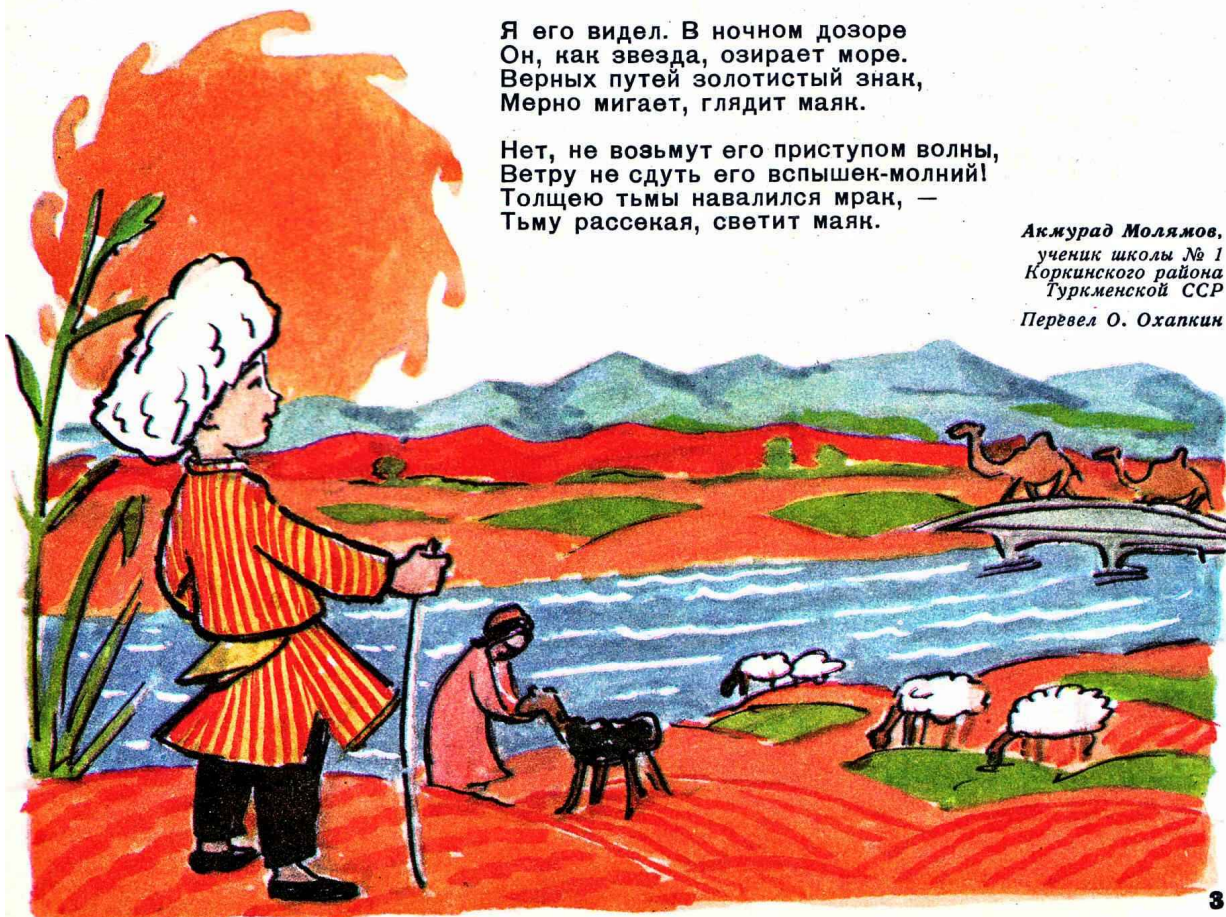
МАЯК

Я его видел. В ночном дозоре
Он, как звезда, озирает море.
Верных путей золотистый знак,
Мерно мигает, глядит маяк.

Нет, не возьмут его приступом волны,
Ветру не сдуть его вспышек-молний!
Толщею тьмы навалился мрак, —
Тьму рассекая, светит маяк.

Акмурад Молямов,
ученик школы № 1
Коркинского района
Туркменской ССР

Перевел О. Охапкин

3

ДОБРОЕ ОБЛАКО

Нуры Байрамов

От жары вздыхая тяжело,
Над песками
Облако плыло.
Набежал прохладный ветерок —
Вздогнул
Каждый куст и стебелек,
И сейчас же
Вышли на барханы
Зайцы, черепахи
И джайраны:

— Облако,
Спаси нас от беды!
Дай ты нам,
Пожалуйста,
Воды!
Разве ты не видишь,
Как от жажды
Сохнет каждый куст
И стебель каждый!
Разве ты не слышишь,

Как напиться
Просят у тебя
И зверь, и птица? —

Облако задумалось,
Вздогнуло,
Облако бровями шевельнуло,
Молния сверкнула,
Грянул гром,
И вода
Прохладным серебром
Хлынула,
Сверкая и звеня.
И промокла до корней
Земля...
Дождь прошел.
От облака того
В небе не осталось ничего:
Видно, про себя
Оно забыло —
И себя
До капли
Раздарило.

Перевел с туркменского
Владимир Орлов

2

ЧТО ПОНРАВИЛОСЬ КУБАНУ

Абзий Кадыров

Идя из школы в первый раз,
Кубан не чуял ног
И вот, не замечая нас,
Переступил порог.
Мы обступили малыша.
Он радостно сиял.

Но деловито,
Не спеша
Тяжелый ранец снял.
— Что там понравилось,
дружок?
Скажи мне непременно.
— Все, все!
И парты,
И звонок,
И больше — перемена!

Перевел с киргизского
Г. Ладонщиков

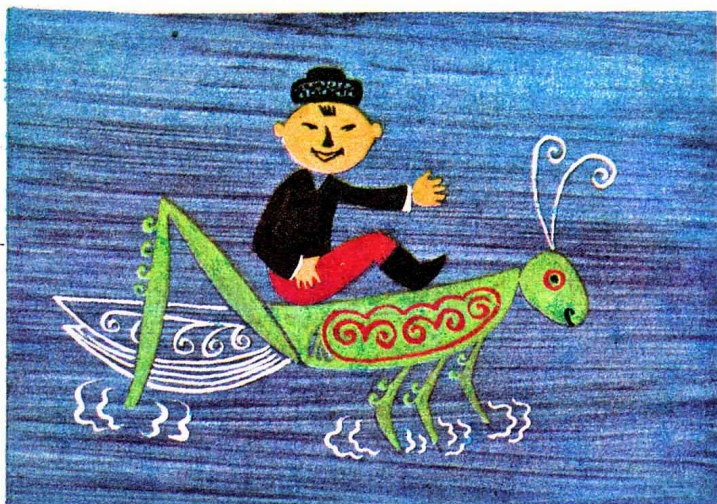

ВОЗЛЕ РЕЧКИ

НЕБЫЛИЦА

Я от речки вдалеке
Пас овечку на песке,
Стал кузнечик мне конем,
В чащах я скакал на нем.
Мотылек был птицей ловчей,
Сокола быстрее и ловче.
Мы поймали комара,
Пировали до утра.
Из его костей потом.
Мост построил я и дом.

Перевел с киргизского Н. Гребнев

4

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов).

Доблестные рыцари! С самого января вы сражаетесь за почетное право выступить в финале Олимпийского турнира и завоевать спортивный разряд и приз. Отборочные состязания завершаются сегодняшним — восьмым — туром.

В финал будут допущены рыцари, имеющие 50 очков. Претендующие на это должны в отдельном письме прислать заявление на имя жюри (шахмат-адмирал Ферзьбери, гроссмейстеры Виктор Корчной и Исер Куперман) и приложить свой «Листок учета». В нем надо проставить очки: за туры 1, 2, 3, 4, 5 — по данным из «Бюро самопроверки», а за туры 6, 7, 8 — по собственным предположениям.

Выполнив это четко и аккуратно, ждите ответа — допущены ли вы в финал.

СПРАВОЧНЫЙ КИОСК

— Что такое «кооперативный мат»? — спрашивает Коля Буров.

— В обычных задачах белые вступают с черными в борьбу. А в задачах на кооперативный мат черные не сопротивляются. Наоборот: они помогают белым дать мат черному королю! Здесь обе стороны действуют сообща, кооперативно — отсюда и название «кооперативный мат».

Вот задача (см. диаграмму) на кооперативный мат в три хода. Решим ее (в таких задачах всегда начинают черные).

1. Kpf6 Ла8! (смысл этого хода раскроется дальше).

2. Kpg7 (черный король сам спешит на то единственное поле, где ему уже третьим ходом может быть объявлен мат).

2... Сb8! (подготавливая смертельную двойную шах!).

3. Kph8 Се5X.

А вот задачи Юры Селявкина (Воронеж) и Вани Руснака (Тересва). (Юра). Белые: Kph5, п.g6; черные: Kph8, п.b2.

(Ваня). Белые: Kpf4, Kb7, п.d7; черные: Kpf6, Ld8, Kg8, п.g6.

В обеих кооперативный мат; у Юры — в три хода, а у Вани — в два. Чья, по-вашему, задача лучше?

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Шахматисты! Перед вами задача арчебековца из Харькова Сергея Федоренко.

Белые: Kрс3, Ка5, ппb7, с4, е5; черные: Kрс5, п. а6.

Сумеете вы найти в ней мат в три хода?

Другое для вас задание — этюд.

Белые: Kpe1, Фh8; черные: Kph1, Lg2, п.h2.

У белых перевес, но оборона черных выглядит прочной. Какой же вы укажете победный маневр за белых? Шашкисты! Вам предстоит найти пути для выигрыша белых в этюдах И. Федорова (А) и Д. Калинского (Б).

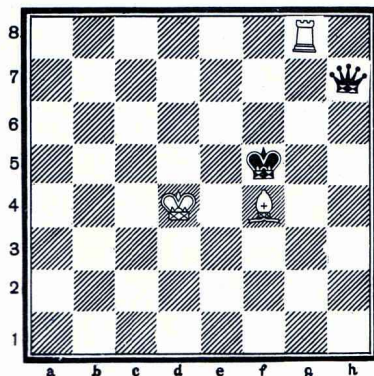
А. Белые: Д.а3, пр. с3, g1; черные: Д. а7, пр. g7.

Б. Белые: Д.h8, пр. h6; черные пр. а5, b6, с5, е7.

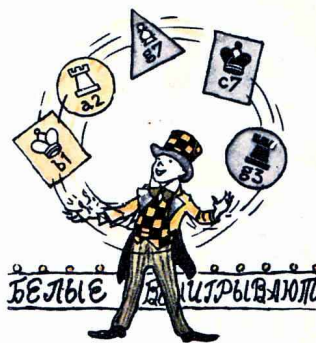
К выполнению боевого задания при-сту-пить!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Не правда ли, ловко жонглирует этот человек? Он старается улыбаться и виду не показывает, что выбил-

ся из последних сил. А ведь скоро сутки как он жонглирует, и жонглирует, и жонглирует, и не в состоянии остановиться, так как не может найти в данной позиции выигрыш за белых.

Кто из вас, отважные рыцарята, поможет ему и не даст свалиться с ног от усталости? Выручайте человека из беды!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Турнирные задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Шахматы. А. 1. Фе4! Б. 1. Кс6!

Шашки. А. 1. de5! 2. a:c1 3. h:f6 и теперь если 3... e:g5?, то 4. cd2! 5. gh4 6. h:f6X, но если 3... g:e5!, то выиграть белым не удастся. Ничья. Б. 1. fe5! 2. e:g5 3. de3! 4. de5 5. bc3 6. hg3 7. g:a7. Белые в дамках, но выигрыш еще не прост. 7... ed6 8. ab8 dc7! 9. ba7 de5 10. ae3! cd6 11. eh6! Только этот «рейд в тыл» даст победу! 11... ed4 12. hf8 de5 13. fg7X.

За каждую верно решенную вами задачу впишите в свой «Листок учета» по 5 очков.

Решение задачи для рыцарят — 1. Лf1!

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпийцам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 октября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Всемирное обозрение
веческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Ослик в полоску

Ослы смотрят на него, удивляются: «Вроде бы осел, но почему-то в полоску».

Зебры смотрят, тоже удивляются: «Похож на нас, но полосок маловато. И фигура не та... Кто же это?»

Это зеброид, сын зебры и осла. Он родился и живет в Ленинградском зоопарке. За нынешний год здесь родились еще шакалята, щенята, гвинейские собаки Динго, ягуарята, лисята и львята.

„Вставай, лентяй!“

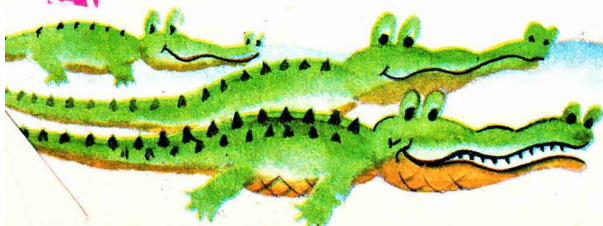
Разговаривающие часы — изделие знаменитой французской фирмы «Ландри». Каждые четверть часа они человеческим голосом сообщают точное время.

Часам можно поручать в различное время дня напоминать вам о разных делах — для этого только надо записать на магнитофонную ленту нужную вам фразу и вставить ленту в часы.

В семь часов утра фирма предлагает энергичный окрик: «Вставай, лентяй, уже семь часов!»

На крокодилов — на крокодилах

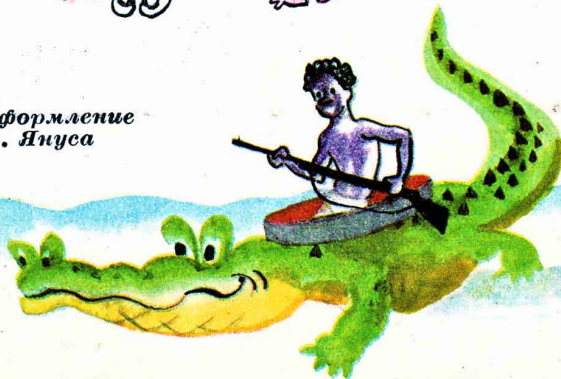
Конголезец Нгулу Нкоме — страстный охотник на крокодилов. Из всех схваток с хищниками Нкоме выходил невредимым. Сам охотник считает, что он обязан этим необыкновенным везением своей лодке. Лодка его склеена из пяти гигантских хорошо высушенных крокодилий туш. «Крокодилы уверены, что к ним плывут их собратья, и сами торопятся навстречу», — объясняет Нкоме секрет успешной охоты.

Комендантский час для петухов

Полиция поселка Кастельсарразен (юго-западная Франция) объявила, что петухи не должны кукарекать в ранние утренние часы, ибо их кукареканье мешает гражданам спокойно спать. Владельцы нарушителей запрета будут облагаться штрафами.

Оформление
А. Януца

СОДЕРЖАНИЕ

„Я иду... и прибыл...“ репортаж А. Алехина фото Е. Синявера	1
Мой друг охотник повесть В. Козлова рисунки Л. Подляской	3
Он был твоим ровесником очерк В. Тихонова	14
Школьный атлас рассказ Б. Водопьянова рисунки Н. Кошелькова	16
О Великих Законах главы из книги В. Суслова рисунки Б. Стародубцева	20
Таинственные следы повесть Сат-Ока рисунки К. Овчинникова	24
Стихи Микаэла Арутюняна, Шукена Галиева, Сулеймана Рабданова в переводах Гл. Семенова и В. Торопыгина рисунки К. Претро	36
Пахта и раклит зарисовки О. Василевского, Г. Георге	38
Зеленые страницы ведет Н. Сладков оформление Т. Соловьевой	40
Киноклуб оформление Г. Никеева	42
Жеребенок и волк рассказ О. Иоселиани рисунки Е. Захарова	46
Шесть олимпийцев за круглым столом интервью Ю. Михайлова рисунки М. Беломлинского	50
Александр Медведь заметка Ю. Коврова	53
Мир вашими глазами фотоснимки наших читателей	54
Морская газета Поговорим о твоём рисунке беседа художника Е. Войшилло	58
Стихи С. Козана, В. Орлова рисунком О. Вороновой	60
Уголек журнал для малышей	61
Арчбек шахматы и шашки	63
Вот так штука!	64

Фотоиллюстрации к главам из книги
„О Великих Законах“ — из журналов
„Курьер ЮНЕСКО“ и „Советский Союз“
На обложке рисунок К. Овчинникова
к повести „Таинственные следы“
На четвертой странице обложки —
„Квартира 64“ с рисунком Ю. Лобачева

Главный редактор В. В. Торопыгин

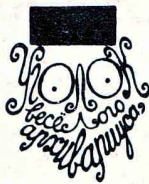
Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев,
А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов,
Ю. Д. Порошков, Л. Н. Пожидаева,
Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Се-
рова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская
(отв. секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чер-
някова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова

Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15.
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

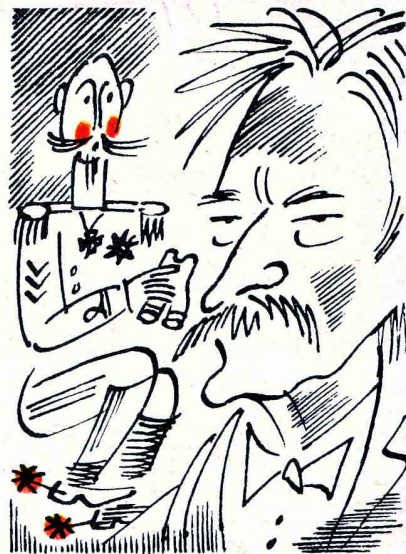
М-17369. Подписано к печати 27/VI 1972 г.
Формат 60×90½. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 2561. Цена 25 к.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1.
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР, Кронверкская ул., 7.

Однажды Марк Твен...

был в театре. Перед самым началом спектакля в его ложу вошел офицер в сапогах и шпорах. Марк Твен взглянул на него, встал, поклонился и сказал:

— Благодарю вас.
— За что вы меня благодарите? — искренне изумился офицер.
— За то, что вы не взяли с собой лошадь, — ответил Марк Твен.

Однажды Артур Конан-Дойль...

который был одно время издателем журнала и, подобно всякому издателю, отсылал обратно незадачливым авторам множество плохих рассказов, получил письмо: «Сэр, на прошлой неделе вы вернули мне мой рассказ. Я знаю, что вы не прочли его целиком, потому что для проверки я склеил вместе несколько страничек. Когда мне вернули рассказ, я обнаружил, что эти странички так и остались нерасклеенными. Мне кажется, нехорошо возвращать рассказы, не прочтя их целиком».

— Сэр, — ответил Конан-Дойль, — если вам подают на завтрак яйцо, право, совсем не обязательно съесть его целиком, чтобы понять, что оно плохое.

Однажды Роберт Бернс...

прогуливаясь по набережной, услышал крики о помощи. Он бросился к реке. В это время матрос со стоявшего неподалеку судна нырнул и вытащил утопающего. Им оказался богатый купец. Когда он пришел в себя, он поблагодарил своего спасителя и вручил ему мелкую монету. Стоявшие поблизости люди возмущались скупостью богача.

— Успокойтесь, господа, — сказал Бернс, — джентльмен лучше вас знает, сколько стоит его жизнь.

Рисунки

И. Стацзинского

